

АПСНЫ АҲӘЫНТ҆КARRA
АКУЛЬТУРА АМИНИСТРРА

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

**АПСУА ҲӘЫНТ҆KARRATӘ
МУЗЕИ АУСУМ҆TAKӘA**

**ТРУДЫ АБХАЗСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ**

**АТЫЖЬРА
VIII
ВЫПУСК**

Сухум
Абгосиздат
2023

ББК 79.1 (5 Абх.) Я5
Т 78

Ответственный редактор:
А.И. Джопуа

Редакционная коллегия:
Г.Д. Гумба, Д.Р. Таркил, В.А. Нюшков, И.Т. Цугба.

Т 78 Труды Абхазского государственного музея: VIII выпуск /
Сухум : Абгосиздат, 2023. – 272 с.

Книга посвящается 30 летию Победы в Отечественной войне народа Абхазии (1992–1993 гг.)

Восьмой выпуск трудов Абхазского государственного музея включает в себя собрание статей по истории, археологии, этнографии и природы Абхазии.

Сборник рассчитан как на специалистов, так и на тех, кто интересуется Абхазией в далеком прошлом и настоящем, новейшими археологическими материалами, современной историей республики, а также духовной культурой абхазов.

© Министерство культуры РА, 2023
© Абгосмузей, 2023
© Абгосиздат, 2023

Содержание

История

Цюопуа А.И.

Апсуа музеи аусзუфцәа рфырхатара
Ацыынцтылатаа еибашъраан (1992–1993) 5

Авидзба А.Ф.

О причинах и движущих силах агрессии Грузии против Абхазии....30

Археология

Эрлих В.Р., Джопуа А.И.

Сосуд с перевала алаштраху. К проблеме атрибуции.....38

Хотелашивили-Инал-Ипа М. К.

Ручная мельница античной эпохи из Скурчи46

Джопуа А.И., Скаков А.Ю.

Культовая вымостка и «тайник»: неизвестные особенности
колхидского погребального обряда и на могильнике Джантух51

Архимандрит Дорофей (Дбар),

Церковные архитектурные детали из Анхуа (Х–XI вв.) В коллекции
Абхазского государственного музея57

Схатум Р.Б.

К истории исследования могильника казазово 1. Работа по
восстановлению материалов (предварительное сообщение)88

Ахба Д.В.

История и развитие культуры виноградарства и виноделия в
абхазии с древнейших времен95

Счастный Д.А.

Позднеантичные мечи с металлическими накладками из Абхазии ...109

История

Гумба Г.Д.

Азиатская сарматия «кашхарацуйца» («армянская география vii
века»).....120

Джопуа А.И., Нюшков В.А.

История абхазского направления северокавказского участка
Великого шелкового пути146

Гопия Д.К.

Город Акуа на карте Баттиста Аньеза 1540 г..... 155

Гожба Р.Х.

Воины, не ведавшие страха 162

Лакоба С.З.

Абхазия, ее лидеры и некоторые особенности социального эксперимента (20–30 гг. XX в.)..... 184

Медвениский Н.И.

Из истории католицизма в Абхазии
(40–50-е гг. XIX в.)..... 193

Этнология

Аргэынчха Н.Хә.

Апсуаа ичыдақазшыны ирымаз еиуеипшымыз аныққаарақәа..... 202

Плиапчха М.Ф.

Апсуа нашанатә лакәкәа рәғы афырхатча хада итахара аазырпшуа аматәаркәа..... 205

Природа

Гергия А.Ф., Смыр А.Л.

Ахъя: иахъатәи атагылазаашьеи ахархәареи..... 210

Гучетль З.Х.

Нормы Адыгэ хабзэ в условиях глобализации 216

Социологический опрос

Шамба И.В.

Музей и посетитель 225

Сакания С.М.

Логуа Нуғзар Чичикоевич 242

Хроника

Памяти Т.Ш. Гицба. *Джопуа А.И.* 268

В.А. Ниушков игәалашәара иазкны. *Цьонуа А.И.* 271

ИСТОРИЯ

ЦЫОПУА А.И.

АПСУА МУЗЕИ АУСЗУӨСҮӘР ФЫРХАТЦАРА АЦЫЫНЦЫТӘЫЛАТӘ ЕИБАШЬРААН (1992–1993)

XX ашырышың 50-тән ашықасқа инадыркны ескәашық-сатәи ҳаяажәлар ргәеилашыра ахыжрағы, ҳмилат рәғахәхә-рағы, рхақәитратә қәпарағы, рапхыагыларағы, имшәазакәан асовет системеи акыртцәа ркәйләтәи наңхыңқәен иргәйлсны, ажәалагы услагы аңыбаса ду рбаһын аиҳабыратә абида-ра иатданакуаз Апсуа ҳәйнәткарратә музей аусзүөсүә на-гақәа: А.Хә. Аргәын, И.Гә. Аргәын, А.Н. Абрегов, И.Р. Марыхәба, В.Е. Кәарчия, Р.Х. Гәажәба, Т.Ш. Гыңба, Н.К. Шенкао, Е.Къ. Ацыынцыбал, В.Г. Ағзаба. 1978-шықәсәзтәи амилат-хақәитратә қәпара дахъалахәыз азы иусура дамхын усқан амузеи адирек-торс икәз И.Гә. Аргәын.

Апсуа ҳәйнәткарратә музеи Д.И. Гәлия ихъз зху Апсу-атцааратә институти русзүөсүә ианакәызаалак ҳаяажәлар ирапхыагылаәсәан, ажәлар рхеидкыларағы, ракзаарағы аус дүкәа мәфапыргон. Үиазы изныкымкәан анызбарақәа ры-ртахъан Қырттәылатәи аобком анапхагаәсәа. Апартия аганахъа-ла аахақәа рытан амузеи атцаарадырратә усзүөсүә Н.К. Шен-каои И.Р. Марыхәбен. Ааигәа иҳампыхъашәеит Н.К. Шенкао ихатә архив ақнны ишытаз, усқантәи аамтазы Апсны иахагылаз Б.В. Адлеиба иахь ииғиз ашәкәы, уа иахәоит: «Сара сыйлахәыз амилат-хақәитратә қәпара сацәхъатцум, “Апсуа шәкәы” снапы зтазғыз сахымхәзәеит, амала сара исықәызбаз ақыртуа еиҳа-быра имфаңырго аполитика иашам».

1989 шықәсәзтәи апсуааи акыртқәеи реидыслара аштыахъ апсуааи акыртқәеи реизығазаашы зынза иуадағхеит. Е.А. Шевардназеи, Б.Н. Ельцини, М.С. Горбачиови ССРР аныхдырбгала аштыахъ, Апсны ахынәткарра 1925 шықәсәзтәи Аконституция ашқа игъекжит.

1990-тәи ашықасқаа рзын апсуа милат-хақәитратә қәпа-ра еиҳагы аеартысит. Уи хадара аитеит згәи еицамкуаз

атарауағ, ақсuaа рапхъагылағ, апатриот В.Г. Арзынба. Иара инаивагылeит ақсuaа жәлар ирапхъагылағ аинтеллигенция.

В.Г. Арзынба Аңсны данахагыла, усқантәи апарламент иалаз ақсuaа депутатцәа иахынзаяуз ирылшоз зегы Қартқон хаз-хаз икоу ө-хәйнтқаррак Аңсни Қырттәылеи рыбжъара аконфедеративтә Еиқәышаҳатра рыбжъатараразы. Аха ахтысқәа рымғапысшы злақас ала, иубартан Қырттәыла аибашьра аешазығанатцоз. Аибашьра шықескәак ракәын иагыз, Гиви Ломиназе дызхагылағ Ақеатәи ағынтықкатәи аполк абұзар ғынығаны ианыргаз, уигыз азмырхакәа Аңсны ахи-атыхәеи ирылсны ақсuaа абұзар рымырхит. Артқәа зегы збоз ақсuaа ари иартынчумызт. Уи имбакәа дықамызт Владислав Арзынбагы. Убриазы, Аңсны иаанханы иказ 8-тәи аполк архәтқәа ирытқанакуаз арбүзармчқәа итегези иртбааны, Ақсuaа гвардия аиғекаара далагеит.

Е.А. Шевардназегы Қырттәылақа дхынхәеит, Қырттәыла ахәйнтқарра дахагылоит. Б.Н. Ельцингы Үрыстәыла дахагылоит. Үрт реиқәшәарақәа руак азкын (Дагомыстәи) Аңсны араәкы азбара, дара ишыртахыз ала Аңсны Мрагыларатәи ахәта Қырттәыла иагар акәын, Аңсны Мраңашәаратәи ахәта Үрыстәыла иагар акәын. Убри инаштарххны Е.А. Шевардназегы «Меч» захъзыз аплан шықәиргылeит Аңсны иаарласны инапағы иа-аигаразы.

Убри аштахь уаҳа зыпшра қамтқақәа, Қырттәылатәи Госсоветаа рырхәтқәа, абаҳтақәа рқынтаи зхы иақәитыртәыз абаандандығын назлаз, хыпхъазара раңаала атанкқәа ирықәтәеңи, 1992 шықәса, август 14 рзы Аңсны ахәа иахысны рәаархеит. Раңхъатәи аидысларақәа қалеит Охәреи, Агәызера, Тамшь, Очамчыра ухәа рқны. Ақыртуа еибашьцәа амған иа-хауауз иаарғағылоз ақсuaа еибашьцәа раҳытә иршызы қалеит, идырбаандағыз қалеит. Ақсuaаи дареи Аидыслара ғәгәа қалеит ахтнықалақ Ақеа Аңса қаңшы ақны ианааи. Зыпсадғыл ахъчаразы гәышпұла аға иғағылаз ақсuaа рыңқынцәа аға ирхәтқәа ааха ғәгәа рытара ианалага, Госсоветаа реиқабы Едуард Шевардназе еиуеипшым ағынтақәеи азбашықәеи ипшаауа далагеит ари аибашьра иара ишитаху азбараразы. Уи агананх ала аңхыраара маңымқәан иитон Үрыстәылатәи апре-зидент Борис Ельцингы.

Авгус 17 рзы Аңсны аихабыреи Е.А. Шевардназеи зхадарағы дықаз Қырттәйлатәи Госсоветаи еицәажәеит аңсуаа рырхәтақәа Ақәа мраташәара иахъатданакуа атып ахь ииасырц, Қырттәила архәтақәа Гәйлрыпшь араион Бағмаранқа ии-аргарц. Аңсуаа ари аицәажәара иқәнүікәаны рыр еибырхәаз атып ахь ииаргеит, аха Госсоветаа рыр ари Аиқәышаҳатра еиларгеит, аңсуаа Ақәа ишаалтыз еипштәкәа, иаразнак Ақәа иалалеит, иаартахыз қаңдо, ауаа дырхәуа, іғыңчұа иналагеит.

1980-тәи ашықәсқәа рзы Аңсуа ҳәйнәрратә музеи ақны аус руан, аңтазаареи аңсадғыл рыбзиабареи зөყәшылхәхәыз арпарцәа: Мушыни Хәарцқына, Даур Амқәаб, Анзор Агәмаа, Рустем Җәышба, Беслан Берулаа, Отар Җыапуа, Витали Ахәба. Арт арпарцәа усқантәи аамтазы Аңсны зтагылаз ами-лат-хақәйтаратә қәпдара агәтатқәа иалагылан.

Мушыни Хәарцқына. Аңснытәи ахәйнәрратә университет атоурыхтә факультет дантаз инаркны Аңсны ажәйтәзатәи ато-урых дазғымхан, еиҳаразак заа затәи ахаҳәтә аамтә. Иттара анхиркәша ашытахь, ихы рылаирхәуан Аңсуа институти СССР Анаукақәа ракадемия иатәыз Археология аинститут Ленинградтәи ақәша аттарауааи Аңсны еицимфаптыргоз археоло-гиатә экспедициақәа. 1981 шықәса инаркны 1986 шықәсқәа ирыбжъаркуаз аамтә иалагзаны дрылахәын еиуеипшымыз нхытқавказтәи, уаңтәйлатәи, урыстәйлатәи археологиатә аекспедициақәа. Мушыни Хәарцқына иара ихалагы имфапи-гон археологиатә жрақәа Аңсны ақалақықәеи ақытқәеи рұнны: Бзыпта ақыттан Ӧыңсы ҳәа иахъашытоу, Мгәызырхәа, Аңхәа, Тамшь, ақалақ Ғәдоута Кистрик ҳәа иахъашытоу атып назлоу. Имағымкәа ахәпқәа рұнны ипшаарақәа ирыбзоураны иааирпшит ахаҳәтә аамтазы инхоз ажәйтәзатәи ауағы иаан-гылартакәа. Убас, Ғәдоута араион Хәәп, ақыттан, Мачагәа ҳәа иахъашытоу атып ағыи иааирпшит ажәйтәзатәи ауағы иаангы-ларта ахыркәа ахапы.

1987 шықәсазы дәлалоит СССР Анаукақәа ракадемия иатәыз Археология аинститут Ленинградтәи ақәша. Еицир-дыруаз ахаҳәтә аамтә аттарауа, архелог В.П. Лиубин напх-гағыс диман. Итцаамтакәа апериодикатә кылпхықәа рұнны ианцәырт ашытахь аттарауа-археологцәа Аңсны, Урыстәы-

ла, Кавказ зегъы рѣкны деңгәртепт. Еицырдыруа итتاамта «Ажәйтәзатәи ауафы инхарта Хәәп ақытан, Мачагә ҳәа иахъашытоу атып ағы» захъзу анылелт «Российская археология», 1992, иара убас истатақә маңымкә ирнелелт еиуе-ипшым атыйжымтақә.

Мушыни Хәарцкына зыңшреи, зсахьеи, зыхшысирыла инагаз арғысын. Иара дызғызы изанаң археология инартцауланы идирүан, қаза дук иахасабала аус иуан ахаҳатә аамта иата-накуаз ажәйтәзатәи ауафы иаангыларта, инхарта ашықәрыгыларазы. Аңсуа институти Аңсуа музееи рѣкны аус шиуазгы ипсадгылы ашәартара итагыло ианалага, Аңсуа гвардия аиека-арахы диасит. Дахъноугалакгы иапхъягылаз Мушыни арақа-гы дызлагаз аус намығзакә даңыртзомызт. Уи ақыртцәа Аңсны ићартцоз, ирхымғаңгашыз ибон, ицәа иалашәахъан, ҳдыррала еиликаауан, ашәартара ааигәаханы ишықаз. Аңсны атоурых нтырхәыцааны издыруаз Мушыни Хәарцкына специалистк иахасабала атцаара иағызы изауизымдырхуаз ақыртцәа ргәыхәтәи наζаны ианықала Аңсни аңсуаи ртәи ҳәа егьышыкамлоз. Аибашыра иалагаанза иара дызлаз агвардиахъ

иисасхъан изааигәаз ифызыцәа, имаҗажәеи-иаргамен зеихәоз, иччареи-илафи ицеиғызшоз.

Иара абри Аңсуа гвардия иалаз роуп акыртцәа Аңсны ианақәла август 14, 1992 шықәсазы, аибашыра рапхъатәи амшқәа рзын Аңха қапшы ағы акыртцәа рәғагылара аанызкылазғы. Аха аңсуаа абұзар рызхомызт, убриазы ахтнықалақ Ақәа аанырмыжыр амут.

Убри ашытаке аңсуаа Гәымстә азиас нырцә реибашьратә цәаҳәа ахы акит, Гәымстәтәи афронт ҳәегы хъзыс иаиуит. Гәымстәтәи афронт аиғекағафца дреиуан Мушыни Хәарцқыя. Август 31 рзы акыртцәа ртанктә дивизиақәа ажәилара иапшыргеит Гәымстәтәи ахырхататқы, абри ажәилара ааныркылент Мушыни напхара зитоз аңсуаа рыңқынцәа.

Абас зызбахә легендахаз Мушыни Хәарцқыя, Гәымстәтәи афронт аиғекаарағы иңабаа дуун, итегры илшашаз рацәан, аха В.Г.Арзынба идтала, еиха атагылазаашья ахыыцәғяз Мрагыларатәи афронт ашқа ддәйкәтән. Мушыни избахә заҳаҳъаз абжыуаа рыңқынцәа, уахъ инеира даара ргәи шытнахит. Мушыни иаразнак абжыуаа аибашыцәа рбаталион напхара азиуит. Мрагыларатәи афронт азы этап дүхеит иаку ацәаҳәа аанкыларызы Кәыдры азиас инаркны Чхәарталынза. Мушыни Хәарцқыя Кәачара ақыта ахақәиттәразы аоперация аиғекаара нап аирkit. Амацәаз итакыз абжыуаа ари ақыта атарцәра қәфиарала имғапыргеит, ргәалақазаарагы шытнахит. Аха рыңқарас иқалаз, абри аибашырағы Мушыни Хәарцқыя дызгарыз ахы иқәшәеит. Аиашазы, Мушыни итахара ааха дүззан ҳайбашыцәа рзынгы, ҳауаажәлар рзынгы, избанзар уи ихыпша, идырра, аибашыра иазнеишья, аибашырағы иеиғекааратә планқәа, аибашыра аспецифика ухәа, усқантәи аамтазы иара еипш издыруаз ипшаара мариамызт. Мушыни Хәарцқыя иа нашыоуп Аңсны Ағырхатда ҳәа ахъз.

Даур Амқәаб. Аңсуа ҳәынтыккаратә музеи аћны атоурых аћәшағы аус иуан. Тоурыхтқаағык иаҳасабала амузеи ашықәтгылареи ағиареи рзы даара иңабаа рацәан, амузеи аћны имғапсуз аусмғаптатқәа ихы рыгирхомызт, активлатәла иеалайрхәуан. Убри иусура инаваргыланы Даур Анқәаб ақыр аңабаа ибахъан амилат-хақәиттәтә қәпарағы. Аңсуаа рхеид-кыла афорум «Аидгылара» далан. Аңсны ахақәиттәтә қәпара

иалагаанза, В.Г. Арзынба инапхарала еиғыркааз Аңсуа гвардия далалеит. Аусура ашытах есымша уахь дцион, арратә өазықатцарапқа дырғын. Агвардия иалаз арпартцәа аеазықатцарапқа мөфапыргацыпхъяза Даур Амқәаб дагны қамлацызт. Аибашъра ишаалагаз еипштәкъя, Даур рапхъятәи амш, Ақәа ифны дындәйлтңи дцеит аңсуа еибашыцәа дрыланы, уаҳагы ифныңа хынхәыша имаζеит.

Аибашъра шықәсүки ғымзи икон. Убри аамта зегъы Даур атабиақәеи ажәylарақәеи рыйкны ихигеит. Деибашуан иара Гәымстәтәи афронт ағы. Аибашъра атыхәтәнтәи ажәylараразы Даур ҳархәтәкәа дрыланы Ақәа иалалеит, ақалақь ргахъан, аха макъана Ақәа нагұданы итарцәымызт. Даур мағалатәи апшыхәрахы дцеит, аха игәиғеанзамкәа ҳағацәа дрымпыташәоит, дытқәаны дагыыргойт. Даур ағацәа рна-пағы даныңа тәртіпкәеит, ахана Даур апсра даңыңа тәртіпкәеит, фырхатарыла апсра даңылелит. Джуп Ақәа ақалақь ағәаны, Аңсны зхы ақәызтаз аибашыцәа ахъжу апарк ақны. Ианашьюоп Лоен иорден.

Анзор Агемаа – иналукааша атәйлағаңғаттаағ, атоурыхтцаағ, еиңдердүрүз уаажелларратә усзуғ, Аңсны аибашыра (1992–1993) анеилга аштахь, акыршықаса атоурых-культуратә ұйнха ахъчара аусбартә дахагылан, Д.И. Гәлия ихъз зху Аңсуаттааратә институт атқаҳыртатә қәша еиқабыс даман.

1975 шықасзы А. Агемаа далгеит Н. Лакоба ихъз зху Аққатәни ажәабатәни абжъаратәни ашкол. Ашколи асаҳъатыхреи еилазыгзоз абжъаратәни итцара анхиркәша дтәлеит Аққатәни асаҳъатыхратә тараиурта, дагъалгеит асаҳъатыхфы-кера-

мик изанаат иманы. Убри аштахь итцара иаициоит Аңснытәни ахъынтықарратә университет ағы, дагъалгоит атоурыхтә факультет.

А. Агемаа асаҳъатыхреи атоурыхи деимаркуан, аха арт азанаатқәа рығбагы еилагзо аусура далағоит Д.И. Гәлия ихъз зху Аңсуаттааратә институт ақны археология аққашағы лаборантс, нас диаргоит аспециалист хада иштат ашқа. Активла ихы ылаирхәуан Аңсуаттааратә институт имғаңнағоз археологиятә экспедицияқәа. А. Агемаа аус иуан иара убас Аңсуа ҳәйынтықарратә музей ақны.

Аңсны Аңынғұтәләтә еибашъра ианалага хъаҳә-пахәада аға хәымга диғагылент. Аңсны Арбүзар мчқә Гәымстатәи афрон ақны имфаңыргоз ашыхәратәи, иара убас атопографиатәи усурақәа аттарауағ иңшәеи идирреи Аиаира аагарәғи илагала дүхеит.

А. Агемаа апринципқәа ирыцәхъамтұаз ицқыаз уағын. Уи ихатә позициа, ихатә знеишъа иман. Зны-зынла иштыхуз азтаарақәа рәкны зөры аус имаз ауаа рхымғаңғаша даара иғенигон. Уи иғәтихон ҳтәйла еиуеиңшым аамтақәа ирыцаркуа атоурыхтә бақақәа реикәйрхара. Убарт иреиуан Бедиатәи, Лыхынты, Лашкыныңартәи аухәамақәа рәкны афресқәақәа ахыпқастаҳоз.

А. Агемаа Аңсны атоурых-культуратә тынха ахьчара аусбарта еиҳабыс данахагыла инаркны ихы-ипсы зегры убри аус иазикуеит. Аңсны атоурыхтә тынхақәа рытцааразы, ашәкәры ртагаларазы, реикәйрхараразы маңымкәа аусурақәа мәғапигахъан. Абри имариамыз аус ақны ағынғылақәа раңданы ишиоузғы, иара дызғыз аус ағы хъатшъа мамызыт. Абри ауағ еиңш зтәйла абас интырхәцааны аттаара иаштаз ипшаара мариамызыт. Иара ибзуюруп Ақәа маңара итағыз, еиқәйрхатәи ажәйтә бақақәа, хыпхъаңзарала иугозар 300 рақара, апхъаңза акәни 1999 шықәсазы Ахәынтықарратә сия иахъанылаз.

А. Агемаа итсаулазас аенциклопедиатә дыррақәа иман, апхъаңза иргыланы, аққареи, ағәйразреи, алеишәеи ихатәи қашшықәа иреиуан. Уи есымша ихәон: «Сара санықамғы джеклар азәйзатәйк идамхарғысы зөр аус еилызкаау – убри изы маңара иахъа аус зуеит» җәә.

А. Агемаа абас гәцаракрала атәйлаттаара дазқазан, ихатагы Аңсны атоурых иазкыз аколлекциақәа маңымкәа еизганы иман. Иара ибзурала еиқекаҳеит (1989, 1996, 1999) шықәсқәа рзы «XIX–XX ашәышықәсақәа ирыцаркуа Ақәа архитектура» захъзыз афотоцәйрекақета. «Ижәйтәзу Ақәа» иазку иусумта шъахәгры тыңит. Ииашоуп, автор ашәкәры иблала имбеит, аха егырт иусумтақәа реиңш апхъаңзәа даара иазғымхәеит. Иусумтақәа хәйзмам материалқоуп аттаарадырразы «Николай Николаи-иң Смецкои» (2010), «1911 шықәсазтәи Асду» (2011), «Ижәйтәзу Ақәа» (2023), иара убас

«Афон-Чыңтәи ақырысиянта пшыатыпқәа» ирызку амфар-ны қөагақәеи еиуеиңшым атқаара-рккарата булеткәеи.

А. Агемма аус адиулон В.В. Бжъания дназлаз, ақалақ Ақәа археологиятә хсаала ашықәыргылара, иара убас зыхчара атахны ирыпхъајоз археологиятә бақақәа рсия ашықәыргылара. Археологиятә бақақәа рыхчареи реикәырхареи ирызкны атқарадырразы атакы рымоуп А. Агемма авторс дызмоу 20 усумта.

А. Агемма атоурыхтә цәйізқәа иғәи атсанза идирхуан. Аттарауаф иаалыркъяны ипстазаара алтра (2012 ш.) зыбзорахаз ақакәни икоуп үхәар ауеит Ақәа ақалақ ақны иблыз ижәйтәзж ахыбра.

Рустем Цәышба – Аңсны еицирдыруағ апсуа жәабжұхәағ, апсуаа рхақәитратә қәпара иалагылаз, апсуа жәлар рықәгыларақәа, реизарақәа рәғи ажәа зыртоз Сергеи Цәышба диңан. Абас дхәыцаахыс зығнағағы апсуареи апсадғыли апхъа изыргылоз атаацәа ирылтыз Рустем, дышқәыпшәз ицәа-ижкы иалалахъан апсадғыл абзиабара.

Абгархықәтәи ажъаратәи ашкол даналга 1979 шықәсазы, Рустем Цәышба дталоит апсуаа рықәпара иалтшәаны, ғың иадыртыз, Аңснытәи ахәынтықарратә университет. 1984 шықәсазы қәғиарапала далгоит абиология-географиятә факультет. Убри аштахъ Аңсуга ҳәынтықарратә музей ақны усурға далағоит. Аха уамак аамтықәа Аңсуга гвардия аиғекаара ианалага, амузен ағы иусура аанижкыны агвардия далағоит. Аңсуга гвардия иалаз арпарцәа есымша аеазықатцарапқәа ирөын, Рустем урт аеазықатцарапқәа иерығирхомызт. Аңсны Ағынцұтәйләтә еибашыра ианалагоз Рустем дызлаз архәта гылан Охәреи апост ақны. Ҳархәтақәа рапхъаја аға иахыңылаз абрақоуп. Рустем Охәреитәи аидысларағы ишъапы ахы ақәшәеит, Тқәарчалтәи ахәышетәйретағы маңк иеанихәшетәи, уа даанымгылакәа дисасуеит Члоутәи аибашыцәа ргәып ахь. Аха ауниверситет ақны атара иңыздоз, агвардия ицилаз, азәи илаимдоз ифыза гәакъа Хәыхәйт Бганба ибзоурала Арасаңыхътәи аибашыцәа ргәып ахь диасуеит, ихы рылаирхәеит акыр ажәыларақәагы. Еибашығык иахасабала еиғамсыз, акы иацәымшәоз, амца иағыззаз арпысын Рустем, ишъапы ихәыз ағъаха иахымзакәан, аға

диғагыланы деібашыуан. Аха Кындықтәи ахырхартағы айдысларға қәтәеғи Рустем дызгараз ахы иқәшәеит. Абас фырхаттарыла дұхаңыт Абғархықетәи арпсы Рустем Цәышба.

Аңсны Афырхатца ҳәа ахъз ихтоуп 30.06.1995 ш. В. Г. Арзынба иқәтәарала.

Беслан Берулаев дүни 1960 шыққасы Төарчал ақалақь ақны. Баслахәтәи абжыратәи ашкол далгейт 1979 шыққасы, дагыталоит А. Чачба ихъз зху Аққатәи асахъатыхратә училишье. Итара аныхиркәша аштыах 1981–1982 шыққасқәа рзы арра маттура ихигон. 1983 шыққасы дталоит Аңснытәи ахәынтықарратә университет афилологиятә факультет. Ауениверситет даналға асахъатыхсы-експозициақатцағ изанаат ала Аңсуа хәынтықарратә музее ақны аусура далагоит. Усқантәи аамтазы Аңсны аполитикатә әтаптасааша уадағын. Аңсуааи ақыртқәеи реизықазааша иаҳа-иаҳа аицәахара иағын. Аңсуаа рмилат-хаққеттаратә кәпара ағарғәтәон. Убри иалтшәа-

хеит 1988 шықасызы еиғыркааз аңсуга жәлар реидгылара «Афорум». Беслан аидгылара далалеит, убри аштахъ аңсугаа рхақәитратә қәпәрағы активлатқәкъя ихырылаирхәуан. Атоурых ду змоу Аңсуга ҳәынтықкарратә музей күлтүраратә ҳәыштаараны икән ианакәызаалак.

Ижәйтәзоу аамтақәа иаадыркны иахъя уажераанза атоурых зәбәз артефактқәа ахытқаахыз Аңсуга музей аћны акәын. Аңсны атоурых аазырпшуаз ижәйтәзаз аматәарқәа амузей иатаауаз ауаа рыбала ирбарц азы тематикала ииашаны, ицәыргақәтоу аматериалқәа ирылымкьюа, исахъаркны ацәыргақәтцахъ инагатәйн. Убасеипш икәз аматәарқәа инапы рыбакын аекспозициақатдағ Беслан Берулаа.

Ишдыру еиңш, асовет аамтазы Аңсуга музей лассы-лассы Аңсны ақытақәеи ақалақъәеи, иара убас антыңғы имәғап-нагон ацәыргақәтцақәа, еиуеиңшымыз атематикақәа ирызкны. Беслан тәкпхықәрала дрызнеинуан урт ацәыргақәтцақәа, уи ианакәызаалак еиҳагыы интерес иртөн, убривазы заа аматериалқәа иахъя еиғыны рәзәыргақәтцарап шеиғикааша ихағы избон, нас аус ағы ихы ииирхөон, алтшәәгъы бзианы ииуан, атаағ-цәагъы ианакәызаалак ирацәан. Абас аңстазаара бзия избоз,

зхатэы ҭаацәара аԥызтцахъаз, асахъаҭыхфы-експозициақатсаф, Беслан Берулаа иғәи аԥыхәаны аус иуан август 14 рзы, 1992 шықәсанза, Аԥсны ақыртуа еибашьцәа ақелаанза. Иүхәар ҭалоит, Беслан ипстазаара ушар ҭалоит аибашьра иалағаанзеи аибашьра анеилгеи ҳәа.

Ашарпазза, август 14, 1992 шықәсазы Қырттәылатәи Госсоветаа рминистр Төнгиз Қитовани хадас дызмаз имхәамырза Аԥсны иақәлеит. Аԥсны аоккупация амфаңгара иалахәын 2-нызқыфык ақыртуа гвардееццәеи, 60 хкы ихъантоу абронет-техника, артиллериагы мачымкәа, аҳаиртә вертолиотқәагыы налатданы.

Иара убри амш аӗнендиңәкья Аԥсны Иреихәзоу Асовет Ахантәафы В.Г. Арзынба Аԥсныжәлар раҳь аапхъара ҭаитцеит: «...Хаңсадгылы иақәлеит бұльарла еиқәнных икоу Қырттәылатәи Госсоветаа, иҳажәлеит атанкәеи, асамолетқәеи, апушкақәеирыла. Сгәанала, иааини иааҳадгылелит зегъ реиха иуадафу аамта, убри иуадафу атагылазааша ҳанаануеит зегъ ҳандылар... ҳәа. Владислав иқаицаз аапхъара шаанақаңтәкья Беслан аидгылара «Афорум» ашқа деихеит абұльар соуазар ҳәа. Аха, аибашьра апхъатәи амшқәа рзы аԥсуа абұльар рызхаратәи иқамызт. Аԥсуаагыы ахтны қалақь Ақәа ааныжыны Аԥсны Иреихәзоу Асовети министратақәеи, арепубликатә массатә хархәағақәеи Гәдоута ақалақь ахь ииамсыр амүйт. Август 18 рзы еиқәан Аҳәынтықарратә Комитет В.Г. Арзынба напхгағыс дызмаз. Аԥсны арбұльармчқәа рштаб еиҳабыс дікатдан аполковник Султан Сосналиев, август 15 рзы Қабардантә хатәгәаптарала Аԥсныға иааз.

Беслан Берулаа аибашьра аайлгаанза Аԥсны Арбұльармчқәа рштаб ақны еиқәааз апшыхәратә гәып далан, аоператор еиҳабыс аус иуан, арадиоелектронтә усбарта инанагзоз аусурақәа, аибашьра иадхәалаз аинформацияқәа реилкаарағы, мазалатәи аелектронтә пшыхәра амат азурағы даара иқәиғион, уа аштаб ақны дықан аибашьра анеилга аштахъгы декабрмза 12, 1993 шықәсанза. Аиаана аагарағы илагала мачмызт, убриазы Аԥсны аиҳабыра ианаршъахъан «Ағырхатцаразы амедал», «Аԥсны Атәйлахъчара министрра – «Аруағ хъзырхәага амедал», аха урт аҳамтакәа иара ила иамбазеит, урт ианашъан ипстазаара даналт аштахъ. 2011

шылқасазы Беслан Берулаа иаалырқыаны идунеи ипсахит. Аңсуга ҳәынтқарратә музей ағы аус зуази, зыңсадғыл зхы ақәйтәзәз аққынцәеи, аибашъра адәағы итахаз афырхацәеирыгәта дғылоуп иара дубаанза зхы-зәғи еихаччоз ауағы лаша Беслан Берулаа.

Отар Җапуа динит Очамчыра араион Җлоу ақыттан 1957 шылқасазы. Җлоутәи абжыратәи ашкол даналга арратә уалпшыя ихигон Қарт ақалақь ақны. Уахынтәи даныхынхә дталоит Ақәатәи аиндустриалтә техникум, дагъалгоит аелектрик изанаат иманы. Аусура далагоит Аңсуга ҳәынтқарратә музей ақны изанаат ала. Аңсны Ақынцұтәләтә еибашъра иналага дхынхәуеит иқыта гәакъахъ, далаloit уақа еиғыркааз агәүп «Сова» захъзыз, уи ашътахъ диаргоит «Ажәеипшылаа» ҳәа икәз агәүп ашқа. Ашәара ззымдыруаң Отар далахәын абжыуаа имфапыргоз аопераціақәа зегъы: Мықә, Тамшы, Аныуаа

рхәы, Кәачара, Лабра, Агәыбедиа. Дұхеит ақыта Араду ахы ианақәитыртәуаң. Джуп иқыта гәакъа Җлоу.

Аңсуга рхақәитратә еибашърағы иааирпшыз афырхатцаразы Аңсны Ахәынтқарра Ахада С.У. Багапш Иуспекала 2008 шылқаса, № 197 ианашьоуп «Агәымшәаразы амедал» дантаха ашътахъ.

Витали Ахәба диит Очамчыра араион Җлоу ақытан. Иқытағы далгоит абжъаратәи ашкол. Ашкол даналға усуга далағоит ағненіхагылақәа ахъырғылоз Аңснырғылара атрест ақны. Убри аштахъ машынарны ікәцағыс усуга далағоит Аңсуа ҳәйнәтқарратә музей ақны. Үсқантәи аамтазы амузей имғаңнагон еиуеипшымыз аекспедициақәа. Амузей аусзуғ-цәа Аңсны ақытақәеи ақалақықәеи ирылсны еизыргон хәи змамыз аматериалқәа. Урт үаҳъ рцара-раара маншәланы имғапысырц азы амашына изгоз еиқәышәшәа акы ағым-

кәа иқазар акын. Уи знапы ианыз Витали иакәын, иара иа-накәызаалак уи хылапшра аитон, уиазы уеитцаирхомызт, уи-қәгәйіртә дықан.

Асовет Еидгыла анеилаха аштахъ Аңсны ақыртцәа зынза рығедырцәгьо иалагеит, «Аңсны аңсуаа иртәзәм» хәа ҳапсадгыл ҳамакуа иаақәгылеит. Үсқан Аңсны аполитикатә хұтысқәа тышәйнтәламызт, атагылазаашша есааира еиңәхон. В.Г. Арзынба дызхагылаз Аңсны Иреиҳазоу Асовет Аңсуа гвардия аиқекаара иалагеит. Зыпсадгыл архъя изыргылоз апатриот, шәара ззымдыруаз Витали 1991 шықәсазы

Аңсуа гвардия далалоит. Еғыи адырфашықәсан, август 14 рзы, 1992 шыққасы Шеварданаң дызхагылаз Госсоветта Аңсны иаққелейт. Витали иаразнак абұзар шығынит, далалеит Отаң еиғыркаң ағәйп. Үрт ргәып дтас ирыман Цагератәи ахырхарта аанкылара. Витали уахи-чени абри апост ақнны дғылан ақыртцәа аңсуа қытакәа ирыламларц азы. Аға ихымта дагъагоит ианар 6 рзы, 1993 шыққасы.

Аңсны Аңыныңұтқылатә еибашьра анцоз иааирпшыз ағәымшәареи ағырхатцареи рзы Витали Ахәба ихтоуп «Ағәымшәаразы амедал» дантаха аштыах.

Аңсуа музей аусзуғүзәа, арқардқа гәымшәақәа рыпсадгыл азы иғылт ишшоуцәаны, аибашьра адәағы изгашаз ахырыққашеит: Мушыни Хәарцқына, Даур Амқәаб, Рустем Цәышба, Отар Җапуя, Витали Ахәба. Аибашьра анеилга аштыах иаалырқынаны рыпстазаара иалцуеит Беслан Берулаан Анзор Ағемааи.

Сынтағ Аңсны ахы иаққелтхеижүтеи 30 шыққаса түеит, Аидаира 30 шыққаса ахытцуеит, иара убас Аңсны Ихыныңшым хәйнітқарраны азхатцара аиуижүтеи 15 шыққаса түеит. Абарт арыцхәкәа аназгәхәтә аамтазы, хара, иахъя Аңсуа музей аусзуғүзәа, хымпада, иаҳгәалаҳаршәоит абрақа аус ҳақызыу-аң, ҳәзатцағы нағаза инхаз ҳөзүзүзәа гәакъақәа, ҳұрындацәа Аңыныңұтқылатә еибашьрағы (1992–1993 шш.) Аидаира ҳза-аңғаз, урт рыхызықәа хұтәры нбанны ҳаңсадғыл атоурых ақнны иаанхоит!

Путь к Победе
(К 30-летию Победы в Отечественной войне народа Абхазии)

Все три периода новейшей истории – предвоенный, военный и послевоенный для Абхазии были сложными, но начавшаяся война принесла неисчислимые страдания: гибель невинных людей, уничтожение памятников материальной и духовной культуры, разрушение экономики городов и сел. Война, навязанная Республике Абхазия грузинским правительством, была направлена на уничтожение абхазского народа и его многовековой государственности. Госсовет, возглавляемый Э. Шеварнадзе, принял решение демонтировать абхазскую автономию, и тем самым раз и навсегда покончить с «абхазским вопросом». Так к нам пришла война...

В отделе новой и новейшей истории Абхазии, в экспозиции зала Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 годов представлены материалы политической и дипломатической работы в те суровые дни, а также фотоматериалы, личные вещи участников бовых сражений.

Экспозиция зала состоит из разделов в соответствии с периодизацией Отечественной войны народа Абхазии.

1-й период – крах плана молниеносного завоевания Абхазии, освобождение Гагры, начало коренного перелома в ходе грузино-абхазской войны (14.08–06.10.1992 гг.).

2-й период – позиционная война (07.10.1992 – 01.07.1993 гг.).

3-й период – июльская наступательная операция, захват стратегических высот над Сухумом (коренной перелом 02.07.–27.07.1993 гг.).

4-й период – освобождение Сухума и окончательная победа над грузинскими оккупационными войсками (28. 07.–30. 09. 1993 г.).

Изучая оперативные сводки во всех направлениях последних месяцев войны, нельзя не заметить, как военно-политические события в Абхазии менялись интенсивно, и принимали активную фазу, и хотелось бы обратить внимание на события

последних месяцев войны, когда народ Абхазии, проводя бес-
сонные ночи, приближал нас к Победе.

2 июля на Восточном фронте началась широкомасштаб-
ная наступательная операция абхазской армии, где был выса-
жен военно-морской десант из Гудауты, у села Тамыш Очам-
чирского района, численностью в 300 десантников, которые
вызывали огонь на себя. В задачу десанта входило взятие под
контроль участка транспортной магистрали Очамчира–Сухум
и проведение боевых операций во взаимодействии с защит-
никами блокированного более 10 месяцев г. Ткуарчал, пресе-
чение попыток переброски дополнительных воинских частей
в г. Сухум и блокирование дислоцированной там группировки
противника. Проведя высадку, бойцы военно-морского десан-
та соединились с частями Восточного фронта и в течение три-
надцати дней не только сдерживали натиск 8-ми мотострелко-
вых батальонов противника, одной механизированной танко-
вой бригады и артиллерийского дивизиона, но и действовали
настолько умело, что командование грузинских войск сочло
их численность превышающей 1 500 человек.

4 июля, в 3 ч. ночи абхазские бойцы перешли шоссейный
мост через р. Гумиста в Нижней Эшере и выбили противника
с участка первой линии обороны. Но это был отвлекающий
маневр. Основной удар был направлен севернее Сухума. Пе-
рейдя р. Гумиста, абхазские силы в течение нескольких дней
освободили села Ахалшени, Каман, Сухумскую ГЭС.

6 июля 1993 г. между представителями Абхазии и Грузии
в Москве было выражено согласие на подписание соглашения
о прекращении огня и выводе всех вооруженных формирова-
ний Грузии с территории Абхазии. Однако это предложение
не нашло поддержки с грузинской стороны. Участие же в пе-
реговорах, как свидетельствует предпринятый маневр, было
рассчитано на создание благоприятного общественного мне-
ния. Таким образом, еще раз подтверждено стремление руко-
водства Грузии решить проблему взаимоотношении Абхазии и
Грузии силовым путем.

Наступление абхазской армии, в ходе которого грузин-
ские войска терпели поражение, беспокоило друзей Э. Шевар-

Встреча с Генеральным секретарем организации непредставленных народов (ООН) Ван Вальдом ван Праагом. г. Гудаута, 1993 г.

надзе, они стали приезжать в г. Гудауту, к руководству Абхазии, с переговорами. Началось усиленное политическое давление на Абхазию, которое в очередной раз не сломило волю к свободе и нашего лидера, и бойцов абхазской армии. По этому поводу В.Г. Ардзинба в своих воспоминаниях пишет: «Наши военные успехи привели к тому, что мировое сообщество направило к нам своих представителей. До этого они молчали, и никак не реагировали на наши обращения переговорами. В этом смысле куда более объективной представляется позиция организации Непредставленных народов, ставящая своей целью защиту интересов малочисленных народов» (В.Г. Ардзинба. «Моя жизнь». С. 291).

8 июля, после переговоров, состоявшихся в Тбилиси, делегация Российской Федерации во главе с министром иностранных дел с А.В. Козыревым прибывает на переговоры с руководством Абхазии. В.Г. Ардзинба выражает свое несогласие с предложениями главы российского внешнеполитического ведомства, способными привести к консервации фактиче-

ского раздела Абхазии по кипрскому варианту. В.Г. Ардзинба тогда заявил:

«Когда вы говорите о размещении по обе стороны линии огня, по-видимому, кто-то вас вводит в заблуждение. Дело в том, что мы неоднократно прекращали огонь, но из этого ничего не получилось. Потому что грузинская сторона пытается использовать прекращение огня для консервации той ситуации, в которой мы сегодня находимся. То есть это способ разделения Абхазии на две части и этнической чистки этой территории. Фактически кипрский вариант, который пытаются осуществить здесь, в Абхазии. Мы не можем допустить такого варианта на нашей земле, и не допустим. Поэтому огонь будет прекращен в том случае, когда последний солдат оккупационной армии покинет территорию Абхазии».

9 июля, в 22 ч., бойцы Вооруженных сил Республики Абхазия вошли в стратегически важный населенный пункт Шрома (Гума), где к 24 часам сопротивление противника было сломлено, были взяты высоты стратегического значения – Ахбюк, Апианда, и тем самым обеспечили успешный исход всей операции.

16–26 июля в Абхазии находилась группа планирования ООН во главе с Д.С. Шерри. Ее целью являлось разъяснение концепции миссии военных наблюдателей ООН в Грузии, а также обсуждение практических вопросов выбора мест для штаб-квартиры, размещение наблюдателей и материально-технического обеспечения миссии. Делегация подтвердила готовность ООН прислать 50 международных наблюдателей в случае реального прекращения огня.

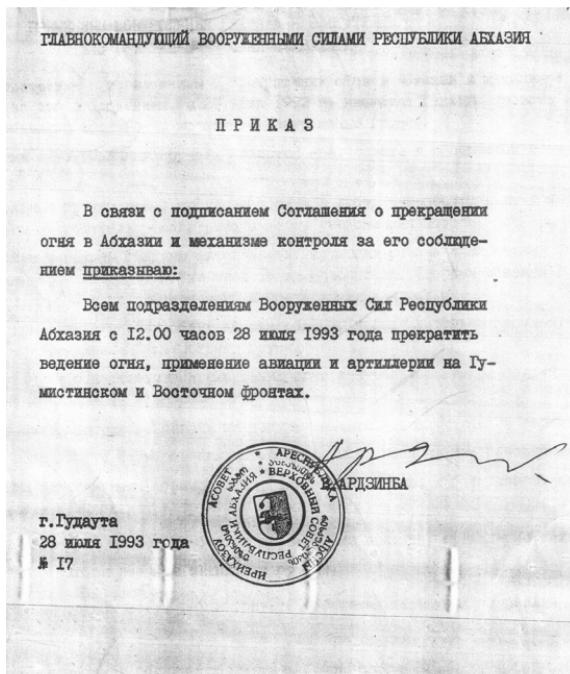
21–22 июля в г. Гудаута прошла встреча В.Г. Ардзинба с представителем президента России в зоне конфликта Б.Н. Пастуховым и специальным посланником Генерального секретаря ООН Эдвардом Бруннером, который предлагал противоборствующим сторонам провести встречу под эгидой ООН.

В.Г. Ардзинба заявил им: «Мы с определенным опасением относимся к тем предложениям, которые исходят от Организации Объединенных Наций. Нас к этому привел наш опыт общения с ООН. Мы 12 раз обращались в ООН с просьбой

осудить геноцид, который осуществляется в отношении маленького абхазского народа, но ни одной реакции на это не получили. Мы обращались к ООН с просьбой, чтобы, когда на Совете Безопасности будет рассматриваться вопрос об Абхазии, участвовали наши представители. Между тем ООН оказывает гуманитарную помощь Грузии, забывая о том, что жертвой агрессии является Абхазия. Согласитесь, что в этой ситуации нам трудно исходить из того, что вы нас рассматриваете как равных и в равной степени с уважением относитесь к обеим сторонам».

27 июля по инициативе грузинской стороны, в Сочи было подписано соглашение о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за соблюдением, которое предусматривало демилитаризацию зоны конфликта, ввод в нее международных наблюдателей и миротворческих сил, возобновление нормальной деятельности законных органов власти в Абхазии.

31 июля в г. Сочи снова состоялась встреча председате-

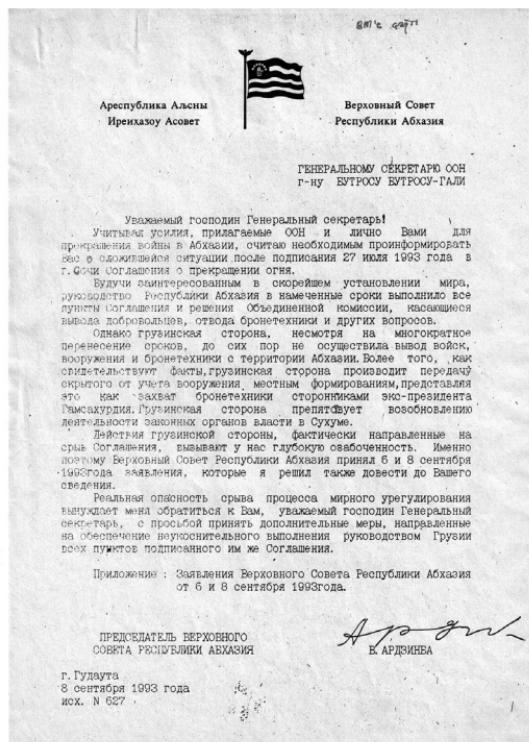
ля Верховного Совета В.Г. Ардзинба и личного представителя Генерального секретаря ООН Э. Бруннера. На встрече обсуждались вопросы, связанные с реализацией соглашения о прекращении войны в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением. В.Г. Ардзинба подчеркнул необходимость активных действий со стороны ООН, и заверил в том, что абхазская сторона строго и неукоснительно выполняет все пункты соглашения о прекращении войны в Абхазии. При этом он заявил, что если с грузинской стороны будет допущено невыполнение соглашения и в особенности его основных положений – вывод грузинских войск и восстановление законных органов власти Абхазии, то в этом случае вся ответственность за дальнейшее развитие событий целиком и полностью ляжет на грузинскую сторону. Как и предполагалось, войска Госсовета Грузии и не думали уходить из Абхазии, как это предусматривалось Сочинским соглашением. В течение полутора месяцев перемирия Грузия вывозила, главным образом, неисправное вооружение, в то же время десятки танков, БМП, орудий рассредоточивались и укрывались на территории Абхазии, и тысячи грузинских солдат продолжали занимать свои позиции. Налицо стремление в очередной раз использовать прекращение огня для укрепления позиций, наращивания сил. Грузинская сторона также использовала прекращение огня для продолжения этнической чистки на оккупированной территории. Только за период прекращения огня число изгнанных из Абхазии пополнили евреи, греки, депортированные в Израиль и Грецию.

15 августа 1993 г. в оккупированном Сухуме грузинские войска из Сухумского порта на греческом судне выдворили в Грецию более 1 200 греков. Грузинские оккупационные власти пригоняли к причалу греков и евреев по заранее составленному списку, выписывали с места жительства, брали у них письменные обязательства о том, что они больше не возвратятся в Абхазию. Освободившиеся дома и квартиры заселялись грузинскими солдатами, прежде всего выходцами из различных регионов Грузии. А также в Сухуме стали проводить митинги грузинского населения, где слышались угрозы в адрес абхазского населения и правительства.

Председатель ВС Абхазии В.Г. Ардзинба за последние месяцы войны неоднократно обращался в самые различные инстанции с просьбой оказания соответствующего влияния на грузинскую сторону по соблюдению соглашения от 27 июля. Приведем несколько из них:

1. Президенту РФ Б.Н. Ельцину. 18 июля, 6 сентября 1993 г.
2. Президенту РФ Б.Н. Ельцину, Генеральному секретарю ООН Б.Б. Гали, 9 августа 1993 г.
3. В Объединенную Комиссию по контролю за выполнением Соглашения 19 августа, 11 сентября 1993 г.,
4. Генеральному секретарю Организации непредставленных народов Ван Вальдом Ван Праагу, 13 сентября 1993 г.
5. Обращение к Кофе Аннану, 16 сентября 1993 г.

По этим письмам и обращениям можно сделать вывод о том, что в политическом плане В.Г. Ардзинба все же опреде-

ленно надеялся воздействовать таким образом на руководство ООН и РФ, с целью обуздания агрессора и прекращения войны. А как иначе можно объяснить составление 16 обращений в адрес руководства ООН, на которые тратились бесценное время и умственная энергия, с чем также связывались определенные ожидания и настроения.

Тем временем, в результате объединенных усилий бойцов Восточного фронта и морского десанта, были отрезаны транспортные коммуникации войск Госсовета Грузии, что дало возможность абхазским бойцам совершить прорыв на Гумистинском направлении, овладеть стратегическими высотами и рядом опорных населенных пунктов.

16 сентября абхазская армия переходит в наступление, после чего правительство РФ выступило с заявлением, в котором обвинило абхазскую сторону в нарушении Сочинских соглашений. В этом заявлении, в частности, говорилось, что «правительство РФ требует от абхазского руководства незамедлительно остановить боевые действия, прекратить огонь, отвести свои формирования на исходные рубежи. Отказ от этого будет рассматриваться как вызов со всеми вытекающими политическими и экономическими последствиями». («Моя жизнь», С. 304).

17 сентября 1993 г. последовало заявление МИД РФ, в котором говорилось, что, в случае невыполнения абхазским руководством требований, содержащихся в заявлении правительства РФ, к 20:00 17 сентября «Россия осуществит предупредительную акцию: будет временно отключать электроснабжение Абхазии и последуют другие меры экономического воздействия».

Во время развивающегося успешного наступления абхазской армии на Сухум 17 сентября в г. Гудаута приезжает министр Вооруженных сил РФ П.С. Грачев, который предложил руководству Абхазии ввести дивизию для развода противоборствующих сил, иначе говоря, как выразился В.Г. Ардзинба, «он хотел отнять у нас нашу Победу...»

Но наступление абхазской армии продолжалось.

20–21 сентября абхазские подразделения сомкнули кольцо вокруг г. Сухума и 27 сентября войска с упорными бо-

*В штабе Министерства обороны Республики Абхазия.
г. Гудаута, 1993 г.*

ями вошли в столицу, овладели зданием Совета министров и водрузили государственный флаг Республики Абхазия. Взятие столицы далось нелегко, за его освобождение погибли 252 человека.

21 сентября российско-абхазская граница была закрыта. Санкции не заставили себя долго ждать, они были приняты против Абхазии, которая строго придерживалась всех пунктов Сочинского соглашения, а не против Грузии, которая систематически затягивала выполнение соглашения от 27 июля.

29 сентября 1993 г. началась операция по объединению двух фронтов.

К 20:00 30 сентября флаг Республики Абхазия был поднят на государственной границе у р. Ингур. Грузино-абхазская война, длившаяся более 12 месяцев, для абхазского народа стала поистине судьбоносной – Отечественной войной.

Литература

Ардзинба В.Г. «Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений 1992–2005 гг.» / сост. Л.К. Ардзинба;

предисл. А.Г. Тания; редактор В.К. Зантария. Сухум: Фонд первого президента РА. 2011.

Ардзинба В.Г. «Моя жизнь: Воспоминания» (1945–2010) / ред. С.И. Джергения. Сухум, 2018. С. 305–306.

Ачугба Т.А. История Абхазии в датах. Справочник. Издание второе, дополненное / ред. О.Х. Бгажба. Сухум, 2016. С. 220.

«Те Суровые дни»: Хроника Отественной войны народа Абхазии 1992–1993 г.г. в документах / отв. ред. Ардзинба В. Г.; сост. Авидзба Э.О., Пилия М.Ш. Сухум, 2004.

Чамагуа В.З. «Эпоха Владислава. Хроники». Сухум, 2015. С. 204.

О ПРИЧИНАХ И ДВИЖУЩИХ СИЛАХ АГРЕССИИ ГРУЗИИ ПРОТИВ АБХАЗИИ

На 14 августа была назначена сессия ВС РА, на которой должен был быть обсужден проект договора между Абхазией и Грузией. Но она не состоялась по причине того, что за несколько часов до ее открытия грузинские войска вторглись в Абхазию. Может быть, намеченная сессия и определила окончательную дату начала агрессии, так как Грузия опасалась еще одного шага со стороны абхазского парламента, который еще более приблизил бы Абхазию к свободе. А этого, по логике тбилисских стратегов, нельзя было допустить.

14 августа воинские формирования Госсовета Грузии вошли на территорию Абхазии через приграничный шоссейный мост. По свидетельству военного историка В. Пачулия, сделали они это «без какого-либо сопротивления», т. к. блок-пост абхазских пограничников на р. Ингур накануне вторжения был убран по настоянию главы администрации Гальского района Р. Цатава. Численность этих войск доходило до 2 тысяч солдат и офицеров, 58 единиц бронетехники, большое количество артиллерии, которые поддерживались военно-воздушными и военно-морскими силами Грузии¹.

К 12 часам 14 августа грузинские войска оказались в Сухуме в районе турбазы им. 15 съезда комсомола. По пути следования танковой колонны Госсовета Грузии к абхазской столице ее сопровождал командир одного из местных грузинских военизированных подразделений. Какое отношение ко всему этому имела железная дорога, для «охраны» которой якобы вводились войска Госсовета Грузии в Абхазию? И как это соотносится со следующим пассажем Э. Шеварднадзе: «Передовой отряд в 200 человек без помех прошел в Гальский район, но на границе с Очамчирским районом был обстрелян абхазски-

¹ Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992–1993. Сухум., 2010. С. 27.

ми гвардейцами. Погибли люди. С этого все и началось»¹. Если «с этого все и началось», то откуда взялись местные грузинские формирования, которые ждали оккупантов из Грузии? Да и сами «защитники железной дороги» не скрывали то, для чего они сюда пришли, и «с первых же часов своего появления в Абхазии стали расстреливать мирных граждан, подвергали их пыткам и насилию, сжигали дома и села, чинили расправу не только над абхазским, но и над армянским, русским, греческим населением»².

17 ноября 1992 г., спустя три месяца после вторжения в Абхазию, Э. Шеварднадзе на закрытом заседании сессии парламента Грузии говорил: «10 августа президиум Госсовета принял постановление о введении чрезвычайного положения на железнодорожном транспорте. Это мероприятие было вызвано жизненной необходимостью для нашей страны... Никакой другой задачи перед нами не ставилось, однако в ходе операции эта задача, в результате провокационных нападений абхазских и северокавказских формирований и их последующего вооруженного сопротивления, резко изменилась»³. Тем временем обстоятельства, имевшие место в Абхазии тогда и в предшествовавшее им время, не соответствовали его словам. Подтверждением этого является и тот факт, что никаких северокавказских формирований к тому времени не было. Их тогда еще не существовало вообще, т. к. они начали формироваться только после начала войны в Абхазии, а первые из них стали прибывать сюда лишь через несколько дней. Так что утверждение о том, что северокавказские формирования оказали отпор войскам Госсовета Грузии 14 августа, является явным вымыслом и измышлением, преследующим цель оправдать агрессию против Абхазии.

Позже В. Ардзинба вспоминал: «Когда грузинские танки уже находились в Сухуме, я связался по телефону с Э. Шеварднадзе и потребовал объяснений, ссылаясь на его заверения, данные всего день тому назад. Отвечал уже совсем не тот че-

¹ Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 64.

² Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo., 2001. С. 32.

³ Газ. «Демократическая Абхазия», № 15, 25 ноября 1992 г.

ловек, который беседовал со мной 13 августа. Шеварднадзе говорил уверенно, голосом человека, который знает, что дело сделано и теперь вряд ли следует возвращаться к тому, что было. Он не возражал, он лишь сказал: «Владислав Григорьевич, что случилось, то случилось. Вы соберите парламент, я к вам приеду, мы все там обсудим». Я понял, что увещевать хищника бессмысленно, и в тот же день призвал народ к сопротивлению»¹.

14 августа, в связи с возникшей реальной угрозой суверенитету республики и жизни его граждан, президиум ВС Абхазии принял свое первое постановление в условиях военного времени, которое состояло из двух пунктов: «1. Провести мобилизацию взрослого населения Абхазии от 18 да 40 лет включительно и направить его в полк Внутренних войск; 2. Командиру полка Внутренних войск сформировать на базе полка пять батальонов по 500 человек каждый»². В первый день войны силы абхазского сопротивления, состоявшие, как правило, из ополченцев-добровольцев, остановили войска Госсовета на Красном мосту, у въезда в центр столицы Абхазии, в сотне метрах от здания Верховного Совета.

Так, при молчаливом согласии «цивилизованного» мира, в Абхазии приступили к методичному истреблению непокорного абхазского народа. Можно констатировать, что мировая общественность была готова не замечать агрессию и геноцид абхазов со стороны нелегитимного Госсовета Грузии, при этом требуя от Тбилиси взамен как можно быстрее утвердить свою власть и «новые» порядки в Абхазии. Для поддержания благоприятной информационной почвы и нужной идеологической подоплеки, Грузия в качестве официального повода войны выдвигала поочередно следующие объяснения: охрана железной дороги; освобождение ответственных работников Госсовета Грузии; сохранение территориальной целостности Грузии; мусульманский фундаментализм абхазов; «апартеидный» закон о выборах в ВС Абхазии. Однако, исходя из совокупности заявлений и действий режима Ше-

¹ Ардзинба В. Г. Моя жизнь. Воспоминания. Сухум, 2018. С. 188.

² Те суровые дни. Хроника Отечественной войны... Сухум. 2004. С. 6.

варднадзе, задачами вторжения в Абхазию, по справедливому определению Ю. Воронова, являлись: «1. Ликвидация государственности Абхазии с целью превращения ее в одну из провинций Грузии; 2. Истребление, подавление и вытеснение абхазов и низведение статуса Абхазии до культурной автономии; 3. Истребление, подавление и вытеснение русскоязычного населения с целью обеспечения грузинской «моноэтничности» в крае; 4. Ограбление с целью разрушения экономических структур и отторжение ресурсов, необходимых для выживания и развития Абхазии как автономного образования; 5. Уничтожение экономических, политических, исторических, культурных, языковых, кровных и психологических связей Абхазии с Северным Кавказом, Россией и Европой с целью полной грузинизации прошлого и настоящего этой территории»¹. Все это вынудило парламент Абхазии квалифицировать действия Госсовета Грузии и его войск как оккупацию и геноцид.

О целях грузинского вторжения в Абхазию и путях их достижения свидетельствует и заявление только что назначенного на должность командующего войсками Госсовета Грузии в Абхазии Г. Каркарашвили о готовности пожертвовать 100 тысячами грузин ради уничтожения всего абхазского народа. 25 августа он, видимо под впечатлением «решения» оккупационных властей о мобилизации, принятого 24 августа, выступил по телевидению с ультимативным требованием к абхазской стороне. Поскольку оно раскрывает истинные мотивы и намерения Госсовета Грузии в Абхазии, считаю уместным привести довольно пространную цитату из него:

«...Могу сразу заверить, особенно сторонников господина Ардзинба, тех сепаратистов, которые под именем какого-то «Горного союза» хотят побеспокоить мирных жителей и запугать их: мы не из пугливых, и все приезжие, которые летом хотели отдохнуть на море в Грузии, найдут здесь братскую могилу. Все, кто зашли сюда с автоматом. А в ответ на выступление председателя этого так называемого «Горного союза» господина Шанибова, в котором он объявляет Тбилиси зоной

¹ Воронов Ю. Н. Боль моя Абхазия. Гагра., 1995. С. 55.

бедствия, где будут задействованы террористические группы, я хочу сразу заверить тех, кто попался на удочку этих сепаратистов, что мы в состоянии разобраться здесь, у нас дома. Мы в состоянии наказать еще кое-кого, кто слишком много говорит и ничего не может делать, как господин Шанибов. Предупреждаю: с сегодняшнего дня грузинской стороне будет запрещено взятие военнопленных. Чтобы не было такого подхода, как будто грузины убивают всех абхазов. Это у нас принято первое решение, чтобы пленных не брать. Те, кто встретит правительственные войска Республики Грузия с оружием, независимо от национальности – русский, армянин, грузин, абхаз или еще кто-то из жителей, проживающих в Грузии, кто встретит правительственные войска с оружием, попадут под действие приказа о том, чтобы пленных не брать... Как вы знаете, были маленькие инциденты, факты, когда грузинское население в первые дни расправлялось с этими экстремистами и сепаратистами. С сегодняшнего дня это прекратится, потому что мы не хотим никакому мирному жителю сделать вреда и чтобы кто-то пожертвовал собой в борьбе за единство Грузии, но это не относится к сепаратистам и экстремистам, которые надеются на какую-то помощь от «Горного союза»... Независимо от политического мировоззрения или подхода к Госсовету или бывшему президенту Грузии, лично я с сегодняшнего дня по телевидению Грузии попрошу все вооруженные формирования, чтобы они вошли в общий штаб, который будет действовать сначала в Сухуми, а дальше может быть перенесен в Гудауту, если они не успокоятся. Я лично через Госсовет потребую, чтобы была объявлена всеобщая мобилизация всех вооруженных формирований. Одновременно мы будем вести мирные переговоры... В том случае, если переговоры не достигнут успеха, я могу заверить этих сепаратистов, что если из общей численности погибнет сто тысяч грузин, то из ваших погибнут все девяносто семь тысяч, которые будут поддерживать решения Ардзинба... Хочу дать совет лично господину Ардзинба: пускай он не сделает так, чтобы абхазская нация осталась без потомков, потому что все жертвы и всю ответственность он возьмет на себя.

Пускай он воспримет как ультиматум, что если через двадцать четыре часа эти бандитские, так называемые «военные действия» с абхазской стороны не прекратятся, то грузинская национальная гвардия и все части формирований, которые уже прибывают из Тбилиси, Кутаиси и из разных городов, сходят в гости к господину Ардзинба уже после истечения этого срока»¹.

Тогда от столь явного цинизма Каркарашвили постарался откликнуться и сам Э. Шеварднадзе, который заявил, что данное выступление не было санкционировано Госсоветом – это он сообщил утром 26 августа в ответ на протест главы абхазского парламента. Однако, по мнению самого В. Ардзинба,звученного в 16 часов 26 августа, ультиматум Г. Каркарашвили «не мог быть не санкционирован Госсоветом Грузии, и то, что по истечении срока этого ультиматума, в 13 часов 26 августа, войска Госсовета не двинулись на позиции абхазского ополчения, отнюдь не означает, что в ближайшие дни эти угрозы не будут претворены в жизнь». Председатель ВС РА сказал, что целью вторжения войск Госсовета является «оккупация Абхазии, создание неконституционных структур власти и... ликвидация абхазского народа», но «мы будем защищать родину до конца, в случае необходимости уйдем в горы и будем вести партизанскую войну»².

О том, что Э. Шеварднадзе не мог не быть непричастным к ультиматуму Каркарашвили, говорит, хотя бы уже тот факт, что именно 25 августа глава Госсовета в очередном радиообращении к нации заявил, что «правительственные войска предпримут соответствующие меры» по отношению к ополченцам КГНК, находящимся в Гудауте³. А чуть позже в одном из интервью Э. Шеварднадзе уже открыто оправдывал своего генерала следующим образом: «Каркарашвили в сопровождении трех своих друзей-соратников отправился на переговоры по поводу обмена военнопленными и заложниками. И вдруг – выстрели, и два его друга гибнут у него на глазах. К несчастью, когда

¹ Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 1. М., 1992. С. 127–128.

² Газ. «Республика Абхазия», 22–27 августа 1992 г.

³ Геноцид абхазов. М., 1997. С. 86–87.

льется кровь – слов не выбирают, и эта «война слов» порождает новое кровопролитие»¹.

Позже, в 2002 г., Т. Китовани, вспоминая этот эпизод, настаивал на том, что Г. Каркашвили ультимативно угрожал абхазам в 1993 г., будучи уже министром обороны Грузии. Может, Т. Китовани запамятовал, ведь речь шла о событиях десятилетней давности, а может, ему трудно признаться, в том числе самому себе, в том, что в бытность его самого министром обороны (Т. Китовани был министром обороны Грузии до 6 мая 1993 г.) кто-то другой осмелился на несанкционированное им столь воинственное выступление. При этом он назвал приведенную «речь» Каркашвили «безответственным заявлением»².

Н. Месхия, тогда один из лидеров грузинской фракции ВС Абхазии «Демократическая Абхазия», и вовсе путает и утверждает: «Каркашвили выступил в прямом эфире в сентябре и сказал: «Новый год будем встречать в Пицунде с шампанским в руках, если даже придется пожертвовать для этого жизнью 100 тысяч грузин для уничтожения 90 тысяч абхазов». После этих слов Н. Месхия иронично восклицает: «Вот каков был наш полководец! Вслушайтесь в его слова! Каково?! Не ждите здесь моих комментариев!»³.

Что касается самого заявления командующего, то и он сам не смог тогда, 26 августа, ответить на вопрос, что собираются предпринять грузинские войска по истечении срока ультиматаума. Единственным последствием его ультимативного заявления стали сообщения СМИ, которые, согласно информации из Тбилиси, передали, что 26 августа в 20 часов 30 минут грузинская Национальная гвардия вплотную приблизилась к жилым кварталам города Гудауты⁴. Однако на самом деле 26 августа, в силу множества причин, наступление на Гудауту не началось. Одной из них, видимо, нужно считать, обращение президента России к Абхазии и Грузии с призывом прекра-

¹ Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 64.

² Китовани Т. К. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.

³ Месхия Н. Ш. Как отторглась Абхазия. Тб., 2011. С. 111.

⁴ «Независимая газета», № 165... С. 3. // <http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-28-avgusta-1992-goda>

тить кровопролитие и сесть за стол переговоров, распространенное как раз 26 августа. Кроме того, в тот день состоялась встреча министров обороны России и Грузии. В этих условиях предпринять наступление по истечении срока ультиматума было бы слишком явным пренебрежением по отношению к предложению президента России, на что в Грузии, видимо, не могли, а скорее всего, и не желали идти, т. к. на тот временной отрезок в войне против Абхазии и Грузия, и Россия были официальными союзниками. Это одна причина – политическая – глобального, если подходить с точки зрения региональной geopolитики, значения. Другая причина – военная – более локальная, но не менее существенная. Таковой стала разведывательно-диверсионная операция на Гумистинском фронте, проведенная абхазским спецподразделением с целью срыва крупномасштабного наступления грузинских войск на Гудауту. В результате названной операции, проведенной в ночь с 25 на 26 августа, было уничтожено более 100 грузинских военнослужащих и 5 единиц бронетехники, таким образом, была разгромлена основная ударная сила противника, дислоцированная в Учхозе – пригороде Сухума¹.

Воплощение в жизнь ультиматума Г. Каркарашвили тогда было сорвано, но цели грузинского вторжения – аннексия территории Абхазии и геноцид ее народа – остались неизменными, о чем свидетельствует и дальнейший ход войны в Абхазии.

¹ Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992–1993. Сухум., 2010. С. 46–47.

АРХЕОЛОГИЯ

ЭРЛИХ В.Р., ДЖОПУА А.И.

СОСУД С ПЕРЕВАЛА АЛАШТРАХУ. К ПРОБЛЕМЕ АТРИБУЦИИ¹

В Абхазском государственным музее хранится сосуд, переданный в 2009 г. А.В. Белошевым. С его слов, этот сосуд был им обнаружен в 1992 г. на перевале Алаштраху на границе с Карачаево-Черкессией. Сосуд лепной светлоглиняный, имеет желтовато-коричневую поверхность. Высота сосуда 25 см, диаметр устья – 15, 5 см, диаметр дна – 7 см (рис. 1, 1). Сосуд в месте максимального расширения туловы имел парные петельчатые горизонтальные ручки, частично утраченные. По плечикам сосуда проходит поясок из двух рядов ногтевых вдавлений, а на тулове имеется зигзагообразный орнамент из трех прочерченных по сырой глине линий. В то же время, весьма интересным образом сформовано горло сосуда. Оно набрано из жгутов глины, которые с внешней стороны выглядят как валики, с внутренней стороны – горло заглажено (рис. 1, 2).

Отметим, что такая же техника формовки горла встречается у сосудов эпохи поздней бронзы Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья. Подобные сосуды с валиками являются своеобразной «визитной карточкой» керамического комплекса поселения Шушук, относящегося к финальной стадии эпохи поздней бронзы (период Шушук-III) (Эрлих, 2019. С. 370–371; Эрлих, Годизов, 2020) (рис. 2). По заключению, руководителя исследовательской группы «История керамики» Института археологии РАН д.и.н. Ю.Б. Цейтлина, верхняя часть этих сосудов «изготовлена из тонких (диаметром около 1,5 см) жгутов, навитых, скорее всего, по кольцевой траектории. Причем, жгуты примазаны только с внутренней стороны сосуда. С внешней стороны верхний край предыдущего жгута не-

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00100A.

много утончен пальцами, уже после этого наложен следующий жгут». Подобная техника применялась для сосудов различной формы и размеров с диаметром устья от 7 до 20 см. Огромное количество керамики с валиками происходит из ямы-промоины на раскопе 1 поселения Шушук, в которую жители поселения сбрасывали мусорные отбросы. Для данной ямы в разных лабораториях были получены две близкие радиоуглеродные даты. Низ ямы - штык 6 (уголь) MAMS 28352 - 2980±24 BP; 1258-1131 cal. BC 16; 1273-1122 cal. BC 26. Верх ямы – штык 1 (кость лошади) - IGAN-ams 7124 -2965±20 BP 1181-1157 cal. BC 16 1235-1117 cal. BC 26. Таким образом, накопление мусора происходило относительно непродолжительный период, и она может рассматриваться как закрытый комплекс.

Отметим, что керамика, сформованная из жгутов глины не уникальна на Северо-Западном Кавказе. По-видимому, аналогичным образом было сформовано горло сосуда, венчик которого П.У. Аутлев обнаружил в шурфе Абадзехского поселения (Аутлев, 1965 Рис.7,8; Аутлев, 1972 С. 59. Рис.8, 8) (рис.3, 7). В своем отчете П.У. Аутлев отнес это поселение к «позднедольменной культуре», тогда как в статье он сопоставляет его по орнаментации ряда сосудов с материалами Николаевского поселения (Красногвардейское I), открытого в 1962 г. Н.В. Анфимовым, которое А.А. Иессен отнес в то время к XI–Х вв. до н.э. (см. Аутлев, 1972 С. 50).

Верхняя часть сосуда, сформованного подобным образом из жгутов глины имеется и в коллекции материалов поселения Деметра, хранящейся в Национальном музее Республики Адыгея (НМРА НВ 6437/37) (рис. 3, 8), исследованного одним из авторов этих строк в 2011–2012 г и относящегося в целом к финалу бронзового века – переходу к раннему железному века (Эрлих, Болелов, 2014 С.111–115). В Центральном Предкавказье такая же техника встречена в синхронном поселению Шушук слое жилища 14, поселения Кабардинка-2, вторая фаза (1231-1128 BC) в Карачаево-Черкесии (Reinhold, Kogobov, Belinskij, 2017 Taf. 23, 1-4; Райнхольд, Белинский, Атабиев 2020 С.438, 439 Рис.16, 11,17-19) (рис. 3, 1-4). Очевидно, что этот горизонт является здесь позднейшим сproto-

кобанской керамикой. Финальная фаза бытования этого жилища (1116–940 гг. до н. э.) уже содержит типично кобанские формы мисок и горшков (Райнхольд, Белинский, Атабиев 2020 С.439, 440 Рис. 17, 1-12, 18).

В этом же регионе фрагменты таких сосудов также были обнаружены в насыпи кургана № 426 у с. Кенделен в Кабардино-Балкарии (раскопки А.А. Клещенко 2014 г.) (рис. 3, 5,6)¹. Очевидно, что они относились к слою поселения эпохи поздней бронзы, который частично перекрыл насыпь кургана более раннего времени.

Близкая техника конструирования сосуда применялась в эпоху поздней бронзы и в Абхазии. Из Абгархукского поселения синхронного археологическому комплексу Шушук происходит стенка сосуда, сконструированного из рядов жгутов шириной 1–1,5 см. Однако здесь заглаживание производилось с двух сторон, что не давало в профиле выступающих валиков (Скаков, Джопуа, Гольева, 2010 С. 45. Рис. 17, 16).

Необходимо отметить, что в последующий протомеотский период на Северо-Западном Кавказе встречаются имитации подобной орнаментации сосудов. Однако она получена не техникой формовки из жгутов, а глубокими горизонтальными вдавлениями. Сосуды с подобным орнаментом обнаружены в верхнем протомеотском слое поселения Красногвардейское-II (третий тип кухонной керамики по Э.С. Шарафутдиновой (Шарафутдинова, 1989 С. 52, 53, 68 Рис. 7, 3,5) и у двух сосудов из разрушенного поселения у хутора Грозный близ Майкопа, которое исследователи отнесли к протомеотскому времени (Черных, Сazonov, 2013 С. 62. Рис.13, 3, 4). Некоторые черпаки ранней группы протомеотского могильника Фарс/Клады имели на горле глубокую гравировку, имитирующую «валики» (Эрлих, 2007 С. 326. Рис. 134, 13–15).

Таким образом, традиция «валиковой» орнаментации верхней части, а иногда и всего тулова сосуда, скорее всего, можно связывать с протокобанской традицией Центрального Предкавказья и постдольменными памятниками предгорий Северо-Западного Кавказа эпохи поздней бронзы.

¹ Авторы благодарят к.и.н.А.А. Клещенко за предоставленную возможность опубликовать фрагменты этих сосудов.

Публикуемый нами сосуд из Абгосмузея, который был найден на перевале Алаштраху, на пути из Карачаево-Черкесии в Абхазию, скорее всего, был изготовлен в эпоху поздней бронзы на территории Центрального Предкавказья. Эта находка ярко свидетельствует о функционировании перевалов Большого Кавказа в это время.

Литература

Аутлев П.У. Отчет об итогах археологических разведок, произведенных Адыгейским научно-исследовательским институтом в 1965 г. // Архив ИА РАН; Ф-1. Р-1. № 3119. 1965.

Аутлев П.У. Новые памятники бронзового века Прикубанья // Материалы по археологии Адыгеи. Том III. Майкоп, 1972. С. 47–59.

Райнхольд С., Белинский А.Б., Атабиев Б.Х. Поздний бронзовый век в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях. // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога. Международная научная археологическая конференция и Гумбольдт-лекторий. Archäologie in Iran und Turan. B.18. Berlin, 2020. С. 405–455.

Саков А.Ю., Джопуа А.И., Гольева А.А. Абгархукское поселение эпохи бронзы в Бзыбской Абхазии (предварительная публикация) // МИАСК. Армавир, 2010. Вып. 11.

Черных Е.Н., Сазонов А.А. Курган и поселение у хутора Грязный. // Историко-археологический альманах. Вып.12. / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир-Краснодар-М., 2013. С.А. С.47–89.

Шарафутдинова Э.С. Двуслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы начала раннего железа на Кубани // Меоты предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 46–73.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.

Эрлих В.Р. Бытовая и погребальная керамика постдолменного горизонта финала эпохи бронзы Западного Кавказа (предварительный анализ по материалам археологического комплекса Шушук // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы исследования древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа.

за. К 110-летию со дня рождения Н.В. Анфимова. Материалы международной археологической конференции). Краснодар, 2019. С. 369–390.

Эрлих В.Р., Болелов С.Б. Поселение «Деметра» и неизвестный ранее керамический комплекс эпохи перехода к железному веку. // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. / Отв. ред. Д.С. Коробов. М., 2014. С.211–215.

Эрлих В.Р., Годизов Г.Л. Постдольменный археологический комплекс Шушук. Периодизация и хронология // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. Махачкала, 2020. С. 161–165.

Reinhold S., Korobov D.S., Belinskij A.B. Landschaftsarchäologie im Nordkaukasus: Studien zu einer neu entdeckten bronzezeitlichen Kulturlandschaft im Hochgebirge des Nordkaukasus. Archäologie in Eurasien. Bd. 38 Bonn: Habelt-Verlag, 2017 453 p. : ill., diagrams.

Список иллюстраций

Рис.1. 1. Сосуд с перевала Алаштраху, переданный в Абгомузей. 2. Вид на внутреннюю часть горла сосуда.

Рис.2. 1 – яма промоина на поселении Шушук. 2-9 – индивидуальные находки из ямы-промоины. 2, 6,7 – бронза; 3 -железо; 4,8 – камень; 5 – кость; 9 – керамика.

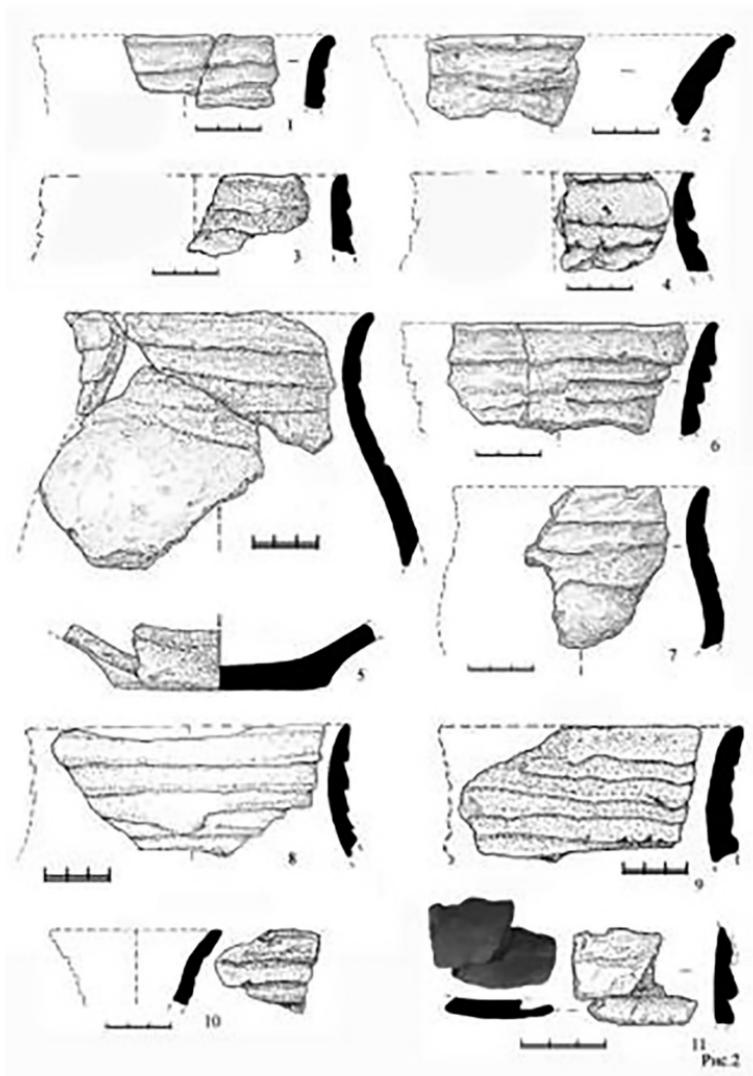
Рис.2. Фрагменты сосудов, сформованных из жгутов глины из Археологического комплекса Шушук. 1-10 – поселение Шушук; 11 – Объект 76.

Рис.3. Фрагменты сосудов, сформованных из жгутов глины. 1-4 – пос. Кабардинка II, жилище 14, фаза II; 5, 6 - Кенделен, насыпь кургана 426; 7 – пос. Абадзехское; 8 – поселение Деметра. 1-4 – по ReinholdS., Korobov D.S., Belinskij A., 2017; 7- по Аутлев, 1972; 5,6,8 – фото В.Р. Эрлиха.

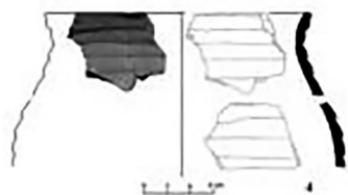
Рисунки

Рис. 1

Puc. 2

Puc. 3

РУЧНАЯ МЕЛЬНИЦА АНТИЧНОЙ ЭПОХИ ИЗ СКУРЧИ¹

В 1964 г. в Очамчирском районе, на территории поселка Скурча, местный житель, тракторист, во время вспашки вывернул из земли обработанную плиту из песчаника. Заинтересованный находкой, он с помощью нескольких односельчан углубил и расширил место находки, но больше ничего не обнаружил. Один из жителей села привез находку в Сухум и сдал ее в Абхазский государственный музей, где она и хранится с 1965 г.

Плита была найдена в низменной части местности, представляющей собой равнину с одинокими холмами. В дальнейшем раскопки этого места показали существование большого песчаного наноса. Плита оказалась в верхнем его слое. В литературе подобные предметы неоднократно описывались как жернова греческой ручной мельницы. Найденная плита оказалась верхним жерновом. Нижний жернов такой мельницы ставился на массивное основание, возможно, на цельный каменный стол таким образом, чтобы он представлял собой неподвижно закрепленную большую плиту – нижнюю часть ручной мельницы, по поверхности которой с помощью рычага двигали верхний жернов.

Найденный в Скурче целиком сохранившийся верхний жернов ручной мельницы представляет собой расширяющуюся книзу прямоугольную плиту, размеры сторон которой составляют 43 см x 32 см. В середине нижней поверхности жернова выдолблена щель в 22 см длины и 2 см. ширины. По всей нижней рабочей поверхности жернова для увеличения эффективности процесса терки и лучшего помола зерна нанесены косо расположенные бороздки в 1,5 см ширины и 2 мм глубины.

¹ Статья публиковалась в журнале «Дзеглис мегобари» (на груз. яз.), № 15. Тбилиси, 1968 г. С. 51–54. В связи с новыми находками, относящимися к античному времени, я решила опубликовать статью и на русском языке, тем более, что предмет во всех ссылках проходит всего лишь как фрагмент жернова.

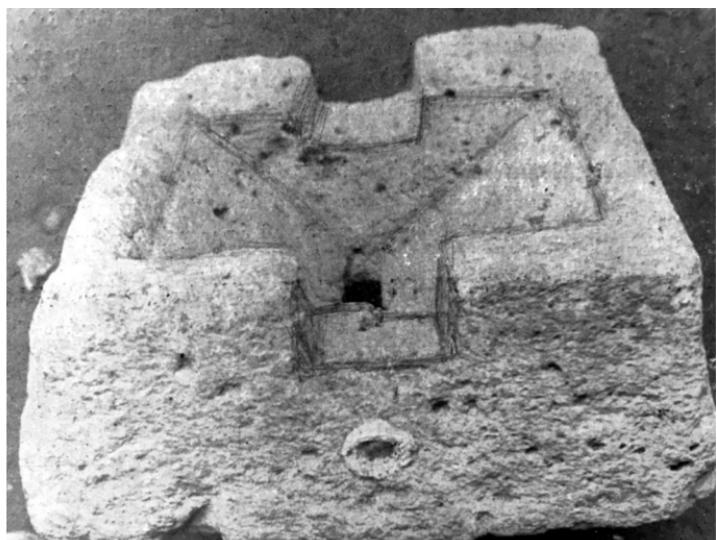
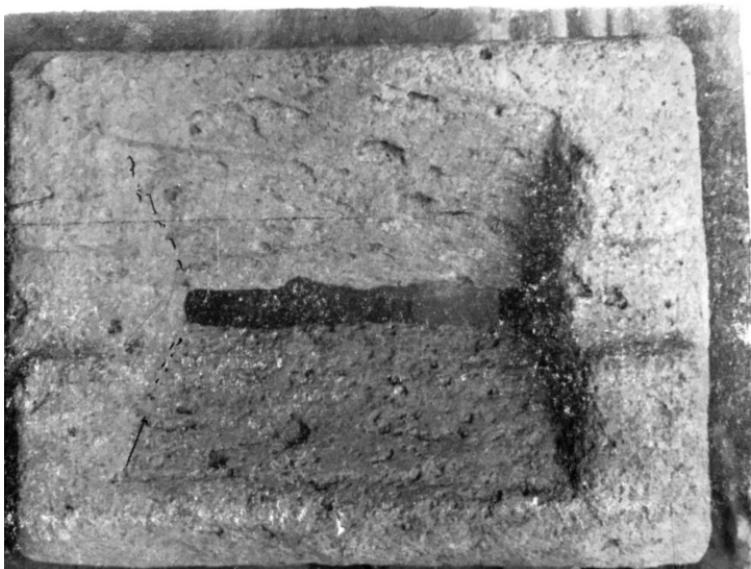

Рис. 1. Вид жернова с разных сторон

Рис. 2. Вид жернова с разных сторон

С верхней поверхности жернова в плите выдолблено четырехугольное углубление со сторонами-гранями, косо спускающимися к нижней щели (См. рис. 1, 2). С двух противоположных сторон спуск под углом – 70° , с двух других – 80° . В результате получается прямоугольной формы четырехгранная воронка для засыпания в нее зерна. На дне этой воронки располагается вышеупомянутая щель, через которую зерно попадало между жерновами.

На верхней поверхности коротких стенок выдолблены прямоугольные углубления для насадки длинного рычага. Жердь рычага одним концом была прикреплена к установленной и укрепленной к «столу» вертикальной оси, посредством которой рычаг двигался по горизонтали. Рычаг рукоятки прикреплялся к маленькому круглому гнезду. Это место прикрепления просматривается и сейчас в виде остатка приварки из свинца.

Судя по известным аналогам, жернов приводили в действие рычагом, прикрепленным к стояку, перемещая его справа налево, и затем наоборот – слева направо. Но в нашем слу-

чае прикрепление рукоятки рычага, как видно, было несколько иным, чем у известных нам подобных ручных мельниц.

До 50-х гг. находки таких мельниц были крайне редкими, буквально единицы. Теперь же с некоторой разницей в размерах и устройстве, они являются довольно часто встречающимися находками для северо-причерноморских районов и соседних областей, которые входили в ареал древнегреческого влияния и относились к греческому культурному миру. Здесь уместно вспомнить об одной из работ В.П. Гайдукевича, в которой он описывает изображение на беотийском глиняном сосуде ранней эллинистической эпохи. Рисунок, отражавший процесс мукомольного производства, содержал изображение мельницы, подобной вышеописанной находке. Археологические данные свидетельствуют о том, что эти мельницы употреблялись очень долго – с IV века до н.э. до III века н.э.

Описанный тип хронологически предшествовал ручной круглой мельнице, у которой было два круглых жернова одного размера. Из них верхний камень приводили в движение рукой. Ручные круглые мельницы, найденные во время раскопок на Северном Причерноморье, относятся к поздне-эллинистической и романской эпохам. Более полноценные и удобные для употребления, округлые мельницы постепенно вытесняли неудобные четырехугольные жернова.

По мнению известного этнографа Л.И. Лаврова, именно эти круглые жернова являются предшественниками горных ручных мельниц, употреблявшихся в не таком далеком прошлом.

Камни круглой мельницы не раз были обнаружены на территории Абхазии во время раскопок. Подобные им ручные жернова и сегодня встречаются в семьях крестьян. Их используют для помола зерна и приготовления различного вида круп. Пользовалось ли местное негреческое население старыми четырехугольными мельницами? На это трудно убедительно ответить, поскольку описанный жернов найден случайно, в ныне нежилом месте.

Очень интересной является местность, где был найден описанный выше верхний жернов ручной мельницы. В науч-

ных кругах до сих пор идут споры о том, какое значение территории современной Скурчи играла в древней Абхазии. Археологические раскопки однозначно свидетельствуют о том, что здесь было крупное местное поселение. Развалины древнего поселения и сейчас сохранились в лесах Скурчи. Здесь же следует упомянуть абхазскую легенду, которую приводит в своей книге Д.И. Гулиа. Согласно ей, на Скурче в древности существовал большой город¹. И Ш.Д. Инал-Ипа со слов местных старожилов также записал, что на берегах Скурчинской бухты в далеком прошлом существовал большой город по названию Ашьашла, что означает, якобы, «Седая кровь»².

Остается под вопросом, располагалось ли когда-то на территории Скурчи древнегреческое поселение? Представляется, что все же есть основания для положительного ответа, вплоть до высказываемой некоторыми авторами гипотезы о том, что именно здесь следует искать следы великой Диоскуриады. Думаю, что все вышеупомянутое указывает на существование в регионе Искуриа – Испаура – Курси – Скурча неизвестного нам античного поселения. В каком-то смысле находка ручной мельницы может служить подтверждением этого предположения.

¹ Гулиа Д.И. Сухум не Диоскурия // Труды АБНИИК. Вып. 2. 1934. С. 87, 88.

² Машинопись Инал-Ипа Ш.Д. О топонимике Очамчирского района. Часть II. 1949. С.1.

ДЖОПУА А. И.

СКАКОВ А. Ю.

КУЛЬТОВАЯ ВЫМОСТКА И «ТАЙНИК»: НЕИЗВЕСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОЛХИДСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И НА МОГИЛЬНИКЕ ДЖАНТУХ

Исследование могильников ингуро-рионской колхидской культуры (выделенной одним из авторов этой статьи) началось в 1960–1970-х гг. и на сегодняшний день количество изученных памятников уже достаточно значительно (Скаков, 2011), тем не менее продолжающиеся работы позволяют получить новую уникальную информацию. Начиная с 2006 г. (разведочная шурфовка была произведена в 2005 г.) мы изучаем крупный могильник на горе Джантух (Ткуарчальский район Республики Абхазия), кратковременно раскапывавшийся также абхазскими археологами в 1981, 1983, 1985 гг. (Шамба, Шамба, 1990 и др.; Скаков, Джопуа, 2012б и др.).

За истекшие годы исследованы как индивидуальные (погребения 2 и 3 – IX в. до н.э.), так и, главным образом, коллективные погребения по вторичному обряду, с кремацией на стороне (погребальная яма 6, нижний уровень – XIII–XI вв. до н.э.; погребальная яма 6, верхний уровень – конец VIII – рубеж VIII–VII вв. до н.э.) и на месте (погребальные ямы 3 и 4 – вторая половина V – первая половина III вв. до н.э., погребальная яма 5 – IV–III вв. до н.э.). Практически на всей исследованной (на 2006–2010 гг.) площади верхняя часть заполнения погребальных ям была потревожена при грабительских «раскопках» в недавнем прошлом. Соответственно, данные о погребальном обряде могильника в эпоху античности оставались неполными.

В 2011 г.¹ под погребальной ямой 5 (почти полностью ограбленной) при зачистке «трещин» непонятного происхождения в слое глины (как считалось, материковой) был

¹ В работах 2011–2012 гг. принимала участие А. Козубова (Братислава), в работах 2012 г. – В. Зуев (СПб).

обнаружен своего рода «тайник». Как выяснилось, при создании погребальной ямы 5 в ее придонной части была выкопана (частично – в материковой глине, частично – в скальном выходе) яма неправильной формы, глубиной до 75–115 см и размерами с запада на восток – 1,6–3,9 м, с севера на юг – 2,25–5,1 м. После заполнения ямы инвентарем и совершения вероятных обрядовых действий она была замазана сверху слоем материковой глины мощностью около 5–8 см. Дно и стенки ямы сильно прокалены. В яме практически отсутствовало какое-либо заполнение кроме многочисленных бронзовых и железных вещей, спрессованных практически в одну массу и намеренно изломанных при помещении туда. Кроме того, большинство вещей пострадало от действия огня. Ни одного фрагмента кальцинированной кости, ни одного фрагмента керамики, ни одной бусины в яме обнаружено не было.

По приблизительным оценкам (большинство предметов пока что находится на реставрации), в яме – «тайнике» обнаружено около 80–100 бронзовых браслетов различной степени сохранности (Рис. 1,9–11), несколько штук бронзовых биспиральных подвесок (Рис. 1,12,14), 2 бронзовые бляхи (Рис. 1,15,16), бронзовые пластины-накладки полуovalной формы с заклепками и гравировкой на лицевой стороне, 2 серебряные подвески «брильского типа» (Рис.1,17), бронзовые колокольчики нескольких типов, ажурное навершие (Рис. 1,13), предметы зооморфной пластики (Рис. 1,18: Рис. 2,7), более 10 бронзовых фибул различных типов, не менее 5 бронзовых «футляров» неизвестного назначения, не менее 10 железных акинаков (в том числе, с бивалютным и антенно-видным навершием) (Рис. 1,1–7), фрагменты железных копий, железные ножи, более 10 железных топоров (преимущественно, топоров-секир) (Рис.1,8). Предварительно данный набор предметов может быть датирован IV в. до н.э. В этой связи отметим, что практически непосредственно над «тайником», на дне погребальной ямы 5, в 2008 г. были обнаружены развалы коричневоглиняных колхидских амфор, появляющихся не ранее середины – третьей четверти IV в. до н.э.

Для территории Абхазии акинаки с бивалютным и антенновидным навершием ранее считались малохарактерными. Такой акинак был встречен в погребении 4 могильника Сухумская Гора, для датировки которого важен обнаруженный здесь же топор-секира. Топоры данного типа большинством исследователей датируются IV–III или IV–II вв. до н.э. Эта датировка вполне подтверждается материалами другого могильника Абхазии – Гудаиху, где топоры-секиры встречены исключительно с инвентарем IV–III вв. до н.э.

Неожиданной находкой стали и две серебряные подвески в виде кольца со столбиком, имеющим «пятишишечное» завершение (подвески «брильского типа»), датирующиеся по многочисленным аналогиям (за пределами Абхазии, где ранее такие изделия не были встречены) серединой V – первой половиной IV вв. до н.э. (Мошинский, 2006. С. 44–46). Единичную аналогию, на ближайшем к Джантуху могильнике Ларилари в Сванетии (Чартолани, 1968. Табл. III, 8), находит фибула с петлями на дужке, к которым крепились подвески в виде птичек. Наконец, отметим серию предметов, вообще не имеющих каких-либо аналогов – ажурное навершие, накладки с гравировками, футляры – «ножны». Но особенно важен сам факт существования такого «тайника» в колхидской погребальной яме.

В 2011–2012 гг. рядом с погребальной ямой 5 была обнаружена каменная вымостка сложной формы, имевшая, вероятно, ритуальный характер. Часть вымостки была образована фрагментами толстостенного пифоса, часть – прокаленными камнями, среди прочих (некоторые из камней были обработаны) выделялись два камня: один с изображениями креста и свастики с противоположных сторон, один – с изображением креста. К настоящему времени вымостка изучена не полностью, но, скорее всего, она перекрывает погребальную яму. При снятии вымостки под камнями были обнаружены, в том числе, полая золотая подвеска в виде лежащего барана, богато украшенная зернью (Рис. 2,8), а также бронзовая женская антропоморфная фигурка. Имеющиеся аналогии позволяют датировать подвеску, являвшуюся, вероятно, частью ожере-

лья, в рамках V–IV вв. до н.э. Скульптурные изображения лежащих животных хорошо известны в колхидском ювелирном искусстве (Вани, погребения 6 и 24; Уляпский курган № 4; Курджипский курган и т.д.), особенно близкой аналогией являются подвески в виде бараньих головок в ожерелье из погребения 11 в Вани, датируемого второй половиной V в. до н.э. (Лордкипанидзе, 1972. С. 48. Илл. 193; Medeas Gold, 2007. S. 114). Кроме того, практически одинаковые золотые подвески в виде бараньих головок известны в погребении 42 Красномаякского могильника (г. Сухум) третьей четверти V – начала IV вв. до н.э. и в погребении 2 в Ачандаре второй четверти – конца V в. до н.э. (Трапш, 1969. Табл. XXXIX, 15,18; Саков, Джопуа, 2004. С. 32. Рис. 2, 2,5). Отметим и ожерелье с золотыми подвесками в виде бараньих головок из погребения 5 в Саирхе, датированного второй половиной V в. до н.э. (Надирадзе, 1990, с. 32. Табл. II, 2).

Очевидно, вымостка имела сложную строительную историю, время ее бытования можно отнести к VI–IV вв. до н.э., в III–II вв. до н.э. над ее центральной частью была сооружена новая каменная конструкция, а ее юго-западный край тогда же был разрушен погребальной ямой (датируется по находкам античного керамического импорта и местного подражания золотому статеру Александра Македонского) (Саков, Джопуа, 2012а). На поверхности вымостки было обнаружено большое количество железных (один – бронзовый) наконечников копий (Рис. 2,1–4), колокольчиков (Рис. 2,6) и стержней, иногда с окончанием в виде петли (Рис. 2,5). При этом колокольчики, как правило, фиксировались группами. Отметим также находку наконечника копья, к перу которого, с помощью кольца, были присоединены два колокольчика. Очевидно, в период бытования вымостки она использовалась как ритуально-поминальный комплекс, на нем были установлены копья (древками вниз) и, вероятно, деревянные шесты, к которым с помощью железных стержней крепились колокольчики. По своим конструктивным особенностям вымостка находит некоторые аналогии в западнокубанских памятниках VI–V вв. до н.э. (сооружение 1 могильника Султан-гора III, могильник Уллубаганалы 2).

Подчеркнем еще раз, что ни археологические данные о погребальном обряде могильников Центральной Колхиды, ни сведения античных письменных источников не донесли до нас информации о таких ритуальных особенностях, как наличие культово-поминальных площадок и «тайников».

Библиографический список

Лордкипанидзе Оtar. Вансское городище. (Раскопки. История. Проблемы) // Вани. Археологические раскопки 1947–1969. I. Тбилиси. 1972.

Мошинский А.П. Древности Горной Дигории. VII–IV вв. до н.э. Труды ГИМ. Вып.154. М. 2006.

Надирадзе Д.Ш. Саирхе – древнейший город Грузии (к истории восточной провинции Колхиды I тысячелетия до н.э.). Тбилиси. 1990. На груз. языке.

Саков А.Ю. Погребальные ямы Колхиды // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный-М. 2011.

Саков А.Ю., Джопуа А.И. Комплексы второй половины V – IV вв. до н. э. с бронзовыми «эгретками» из Абхазии // Боспорские исследования. Вып.VII. Симферополь-Керчь. 2004.

Саков А.Ю., Джопуа А.И. Новая находка золотого подражания статеру Александра Македонского в Западном Закавказье // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. Махачкала. 2012а.

Саков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ. Вып.191. М. 2012б.

Трапш М.М. Древний Сухуми.// Труды. Том 2. Сухуми. 1969.

Чартолани Ш. Лариларский могильник // Вопросы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси. 1968. На груз. языке.

Шамба Г.К., Шамба С.М. Археологические памятники верховьев реки Галидзга (Джантух). Тбилиси. 1990.

Medeas Gold. Neue Funde aus Georgien. Katalog zur Ausstellung des Georgischen Nationalmuseums, Tiflis und der Antikensammlung, Staatlichen Museen zu Berlin. Tiflis. 2007.

Список иллюстраций

Рис.1. Предметы из «тайника» при погребальной яме 5.

Рис.2. Предметы с ритуально-поминальной площадки (1-6,8) и из «тайника» при погребальной яме 5 (7).

**АРХИМАНДРИТ ДОРОФЕЙ (ДБАР),
доктор богословия,
в.н.с. отд. истории АБИГИ им. Д. Гулиа АНА**

**ЦЕРКОВНЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ДЕТАЛИ ИЗ
АНХУА (Х–XI вв.) В КОЛЛЕКЦИИ АБХАЗСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ**

В зале средневековья Абхазского государственного музея (далее АГМ) выставлены (на ноябрь 2018 г.) следующие церковные архитектурные детали из с. Анхуа¹ Гудаутского района Республики Абхазия (ил. 1):

Известняковая плита алтарной преграды со сценой Распятия Христа и надписями на греческом и картлийском (письмом асомтаврули)² языках (инв. кар. № 1938–2191, размеры: 75x77 см³);

Известняковая плита алтарной преграды с изображением св. Георгия Победоносца (инв. кар. № 1938–506, размеры: 78,5x73 см);

Известняковый столбик алтарной преграды с витой полу-колонкой № 1 (размеры: 76x19 см);

Известняковый столбик алтарной преграды с витой полу-колонкой № 2 (размеры: 76x19 см);

Известняковый постамент предалтарного креста (верхняя часть) (инв. кар. № 1938–505, 507, размеры: 103x27 см).

¹ Исторически территория с. Анхуа являлась частью средневековой столицы Абхазии – Анакопии (совр. Н. Афон).

² Определение картлийский в отношении языка, официально использовавшегося с XI в. в рамках средневекового царства абхазов и картвелов, в наше время часто встречается в работах Д. Чачхалиа, в том числе и в работе по истории храма Акуача в с. Анхуа [Чачхалиа, 2018, с. 22]. Мы согласны с данным уточняющим определением, поскольку, когда мы говорим о средневековом объединенном государстве абазгов (абхазов) и картвелов (грузин), речь может идти о языке одной из составных частей этого государства – Картли. Понятие Грузия и грузинский язык корректнее применять для более позднего исторического периода. Асомтаврули – это древнегрузинское письмо заглавными буквами.

³ Здесь и далее размеры указаны в соответствии с нашими обмерами.

В фондах АГМ хранятся следующие архитектурные детали из того же с. Анхуа:

известняковый постамент предалтарного креста (нижняя часть) с ктиторской надписью на картлийском языке (письмом асомтаврули) (инв. кар. № 1938–505, 507, размеры: 126x21 см¹);

известняковая архитектурная деталь с надписью на картлийском языке (письмом асомтаврули) (инв. кар. № 1938–542).

В 2021 г. во время расчистки цокольного этажа здания скита св. Иоанна Крестителя в с. Анхуа в подвальном помещении кухни была обнаружена архитектурная деталь (размеры: 28x19 см)². Сравнив находку с вышеуказанными фрагментами алтарной преграды из Анхуа, мы пришли к заключению, что данный артефакт действительно является еще одним фрагментом вышеуказанной алтарной преграды из Анхуа³. Новый

¹ Размер указан в соответствии с обмерами Е. Ю. Ендольцевой [Ендольцева, 2019, с. 20–21].

² Хранится в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии при Ново-Афонском монастыре.

³ Найденный в ските св. Иоанна Крестителя фрагмент по ширине точно совпадает с размерами двух столбиков алтарной преграды из Анхуа, выставленных в АГМ, – 19 см. Кроме того, колонка по обеим сторонам обрамлена (как и два вышеуказанных столбика алтарной преграды из Анхуа) витым орнаментом (на левой стороне видны только следы орнамента), напоминающим так называемую сельджукскую цепь (лента плетения в две полосы, орнамент составлен из кружков небольшого диаметра с высыпленным центром) [Ендольцева, 2019, с. 18–19]. На одной из сторон обнаруженного фрагмента витой полуколонки сбоку просматривается технический желоб (размеры: 11x2 см), который, очевидно, служил для скрепления полуколонки с другими деталями алтарной преграды из Анхуа. Обнаруженный фрагмент был использован в качестве строительного материала для основания большой кухонной печи в ските св. Иоанна Крестителя в Анхуа. Одноэтажное помещение кухни с подвалом примыкает к зданию самого скита с западной стороны [Дорофея Дбар, 2019, с. 16; ил. 60, 61]. Печь была разобрана в советское время, когда помещение монастырской кухни использовалось под продуктовый магазин. Напомним, что строительство большого здания скита св. Иоанна Крестителя в Анхуа было осуществлено в 1903–1908 гг. монахами Ново-Афонского монастыря [Бронзов, 1913, с. 648]. Таким образом, данная находка свидетельствует еще и о том, что строительные камни и различные ценные архитектурные детали руин средневековых храмов, равно как и других исторических памятников Анхуа, к сожалению, были использованы монахами Ново-Афонского монастыря в кон. XIX и нач. XX вв. для возведения новых монастырских построек, включая и здание скита св. Иоанна Крестителя в Анхуа.

фрагмент был обозначен нами как «Фрагмент известнякового столбика алтарной преграды с витой полуколонкой из Анхуа № 3», и он стал восьмой по счету архитектурной деталью из Анхуа [Дорофея Дбар, 2023].

В 2022–2023 гг. в ходе археологических раскопок руин храмового комплекса Бжилюа в с. Анхуа, которые проводились под руководством Гарика Сангулия и архимандрита Дорофея (Дбар), были обнаружены три фрагмента архитектурных деталей. Сравнив находки с фрагментом, обнаруженным в ските св. Иоанна Крестителя, и выставленными в АГМ фрагментами алтарной преграды из Анхуа, мы пришли к заключению, что данные артефакты, судя по всему, также являются дополнительными фрагментами вышеуказанной алтарной преграды из Анхуа. Кроме того, в ходе указанных раскопок было обнаружено основание постамента для предалтарного креста, хранящегося в фондах АГМ¹.

Таким образом, мы сегодня располагаем 12 церковными архитектурными деталями из Анхуа: 8 из них принадлежат алтарной преграде, 3 являются частями предалтарного креста, принадлежность одной архитектурной детали (№ 7) не установлено.

Е.Ю. Ендольцева в статье «Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея (г. Сухум, Республика Абхазия)», опубликованной в 2019 г., подробно описывает следующие архитектурные детали из Анхуа:

1. Плиту алтарной преграды с изображением св. Георгия;
2. Столбик алтарной преграды с витой полуколонкой;
3. Столбик алтарной преграды с витой полуколонкой;
4. Фрагмент постамента предалтарного креста (верхняя часть);
5. Плиту со сценой Распятия;
6. Фрагмент постамента предалтарного креста (нижняя часть);
7. Архитектурную деталь с надписью [Ендольцева, 2019, с. 17–21].

¹ Предварительные итоги археологических раскопок храмового комплекса Бжилюа в с. Анхуа будут представлены на XXXIII «Крупновских чтениях», которые пройдут 22–26 апреля 2024 г. в Москве.

Согласно инвентарным карточкам пять из восьми выше-перечисленных архитектурных деталей – две плиты алтарной преграды со сценой Распятия и изображением св. Георгия, два фрагмента постамента предалтарного креста и архитектурная деталь с надписью – были доставлены в АГМ в 1938 г. из Анхуа (без уточнения – из какой именно церкви) одним и тем же дарителем [Ендольцева, 2019, с. 17–22].

На одной из 12 вышеупомянутых архитектурных деталей из Анхуа – плите со сценой Распятия Христа – нанесены надписи на греческом и картлийском (письмом асомтаврули) языках. Еще на двух деталях – нижней части постамента предалтарного креста и отдельной архитектурной детали – надписи нанесены только на картлийском, причем одна является большой ктиторской надписью.

Е. Ю. Ендольцева говорит о вероятности, что все перечисленные в ее статье и схожие по стилю и характеру украшений архитектурные детали из Анхуа являются частями одной и той же алтарной преграды (за исключением двух фрагментов постамента предалтарного креста). Она допускает возможность происхождения всех вышеуказанных деталей, датируемых рубежом X–XI вв., из одной церкви в Анхуа, вероятнее всего – из церкви св. Георгия (имеется в виду храм св. Георгия в пос. Агца с. Анхуа – *о. Дорофей*) [Ендольцева, 2019, с. 17–22].

Считаем важным отметить, что Е. Ю. Ендольцева сообщает о надписях на картлийском (грузинском) языке, сделанных на нижней части постамента предалтарного креста и еще одной архитектурной детали из Анхуа. Однако она ничего не говорит о надписях (в том числе и на греческом языке) на плите со сценой Распятия Христа [Ендольцева, 2019, с. 21–22].

Относительно надписи на греческом языке с плиты алтарной преграды со сценой Распятия Христа из Анхуа следует отметить, что надпись – это всего лишь одно слово заглавными буквами, но при этом с артиклем и надстрочными знаками приданы и ударения, что не характерно для греческой заглавной письменности. Это слово следующее: Ή ΣΤΑΥΡΩΣΙΣ.¹ В переводе с греческое означает – Распятие [Дорофей Дбар, 2022 (2), с. 228].

¹ Ή ΣΤΑΥΡΩΣΙΣ – заглавными буквами современной греческой орфографии, ἡ σταύρωσις – прописными буквами современной греческой орфографии.

Некоторые особенности надписи: 1) артикль женского рода ḥ в отличие от всех последующих букв вырезан в объемной форме, что очень странно; 2) над тем же артиклем женского рода ḥ наблюдается знак густого греческого придыхания со знаком острого греческого ударения (он называется Δασεία-Οξεία) – ḥ; 3) знак острого ударения над диграфом αι в самом слове стоит над á; 4) к концу слова размеры букв уменьшаются.

Кроме того, в глаза бросается искажение композиционного расположения надписи, сдвинутой относительно Распятия Христа левее, а также то, что фигура св. Иоанна Богослова максимально удалена от Распятия (в отличие от зеркально расположенной фигуры Пресвятой Богородицы).

Ниже греческой надписи на плите алтарной преграды со сценой Распятия Христа из Анхуа мы имеем и несколько надписей на картлийском языке (письмом асомтаврули). Первая сделана в две строки на табличке, расположенной на самом верху Распятия. Она гласит: ԾՒԾ Ծ՚ԻՊՌ ՚ԻՕԾ՚ԻՑԾ (Сей царь Иудейский). Чуть ниже, слева от головы распятого Христа, надпись – ԽՒՅՒՐՊՌԾ (Распятие), справа – ՔՅՒՐՊԵՒ (Христово). Два последних слова при написании сокращены [Дорофей Дбар, 2022 (2), с. 228].

В отношении надписей на картлийском (грузинском) языке также стоит заметить, что и им свойственны композиционные искажения, особенно надписям, расположенным по сторонам от головы Спасителя. Просматривается разница по сравнению с аккуратной композицией текста и четкостью изображения букв на ктиторской надписи постамента предалтарного креста из той же церкви.

Таким образом, обе надписи на рассматриваемой плите алтарной преграды из Анхуа обозначают Евангельский сюжет Распятия Иисуса Христа. С левой стороны от креста мы видим фигуру Пресвятой Богородицы в рост, с правой стороны – апостола Иоанна Богослова, тоже в рост. Обе фигуры без сопроводительных надписей. В верхней части плиты с обеих сторон видны изображения ангелов – их фигурки по пояс.

Обозначим еще ряд вопросов, требующих в дальнейшем дополнительного исследования. Эти вопросы связаны (об этом

писала Л. Г. Хрушкова, см. ниже) с довольно редким сочетанием греческого и картлийского (грузинского) письма на одном памятнике, как и в случае с рассматриваемой нами плитой из Анхуа.

Почему на одной и той же плите алтарной преграды мы имеем надпись на двух языках? При этом на второй плите из той же алтарной преграды с изображением св. Георгия надписи отсутствуют вовсе. Хотя, как отмечает Ренэ Шмерлинг (см. ниже), отсутствие обозначения имени св. Георгия на алтарных плитах с его изображением – явление обычное.

Были ли надписи нанесены одновременно с изготовлением самой плиты алтарной преграды со сценой Распятия Христа или же они могли появиться позже?

Одновременно ли на двух языках были сделаны надписи или одна из них первична, а другая – вторична? И какая именно появилась первой?

Напомню, что Е.Ю. Ендолъцева, предполагавшая, что все известные архитектурные детали из Анхуа, схожие по стилю и характеру украшений, являются частями одной и той же алтарной преграды (за исключением двух фрагментов постамента предалтарного креста), датирует их рубежом X–XI вв. (см. выше), в то время как постамент предалтарного креста с большой ктиторской надписью на картлийском языке (письмом асомтаврули) Л. Шервашидзе относит к периоду не ранее и не позднее XI в. [Шервашидзе, 1974, с. 182–183]. Р. Шмерлинг, как мы увидим ниже, основываясь на искусствоведческом анализе, дает разную датировку и обеим плитам алтарной преграды с изображением сцены Распятия Христа и св. Георгия из Анхуа. Как выяснилось, предположение Р. Шмерлинг, что плиты – из разных храмов Абхазии, оказалось ошибочным.

Чтобы получить ответы на вышепоставленные вопросы, необходимо в перспективе провести палеографический анализ греческой надписи и уточнить датировку как надписей на греческом и картлийском (грузинском) языках, так и самой алтарной преграды из церкви в Анхуа.

В 2020 г. в Москве вышла большая монография Е.Ю. Ендолъцевой «Архитектурная пластика Абхазии в период Абхаз-

ского царства (VIII–XI вв.)». Все сведения об интересующих нас церковных архитектурных деталях из Анхуа, приведенные во второй главе книги (глава «Крупные лапидарные коллекции»), практически идентичны с теми, что были приведены в рассматриваемой выше статье названной исследовательницы [Ендольцева, 2020, с. 205–211]. Незначительные дополнения касаются фрагмента постамента предалтарного креста (верхняя часть), по поводу которого Е.Ю. Ендольцева пишет, что среди его ближайших территориальных аналогий – фрагмент столба из Лоо (кат. Лоо № 1) и плиты со сценой Распятия, к которым она дает следующее пояснение: «S-образный орнамент, украшающий поля этой плиты, имеет многочисленные аналогии в архитектурной пластике Закавказья, начиная с X–XI вв. Среди территориально близких – резной блок из Малого Ахуна, фрагмент алтарной преграды из Лыхны (кат. Лыхны № 2), фрагмент первоначального храма в церкви в Бедиа (кат. Бедиа № 4) и др. Авторы недавно вышедшего каталога грузинской средневековой скульптуры также упоминают эту плиту, правда, в качестве почему-то единственного фрагмента алтарной преграды из Анухвы. По вопросу о датировке этой плиты они согласны с Р. О. Шмерлинг» [Ендольцева, 2020, с. 207–208].

Действительно, в каталоге грузинской средневековой скульптуры (*Medieval Georgian Sculpture*), составленном Т. Да-диани, Т. Хундадзе и Е. Лвачатадзе и изданном в 2017 г., в отношении плиты из Анхуа со сценой Распятия Христа говорит-ся следующее: «Crucifixion is represented on the only plaque of Anukhva chancel-barrier (11th c.). The relief is characterized by the traditional iconography and plastic-voluminous style» [Dadiani, Khundadze, Kvachatadze, 2017, p. 236].

Е.Ю. Ендольцева в рассматриваемой монографии пишет, что, по всей вероятности, свинцовая печать византийского типа XI в. с надписью на картлийском языке (письмом асомтавру-ли), найденная в море, в районе южно-крымского побережья (Судак?) или в акватории Тамани, могла быть из того же места (или храма) в Анхуа, что и постамент предалтарного креста [Ендольцева, 2020, с. 208].

Версия о происхождении этой свинцовой печати именно из Анхуа в Абхазии впервые было высказана В. Чхайдзе в специальной статье «Грузинская печать византийского типа XI в.», опубликованной в 2017 г. [Чхайдзе, 2017, с. 61–66].

«Печать, – сообщает названный исследователь, – наряду с 9 византийскими моливдовулами и одной заготовкой была найдена в море, в районе южно-крымского побережья (Судак?) или в акватории Тамани. В настоящее время эта печать находится в частной коллекции» [Чхайдзе, 2017, с. 62–63].

Каких-либо других подробностей об истории нахождения свинцовой печати с надписью на картлийском (грузинском) языке названный автор не говорит.

По сообщению В. Чхайдзе, на лицевой стороне печати в точечном ободке имеется изображение св. Георгия: он изображен по грудь, с точечным нимбом, безбородый, с пышными волнистыми волосами. С обеих сторон от святого надпись на картлийском языке (письмом асомтаврули) с сокращениями – გვ || თ, которая переводится как Святой Гиорги. На оборотной стороне печати четырехстрочная надпись в ободке также на картлийском языке (письмом асомтаврули) и сокращениями, В. Чхайдзе прочитал ее как – გვთთ | օհնეրյան | տօնք | թվ (Святой Гиорги монастыря Айнахвийского) [Чхайдзе, 2017, с. 63; рис. 3].

«Слово “монастырь”, – поясняет В. Чхайдзе, – (явный гречизм) передано через глottальный т’аг (ঁ), древнегрузинский генитив на sa (в настоящее время s (ব)). Топоним достаточно очевиден. Последняя буква в третьей строке, которая плохо читается, вероятно զ (дифтонг wí, который может обозначать и у), – “Айнахвисай”. Развалины зального храма с полукруглой апсидой XI в., посвященного св. Георгию, известны в Абхазии, в селе Анухва (Анхуа), в 3 км к северу от Анакопии (Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В., 2015, с. 96–97; рис. 2, 9). Из храма происходит постамент для креста XI в. с ктиторской надписью асомтаврули – Георгия, сына Василия, вероятно, местного феодала или представителя духовенства (Бгажба, 1967, с. 15–16; рис. 7; Шервашидзе, 1974, с. 176–185). Можно предположить, что помимо храма, посвященного св. Георгию в Айнахви / Анух-

ви, в XI в. здесь располагался и грузинский монастырь, откуда происходит рассматриваемая уникальная печать» [Чхайдзе, 2017, с. 63–64].

Судя по приведенному В. Чхайдзе примечанию к прочтению надписи на рассматриваемой нами печати [Чхайдзе, 2017, с. 63, прим. 1], трактовка «монастыря Айнахвийского» как монастыря в Анхуа в Абхазии, очевидно, была предложена А.Ю. Виноградовым и Ш. Гугушвили, авторами, изучающими и историю Абхазского Католикосата. Однако по поводу такой трактовки надписи на рассматриваемой печати XI в. архимандрит Дорофей (Дбар) высказал ряд существенных замечаний; все они были изложены в статье ««Грузинская печать византийского типа XI века: происходит ли она из села Анхуа (Абхазия)?» [Дорофей Дбар, 2022 (1), с. 133–145].

1. Изначальное абхазское наименование интересующего нас села не Анухва и не Анухви, и не Анахви, и тем более не Айнахви, а Анхуа.

Известный языковед Х. Бгажба в работе «Некоторые вопросы этнографии и топонимики Абхазии», разъясняя название Анакопия, говорит и о топониме Анхуа (заметим, что современный Новый Афон, т. е. древняя Анакопия и Анхуа составляли единую территорию средневековой столицы Абхазии – Анакопии. – О.Дорофей): «В слове Анакопия, как и в Никопсия, мы можем выделить окончание – иа. Основа анакоп, видимо, восходит к анақуап, где второй элемент қуап означает выступ (ср. ақуапа-ფათ “изрезанная, извилистая местность”). Первая часть ана – самостоятельная основа, которая может быть выделена и в других географических именах: Ан-хуа ← Ана-хуа, Ана-қуа-пст (по-абх. ана-қуа “ледник”, букв. “ледниковое ущелье”), На-ху, Ана-па» [Бгажба, 1956, с. 297].

Кказанному Х. Бгажба добавим, что византийский хронист XI–XII вв. Иоанн Скилица упоминает топоним Анакопия как Ἀνακούφια (Анакуфья) [Glossar, 1979, с. 217; Seibt, Jordanov, 2006, с. 231]. На византийской печати XI в., обнаруженной в Болгарии, топоним Анакопия зафиксирован как Ἀνακούπτι (род. п.) (Анакўпи) [Seibt, Jordanov, 2006, с. 231–239]. Т. е. абхазское название Анақуапия в точности совпадает с греческим из вы-

шеуказанной печати XI в. У Скилицы же вместо греческой буквы π (пи) используется φ (фи). Вероятно, различное написание указанного топонима связано с восприятием отсутствующего в греческом языке звука π, который может быть передан как через π, так и через φ. Таким образом, первая часть греческой вариации топонима Анакопия, – это самостоятельная основа Ана- (Ανα-), как и абхазская.

Следовательно, связь между топонимом *Айнахвиисай* на свинцовой печати, найденной в море в районе южно-крымского побережья (Судак?) или в акватории Тамани, и названием села Анхуа на территории Абхазии для нас (в отличие от В. Чхаидзе) недостаточно очевидна.

2. В. Чхаидзе, ссылаясь на работу А.Ю. Виноградова и Д.В. Белецкого «Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства» (Москва, 2015 г.), говорит о развалинах «зального храма с полукруглой апсидой XI в., посвященного св. Георгию, известных в Абхазии, в с. Анухва (Анхуа), в трех км к северу от Анакопии» (см. выше).

В указанной работе А.Ю. Виноградова и Д.В. Белецкого речь идет просто о храме в пос. Веселовка с. Анхуа. Авторы не говорят, что храм был посвящен св. Георгию. Кроме того, если план храма, опубликованный Ю.Н. Вороновым в 2002 г., действительно является планом храма св. Георгия в пос. Агца с. Анхуа (судя по всему, это так!), то тогда соотнесение храма, указанного в вышеупомянутой статье Ю. Н. Воронова, с храмом в пос. Бжилюа (Веселовка) с. Анхуа, сделанное А. Ю. Виноградовым и Д. В. Белецким в той же их совместной работе, является ошибочным [Воронов, 2002, с. 353–354; Воронов, 2016, с. 290–291, 301; рис. 11; Виноградов, Белецкий, 2015, с. 96–97].

3. В. Чхаидзе, ссылаясь на работы Х. Бгажба и Л. Шервашидзе (о них мы будем говорить ниже), сообщает, что «из храма (автор подразумевает зальный храм с полукруглой апсидой XI в. в пос. Бжилюа. – о. Дорофей) происходит постамент для креста XI в. с ктиторской надписью асомтаврули – Георгия, сына Василия, вероятно, местного феодала или представителя духовенства» (см. выше). Однако Х. Бгажба и Л. Шервашидзе нигде

не отмечают, что указанный постамент происходил из храма св. Георгия в пос. Бжилио с. Анхуа.

4. У нас нет никаких данных, что в древности на территории Анхуа существовал монастырь, тем более грузинский, как это полагает В. Чхайдзе. Использование на вислой печати (которая, по мнению В. Чхайдзе, происходит из Анхуа) либо на нескольких церковных архитектурных деталях из с. Анхуа картлийского (грузинского) языка не обязательно означает, что их создатели – этнические грузины, а церкви и монастыри, к которым они могли иметь отношение, были грузинскими. XI век – это время существования единого государства абазгов (абхазов) и картвелов (грузин) под названием «Абхазское царство», когда на территории самой Абхазии наравне с греческой письменностью начинает использоваться и картлийский (грузинский) язык. Яркий пример тому – плита алтарной преграды из Анхуа со сценой Распятия Христа с надписями как на греческом, так и на картлийском (письмом асомтаврули) языках (см. выше). Однако эти надписи порождают, как мы уже отметили, следующий вопрос: какая из надписей первична или же они обе были сделаны одновременно?

Как мы убедимся ниже, в надписях на постаменте креста из Анхуа, сделанных на картлийском (грузинском) языке и датируемых XI в., мы имеем имена исключительно греческого происхождения, и связаны они с древнехристианскими святыми, в большинстве своем выходцами из Малой Азии.

5. Если и был монастырь в Анхуа, то он, судя по всему, мог находиться на территории нынешнего пос. Бжилио (Веселовка), где сохранились, как мы уже отметили выше, храмовый (возможно монастырский) комплекс. Археологические раскопки на месте расположения названного храмового комплекса были начаты в 2022 г. Их результаты для окончательных выводов пока не достаточны. Однако одно уже можно сказать точно – у нас нет никаких письменных данных, что храмовый комплекс в Бжилио мог быть посвящен св. Георгию Победоносцу, равно как не существует никаких свидетельств, что какая-либо из известных нам средневековых церквей в Анхуа была посвящена св. Георгию. Единственное, что мы име-

ем, так это плиту алтарной преграды с изображением св. Георгия. Посвящение же храма в пос. Агца с. Анхуа св. Георгию, как нами было установлено, произошло уже в первой четверти XX в. [Дорофей Дбар, Сангулия, 2020, с. 329–332; Дорофей Дбар, Сангулия, 2022 (4), с. 445–446].

Здесь же следует отметить, что обнаруженные непосредственно на территории Абхазии печати византийского типа, в их числе и церковные, все без исключения имеют надписи на греческом языке. Причем некоторые из них были найдены в Анакопии, т. е. в непосредственной близости от Анхуа [Дорофей Дбар, 2022 (1), с. 137–142].

Вернемся к работе Е.Ю. Ендольцевой. Представляет интерес также информация, которую исследовательница приводит в той же второй главе монографии: «В с. Анхуа, находящемся неподалеку от горы Анакопия, зафиксировано несколько церквей, которые можно отнести к исследуемому периоду (VIII–XI вв. – о. Дорофей). В Абхазском государственном музее хранятся интересные фрагменты архитектурной декорации, поступившие единовременно (судя по инвентарным карточкам 1938 г.) от краеведа И.Е. Адзинбы (кат. муз. №№ 8, 9, 11, 12, 13). Скорее всего, они происходят из одной церкви, но какой именно, определено установить сложно. А.Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий ошибочно связывают один из этих фрагментов – постамент предалтарного креста с надписью – с церковью в пос. Веселовка (северная окраина с. Анхуа). Но поскольку точное происхождение находок установить не удалось, данный фрагмент никак не может быть определяющим признаком для датировки веселовской церкви. В фондах музея и хранилище бывшего Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия есть и несколько фрагментов надгробий, точное происхождение которых тоже неизвестно (установлено только, что они из с. Анхуа) (кат. муз. №№ 22, 26)» [Ендольцева, 2020, с. 189–190].

Грузинский и советский искусствовед Ренэ Шмерлинг (1901–1967) в книге «Малые формы в архитектуре средневековой Грузии» (Тбилиси, 1962) в ряду каменных резных алтарных преград первой половины XI в. рассматривает две

плиты алтарной преграды из Анхуа. Правда, как уже верно отметила Е.Ю. Ендольцева (см. выше), Р. Шмерлинг ошибочно связывает плиту с изображением св. Георгия Победоносца с храмом в Агу-Бедиа. Кроме того, Р. Шмерлинг, видевшая обе плиты до того, как их расчистили, полагала, что они серьезно отличаются.

«Расколотая на три части плита (со сценой Распятия – о. Дорофей), – пишет Р. Шмерлинг, – размером 76x78 см, имеет розовато-желтоватый оттенок, ощутительно отличающий ее от фрагментов бедийской алтарной преграды, плита (речь идет о плите с изображением св. Георгия из Анхуа – о. Дорофей), которая, впрочем, имеет, к тому же, другие размеры и отличается от анухвинской не только материалом, но и характером построения композиции рельефа и его исполнением» [Шмерлинг, 1962, с. 158].

Напомним, что согласно нашим обмерам, размеры плиты из Анхуа со сценой Распятия составляют 75x77 см, а размеры плиты с изображением св. Георгия из Анхуа – 78,5x73 см. Как мы уже отмечали выше, Е.Ю. Ендольцева указывает следующие размеры: плита со сценой Распятия – 76x78 см, а плита с изображением св. Георгия – 78x73x10,5 см. Обе плиты несущественно отличаются по размерам. Однако следует обратить внимание и на размеры плиты с изображением св. Георгия, которые приводит в работе сама Р. Шмерлинг, – 72x73 см [Шмерлинг, 1962, с. 109].

Далее Р. Шмерлинг дает подробный художественный анализ изображений на плите со сценой Распятия Христа, отмечая при этом «невысокий уровень одаренности мастера», отразившийся на нескольких сторонах его произведения [Шмерлинг, 1962, с. 158–59].

По поводу датировки плиты со сценой Распятия из Анхуа Р. Шмерлинг пишет: «Датировка памятника, исходя из характера задач, намечающихся в его исполнении, должна быть ощутительно сдвинута вперед сравнительно с другим памятником – профицированной так же, как анухвинская плита самцевирской плитой, исполненной во второй половине X в. Об этом, т. е. о том, что анухвинская алтарная преграда была

исполнена в более позднее время, свидетельствует и характер орнамента обрамления рассматриваемой плиты, т. е. изображение коленчатого растительного побега, условно называемого “S-образным”, исходя из некоторого сходства его звеньев с латинской буквой “S”. Трактовка этого красивого декоративного орнамента, получившего в грузинской архитектурной орнаментике широкое распространение, сближает его не с памятниками второй половины XII–нач. XIII вв., когда характер его заметно изменяется, а с предшествующим этапом, т. е. с XI–XII вв. Нарушение схемы, выражющееся здесь в скрещивании стеблей, рисующих отдельные звенья побега в левой части обрамления, находит отзвук в аналогичном и иных изводах этой же орнаментальной схемы в памятниках рубежа X–XI вв. и начала XI в. как орнамент одного из окон на северном фасаде собора Баграта в Кутаиси, плиты с надписью, вставленной позднее в кладку моста в с. Цалка (б. Бармаксиз), тимпана западного входа храма в с. Эхвеви и др.» [Шмерлинг, 1962, с. 159].

Что касается плиты с изображением св. Георгия, то Р. Шмерлинг, как мы уже отметили, ошибочно приписывала ее храму в Агу-Бедиа. Данную плиту алтарной преграды названный исследователь рассматривает в ряду алтарных преград V–X в. и датирует ее рубежом X–XI [Шмерлинг, 1962, с. 109–111]. Приводит она и подробный художественный анализ изображений на рассматриваемой плите [Шмерлинг, 1962, с. 109–110].

Хухут Бгажба (1914–2000) в работе «Из истории письменности в Абхазии» (Тбилиси, 1967) сообщает, что резной столб с надписью на асомтаврули (речь идет о нижней части постамента предалтарного креста из АГМ) был найден краеведом И. Адзинба в 30-х гг. XX в. [Бгажба, 1967, с. 15–16]. Однако данная информация не соответствует действительности, поскольку столб или постамент, о котором идет речь в работе Х. Бгажба, был обнаружен монахами Ново-Афонского монастыря в последней четверти XIX в. (об этом ниже). Очевидно, что Иосиф Адзинба (1901–1942) обнаружил постамент предалтарного креста и другие церковные архитектурные детали

из Анхуа повторно, после закрытия Ново-Афонского монастыря, и передал их в Абхазский краеведческий музей (в наше время – АГМ).

Что касается ктиторской надписи на картлийском языке на постаменте предалтарного креста из Анхуа, Х. Бгажба дает ее (как говорит об этом он сам) в чтении и переводе Л. Шервашидзе (с сохранением сокращений и раскрытием сокращений, а также с небольшими изменениями в тексте перевода), соглашаясь с датировкой, предложенной последним автором, – XI в. [Бгажба, 1967, с. 15–16; рис. 7]¹.

Надпись в переводе на русский язык гласит: «Именем Божиим воздвиг сей крест во имя Бога, Отца, Сына и Святого Духа я, Георгий, сын Василия. Отныне кто будет ему (кресту – о. Дорофей) молиться, помяните нас, троих братьев, да будет аминь» [Бгажба, 1967, с. 16]².

В той же работе Х. Бгажба говорит и еще об одной надписи из Анхуа на картлийском языке (письмом асомтаврули). Речь идет о надписи на уже упомянутой выше архитектурной детали № 7. На русский язык она переводится так: «Святые архангелы Михаил и Гавриил» [Бгажба, 1967, с. 16; рис. 8].

В 1974 г. Лео Шервашидзе (1910–2003) опубликовал статью, посвященную «разбитому на две части четырехгранным столбу из белого местного известняка, украшенному резьбой и надписью с текстом на “асомтаврули”» из Анхуа.

¹ Отметим, что Х. Бгажба ссылается на рукопись статьи Л. Шервашидзе под названием «Резной столб из сел. Анухва».

² Х. Бгажба в другой своей работе «О памятниках письменности в Абхазии», вошедшей в сборник его статьей «Этюды и исследования» (Сухум, 1974), отмечает, что при датировке ктиторской надписи на асомтаврули на постаменте предалтарного креста из Анхуа, равно как и грузинской надписи из Лыхненского храма (речь идет о надписи на асомтаврули, сообщавшей о появлении кометы), «заслуживает внимание монета грузинского царя Георгия II, найденная в 1957 г. М. М. Трапши во время археологических работ в Анакопийской крепости <...>. Древнегрузинская надпись на монете расшифрованная Д. Г. Капанадзе: “Христе! Возвеличь Георгия – абхазцев и картвелов царя и Кесароса”. Данная монета является единственной находкой на территории Грузии. Она чеканилась между 1081–1089 гг.» [Бгажба, 1974, с. 72]. К сожалению, Х. Бгажба не разъясняет, почему названная монета так важна для датировки рассматриваемой нами ктиторской надписи на картлийском языке на постаменте предалтарного креста из Анхуа.

«Судя по одной из фраз большой надписи на столбе, – пишет названный исследователь, – гласящей: «...» воздвиг крест сей <...>», столб является постаментом под крест, и это подтверждается наличием в верхнем торце его глубокого, прямоугольного в плане, гнезда, в которое вставлялся нижний конец креста» [Шервашидзе, 1974, с. 176].

Л. Шервашидзе говорит, что рассматриваемый им столб из Анхуа «не является одиночным явлением, он входит в ряд аналогичных по назначению памятников». В качестве примеров он называет большие постаменты крестов из храма Джвари и из с. Чукули в Нижней Сванетии [Шервашидзе, 1974, с. 176].

Далее указанный автор приводит подробное описание постамента креста из Анхуа [Шервашидзе, 1974, с. 176–182].

Что касается датировки рассматриваемого памятника, то стилистический анализ орнамента, декора крестов и других особенностей позволяет Л. Шервашидзе отнести его ко времени не ранее и не позднее XI в. [Шервашидзе, 1974, с. 182–183].

В завершение статьи Л. Шервашидзе предлагает прочтение и перевод всех надписей на постаменте предалтарного креста из Анхуа, сделанных на картлийском (грузинском) языке. Вначале он приводит текст большой ктиторской надписи, помещенной на фасадной стороне памятника, которая была прочитана и переведена на русский язык Т. Барнавели, причем, как поясняет Л. Шервашидзе, «оно дано в транскрипции мхедрули (современное грузинское письмо – о. Дорофей), с раскрытием титулов и расстановкой знаков препинания». Эта надпись, «в отличие от других надписей, расположенных на заглубленном фоне, вырезана в плоскости, выступающей над фоном и находящейся заподлицо с плоскостью орнамента» [Шервашидзе, 1974, с. 183].

Надпись следующего содержания: «Именем Божиим воздвиг крест сей (этот) во имя Бога Отца, Сына [и] Святого Духа я, Георгий, сын Василия. Отныне кто будете возносить моление, всех нас трех братьев в молитве помяните. Аминь, да будет!» [Шервашидзе, 1974, с. 183].

Л. Шервашидзе полагает, что «ктитор Георгий, сын Василия, сообщающий о воздвижении им креста и просящий по-

мянуть в молитвах трех братьев, возможно, – местный феодал или представитель духовенства» [Шервашидзе, 1974, с. 183].

Заметим, что перед именем «Георгия, сына Василия» нет никаких эпитетов, позволяющих отнести его к духовенству.

Далее Л. Шервашидзе говорит, что под вышерассмотренной большой ктиторской надписью в поле креста включены буквы, которые прочитываются как «Святой Василий». Над надписью же на поле расцветшего креста, – «Святой Георгий», справа на узкой грани – «Святой Феодор», слева на узкой грани – «Святой Кирилл», и, наконец, позади, на широкой грани, – «Святой Дмитрий».

Л. Шервашидзе считает совершенно точным, что «ктитор (Георгий, сын Василия) помещает ниже большой надписи, как бы у основания столба, имя святого патрона (покровителя – о. Дорофей) своего отца, над надписью – имя своего святого, а на двух боковых гранях – имена святых своих двух остальных упомянутых в надписи братьев».

«Имя на четвертой задней грани памятника (т. е. “Святой Дмитрий” – о. Дорофей), – продолжает названный исследователь, нам неизвестно. Мы можем только в виде предположения допустить, что здесь сам художник поместил имя своего святого» [Шервашидзе, 1974, с. 183–184].

От себя добавим, что под «Святым Василием», очевидно, подразумевается св. Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской († 379 г.), под «Святым Георгием» – св. Георгий Победоносец († 303 г.), под «Святым Феодором» – св. Феодор Тирон († 307 г.) или св. Феодор Стратилат († 319 г.), под «Святым Кириллом» – св. Кирилл, архиепископ Александрийский († 444 г.), и под «Святым Дмитрием» – св. великомученик Дмитрий Фессалоникийский († 307 г.).

Любопытно, что в надписях на постаменте предалтарного креста из Анхуа, сделанных на картлийском (грузинском) языке и датированных XI в., мы имеем имена исключительно греческого происхождения, и они связаны с древнехристианскими святыми, в большинстве своем выходцами из Малой Азии (если быть точнее, Каппадокии и Понта) – св. Василием Великим, св. Георгием Победоносцем, св. Феодором Тироном

или св. Феодором Стратилатом. Только св. Кирилл – представитель Египта, а св. Димитрий – из г. Фессалоники (на территории современной Северной Греции).

Далее Л. Шервашидзе указывает, что по палеографическим чертам надписи на постаменте креста из Анхуа ближайшие параллели находят «в надписях времен католикоса Мелхиседека I, как, например, Свети-Цховели, Самтависи, Алаверди и, конечно, в <...> надписи на столбике из Шио-Мгвимского монастыря <...>». Следовательно, по словам названного исследователя, рассматриваемый памятник из Анхуа «могло отнести по надписи только к периоду первой половины (скорее, первой четверти) одиннадцатого века» [Шервашидзе, 1974, с. 184].

«Таким образом, – завершает Л. Шервашидзе, – палеографическое исследование надписей на памятнике подтверждает и уточняет датировку, определившуюся на основании стилистического анализа» [Шервашидзе, 1974, с. 185].

В 1980 г. в Тбилиси вышла работа Л. Г. Хрушковой «Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X вв.». В ней названный исследователь говорит и о памятниках скульптуры XI в. из Анхуа. Речь идет о плитах алтарной преграды со сценой Распятия Христа и изображением св. Георгия, а также о постаменте предалтарного креста. Правда, последнюю архитектурную деталь, как верно отмечает Е. Ю. Ендольцева (см. выше), Л.Г. Хрушкова ошибочно считает частью алтарной преграды [Хрушкова, 1980, с. 96].

Плиты алтарной преграды со сценой Распятия и изображением св. Георгия из Анхуа, на которых, как отмечает Л. Г. Хрушкова, наблюдается принцип широкого орнаментированного обрамления, сближают их с аналогичными памятниками из других областей Грузии (речь идет о территории Грузинской ССР. – *о Дорофей*). В частности, исследователь говорит о двух плитах из так называемой вороновской церкви в Цабале (Абхазия). Л. Г. Хрушкова, как отмечает Е. Ю. Ендольцева (см. выше), относит плиты алтарной преграды из Анхуа к XI в. без обоснования [Хрушкова, 1980, с. 96].

Что касается постамента предалтарного креста, Л.Г. Хрушкова отмечает, что мотив «перевязанных» колонок, который

имеется на архитектурной детали из Анхуа, характерен для византийских памятников. Чрезвычайно популярен он был и в Византии и в других странах региона. В Грузии же «“перевязанные” колонки встречаются только один раз – в с. Жибиани в Сванетии, в грубом исполнении» [Хрушкова, 1980, с. 96].

Обращает внимание Л.Г. Хрушкова и на надписи, сделанные на плите алтарной преграды из Анхуа со сценой Распятия Христа на греческом и картлийском языках.

«Сочетание греческой (для обозначения сюжета) и грузинских надписей (для действующих лиц) на плите с Распятием их Анухвы, – пишет названный исследователь, – тоже довольно редкая особенность, которая в грузинских памятниках известна лишь на алтарной преграде из Шио-Мгвиме (XI в.)» [Хрушкова, 1980, с. 96].

Заметим, что надписи на плите алтарной преграды со сценой Распятия Христа из Анхуа, сделанные на картлийском языке на самом деле не говорят нам о действующих лицах (за исключением надписи на табличке, расположенной на самом верху креста). Они так же, как и греческая надпись, сообщают нам о сюжете (см. выше).

В 2018 г. вышла небольшая работа Д. Чачхалиа о средневековой церкви Акуача в Анхуа [Чачхалиа, 2018]. Названный исследователь полагает, во-первых, что рассматриваемые нами архитектурные детали из Анхуа происходят из храма Акуача (или Куач-ныха, по версии названного автора). Во-вторых, относительно вопроса, кому посвящен храм, Д. Чачхалиа отмечает, что храм Акуача был освящен в честь св. великомученика Георгия Победоносца, хотя какие-либо исторические свидетельства этого в работе не приводятся, за исключением того, что ктитора, упомянутого в надписи на постаменте предалтарного креста из Анхуа, звали Георгий [Чачхалиа, 2018, с. 18–19, 23]. Далее Д. Чачхалиа заостряет внимание на рассмотрении двух плит алтарной преграды из Анхуа с рельефными изображениями св. Георгия, поражающего копьем императора Диоклетиана, и сценой Распятия Христа [Чачхалиа, 2018, с. 20–22].

В отношении надписей на греческом и картлийском языках на плите со сценой Распятия Христа названный исследо-

ватель отмечает, что в данном случае внимание специалиста привлекает не содержание надписей, а двуязычность.

«До конца X в., – поясняет названный исследователь, – в Абхазском царстве языком письменности был греческий, но с начала XI в., возможно, в связи с резким обострением отношений с Византией, Абхазия будто отказывается от употребления греческой грамоты и заменяет ее грамотой картлийской. В переходный период в стране употреблялись обе грамоты. Так случилось с подписями к фрескам в Лыхненском храме. Они исполнены на двух официальных (стоит уточнить, письменных. – о. Дорофей) языках Абхазского царства: на прежнем – греческом, и на новом – картлийском. Этот билингвизм мог возникнуть, как уже говорилось, на фоне военно-политического противостояния между Византийской империей и Абхазским царством в первой половине XI в. Потому греко-кардийские дублирующего свойства надписи можно рассматривать, в известной степени, как датирующий фактор. Но этот фактор не был универсальным и аксиоматичным. Бывали также исключения, как, например, греко-кардийские надписи к фрескам в Цаленджихе, относящиеся к концу XIV в.» [Чачхалиа, 2018, с. 22–23].

Говоря о датировке храма Акуача (автор датирует его XI в.), Д. Чачхалиа приводит несколько аналогий к архитектурным деталям из Анхуа. В частности, он отмечает, что по аналогии с кубовидным навершием с изображением процветшего креста, которое мы имеем на нижнем фрагменте постамента предалтарного креста из Анхуа, выполнен и крест у входа в Бедийский монастырь (Ткуарчальский район Республики Абхазия). Единственный аналог второго (верхнего) фрагмента того же постамента предалтарного креста, выполненный в виде «столбика из вертикальных каменных жгутов, перевязанных посередине узлом», был обнаружен в храме Лоо (совр. Краснодарский край РФ) и в настоящий момент выставлен в Сочинском музее.

«Места обнаружения обоих фрагментов находятся на расстоянии 110 км друг от друга, – продолжает исследователь. – Фрагмент, обнаруженный среди руин храма Лоу-ныха в пос.

Лоо, отличается от обломка из храма близ Нового Афона. Второй более тщательно обработан и, кажется, вытесан из более качественного известняка. Однако главным различием этих стилистически идентичных фрагментов является то, что каменный узел из Лоо короткий и затянут как бы более туго, чем узел такого же многожильного столба из пос. Акуача» [Чачхалиа, 2018, с. 25].

Говоря об обрамляющих орнаментах на плитах со сценой Распятия и изображением св. Георгия, Д. Чачхалиа отмечает, что «похожие по стилю плетенки встречаются в других местах Абхазского царства». В частности, в отношении плиты со сценой Распятия, где сюжет «вставлен как бы в рамку, декорированную кудрявым волнообразным узором», исследователь говорит, что «аналогичные орнаменты встречаются среди обломков Бедийского храма, в коллекции музея г. Сочи, в храме Баграта в Кутаисе, в тимпане западного входа в храм Патара-Они XI в., над входом в Малую церковь Ишхана, над порталом храма Никорцминда, в церкви Самтависи, на фризе храма Тхаба-Ерды в Ингушетии и на других памятниках зодчества» [Чачхалиа, 2018, с. 25–26].

«Можно сказать, – завершает Д. Чачхалиа, – что этот хрестоматийный орнамент и его вариации часто применялись при художественном оформлении церковных строений на всей обширной территории средневекового Абхазского государства» [Чачхалиа, 2018, с. 26].

Теперь перейдем к следующему важному вопросу: из какого храма в Анхуа происходят все вышерассмотренные архитектурные детали?

В настоящее время известно о наличии в границах исторической территории с. Анхуа (включая часть территории современного с. Приморское) шести средневековых христианских храмов:

1. Храм св. Георгия в пос. Агца [Дорофей Дбар, Сангулия, 2020, с. 329–332; Дорофей Дбар, Сангулия, 2022 (4), с. 445–446];
2. Храм в пос. Акуача [Чачхалиа, 2018];
3. Храм на горе Акуи [Дорофей Дбар, 2022 (3), с. 453–454];

4. Храмовый комплекс в пос. Бжилюа (советское наименование поселка – Веселовка);
5. Храм Аchanua (в настоящее время территориально относится к с. Приморское) [Кация, 1967, с. 72–77];
6. Храм Mсыгхуа (в настоящее время территориально относится к с. Приморское) [Кация, 1967, с. 65–72].

Как мы уже отмечали, на инвентарных карточках рассматриваемых церковных архитектурных деталей не указано, из какой именно церкви с. Анхуа вышеуказанные артефакты поступили в АГМ.

Впервые фото двух каменных плит со сценой Распятия Христа и изображением св. Георгия Победоносца, а также нижней части постамента предалтарного креста из Анхуа были опубликованы в 1899 г. в новом, значительно измененном и дополненном издании известной работы архимандрита Леонида (Кавелина) «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь», осуществленном иеросхимонахом Нифонтом (ил. 2, 3) [И. Н., 1899; Кащеев, 2018, с. 123]¹. Под всеми тремя фотоиллюстрациями с изображением этих артефактов из Анхуа, опубликованными в вышеуказанной книге, приведена следующая сопроводительная надпись: «Из развалин близ монастырского хутора, около селения Анухва» [И. Н., 1899, с. 140, 142, 148].

Следует обратить внимание на примечательную деталь: на фото, опубликованном в новом издании книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» (Москва, 1899 г.), видно, что расколотая на три части плита со сценой Распятия Христа из Анхуа сохраняла утерянный в наше время фрагмент из верхнего левого угла. Как мы уже отмечали, Р. Шмерлинг в опубликованной в 1962 г. книге «Малые формы в архитектуре средневековой Грузии» также приводит фото рассматриваемой плиты, и на нем видно, что и к этому времени плита по-прежнему сохраняла третий фрагмент [Шмерлинг, 1962, табл. 58, 1]. Кроме того, на фото плиты с изображением

¹ В книге «Искусство Абхазского царства VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, 2011) в качестве автора расширенного и дополненного издания работы архимандрита Леонида (Кавелина) 1899 г. указан Иван Никифоров [Искусство Абхазского царства, 2011, с. 258].

св. Георгия из Анхуа, опубликованном в том же новом издании книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» (Москва, 1899 г.), также видно, что она не была расколота на две части, как в наше время.

К сожалению, в вышеназванной книге архимандрита Леонида (Кавелина) не уточняется, о каких именно «развалинах» идет речь. При этом вышеприведенная сопроводительная надпись позволяет уверенно заявить, что все три архитектурные детали из Анхуа – плита со сценой Распятия Христа с надписью на греческом и картлийском языках, плита с изображением св. Георгия и нижняя часть постамента предалтарного креста с надписью на картлийском языке – действительно происходят из одной церкви.

Первоначально мы выдвинули предположение, что, вероятнее всего, под «развалинами» в сопроводительной надписи под всеми четырьмя фотографиями с изображениями рассматриваемых артефактов из Анхуа, опубликованных в новом издании книги архимандрита Леонида (Кавелина), речь идет о руинах храма Акуача в с. Анхуа [Дорофей Дбар, 2022 (2), с. 222–225].

В пользу данной гипотезы нас подтолкнули следующие аргументы:

1. Во всех изданиях работы архимандрита Леонида (Кавелина) сообщается о «развалинах» только одной древней церкви в Анхуа [Леонид Кавелин, 1885, с. 52–53; И. Н., 1899, с. 117–118 и др.]. В этих же изданиях впервые публикуется выполненная с фотографии С. Бохонова литография с видом вышеназванной церкви. Подпись под фотографией следующая: «Развалины храма в бывшем абхазском селении Ануха, в области Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря» [Леонид Кавелин, 1885, с. 112; И. Н., 1899, с. 150].

Внимательное изучение данной литографии не оставляет сомнений, что на ней изображен храм Акуача в с. Анхуа.

2. Относительно «монастырского хутора около селения Анухва», близ которого находились развалины, откуда, собственно, и происходили фрагменты алтарной преграды и постамент для креста, следует прояснить следующее. Архи-

мандрит Леонид (Кавелин), посещавший Ново-Афонский монастырь летом 1884 г., в книге «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» дал описание своего восхождения на Анакопийскую гору. По сообщению автора, от первой угловой башни Анакопийской крепости «разделенная дорога ведет к северу в глубь горной части монастырских владений, разделяясь на две ветви, из которых одна идет по течению упомянутого потока (р. Мысра или Мысра – о. Дорофей) к северо-восточному углу монастырского участка, к тому месту, где предполагается устроить единственный скит (речь идет о ските св. Иоанна Крестителя, в этом же районе находятся и руины храма св. Георгия. – о. Дорофей) <...>. Другая ветвь ведет через опустевшее в последнюю войну (имеется в виду Русско-турецкая война 1876–1877 гг. – о. Дорофей) абхазское селение Ануха (Анхуа; автор имеет в виду дорогу в сторону поселка Акуача. – о. Дорофей) с сохранившимися фруктовыми садами, мимо монастырской пасеки и живописного холма, на вершине которого, среди дикой растительности, виднеются развалины древнего храма. Эта дорога приводит к стоящему между горами в юго-восточном углу горной части монастырских владений монастырскому хутору» [Леонид Кавелин, 1885, с. 52–53; И. Н., 1899, с. 117–118].

Из только что приведенного сообщения следует, что «монастырский хутор» находился вблизи развалин храма Акуача.

З. В.И. Стражев (1879–1950) в работе «Руинная Абхазия», опубликованной в 1925 г., полагает, что вышеуказанные фрагменты алтарной преграды были найдены в развалинах храма, о котором сообщает архимандрит Леонид (Кавелин), т. е. церкви Акуача. Этот же автор писал, что «в ближайшем будущем» предполагалась их передача в Музей Абхазского научного общества (совр. АГМ) [Стражев, 1925, с. 147].

К сожалению, В. И. Стражев не уточняет, где именно в его время находились интересующие нас церковные архитектурные детали из Анхуа. Возможно, они уже могли находиться и в самом Ново-Афонском монастыре.

В этом отношении любопытно сообщение А.С. Башкирова (1885–1963). Говоря о храме св. апостола Симона Кананита

в Новом Афоне в работе «Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г.», данный автор сообщает: «Около храма обнаружены древние архитектурные орнаментальные фрагменты, сложенные в кучу. Они должны быть вывезены в Музей абхазского научного общества. (Ряд памятников с интересными рельефами композициями хранятся на большой монастырской колокольные)» [Башкиров, 1926, с. 52].

Как мы уже заметили, храм Акуача дошел до нас в лучшей сохранности, чем все остальные средневековые церкви в Анхуа. Его стены сохранились практически под самый свод постройки. Поэтому храм Акуача и сегодня и в XIX в. был хорошо обозреваем визуально. По этой причине о нем знали и монахи Ново-Афонского монастыря, и отдельные исследователи второй половины XIX и начала XX вв., описывавшие памятники культуры Нового Афона и его окрестностей. Другие средневековые храмы в Анхуа дошли до нас уже в руинированном состоянии. Их стены сохранились на высоту максимум до одного метра от уровня земли, к тому же, все они были спрятаны под дикой растительностью, проросшей вокруг них и даже внутри.

В 1961 г. был опубликован аннотированный список памятников культуры, взятых на учет по Абхазской АССР, составленный Вианором Пачулиа (1929–1988). В этом списке среди четырех указанных памятников культуры с. Анхуа сообщается и об одной церкви, которая была датирована нач. XI в. В примечании названный автор отмечает, что «архитектурные детали из алтарной преграды с надписями хранятся в Абхазском государственном музее» [Пачулиа, 1961, с. 14].

К сожалению, В. Пачулиа не дает уточняющей информации о месте локализации указанной в списке церкви. Поэтому определить, о каком именно из шести известных нам средневековых христианских храмов, располагавшихся на исторической территории с. Анхуа (с включением части территории с. Приморское), идет речь, однозначно сказать сложно.

С одной стороны, под церковью нач. XI в., указанной в аннотированном списке 1961 г., может подразумеваться наиболее известная к тому времени церковь Акуача. Она, как мы уже

отметили, сохранилась лучше, чем остальные средневековые храмы Анхуа.

С другой стороны, если сопоставить данные об исторических памятниках с. Анхуа, приведенные в вышерассмотренном нами аннотированном списке 1961 г., с теми, что приведены в последующей работе В. Пачулии «Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана» [Пачулиа, 1968, с. 67–68], то становится очевидно, что под церковью XI в. (откуда и происходят, по мнению названного автора, фрагменты алтарной преграды с надписями) имеются в виду руины храма св. Георгия в пос. Агца, а не храма Акуача, поскольку В. Пачулиа в вышеназванной работе под № 95 указывает церковь нач. XI в. в с. Анхуа, а под № 102 – церковь Акуача в с. Анхуа, относя ее к раннему средневековью. В приложении, где даны различные иллюстрации, В. Пачулиа приводит и план храма Акуача [Пачулиа, 1968, с. 147; рис. 11].

Однако, в ходе археологических раскопок руин храма св. Георгия в пос. Агца с. Анхуа в 2019 г. не было обнаружено каких-либо фрагментов архитектурных деталей, близких по стилю к известным уже нам архитектурным находкам из Анхуа [Дорофей Дбар, Сангулия, 2020, с. 329–332].

В других своих работах В. Пачулиа утверждал, что в конце XIX в. монахи Ново-Афонского монастыря вывезли из храма в Ахикуара (т. е. из храма в пос. Бжилюа или Веселовка) все архитектурные детали с надписями, которые были выставлены в АГМ [Пачалиа, 1962, ад. 80; Пачулиа, 1964, с. 37]. Откуда была взята данная информация, названный автор не уточняет.

Однако, в 2022–2023 гг. в ходе археологических раскопок руин храмового комплекса Бжилюа с. Анхуа были обнаружены три небольшие фрагменты архитектурных деталей. Они, судя по всему, также являются дополнительными фрагментами вышеуказанной алтарной преграды из Анхуа. Кроме того, в ходе указанных раскопок было обнаружено и основание постамента для предалтарного креста. Следовательно, версия происхождения церковных архитектурных деталей из коллекции АГМ из руин храмового комплекса Бжилюа, о которой писал В. Пачулиа, находит подтверждение. Разумеется, что для

окончательных выводов требуется завершение археологических раскопок на руинах храмового комплекса Бжилюа, а также проведение в дальнейшем раскопок церкви Акуача.

Литература

1. *Башкиров, 1926* – Башкиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. Сухум, 1926.
2. *Бгажба, 1956* – Бгажба Х. Некоторые вопросы этнографии и топонимики Абхазии. (В связи с работой Павле Ингороква «Георгий Мерчулеб») // Труды Абхазского института языка, литературы и истории, 27 (1956), с. 279–303.
3. *Бгажба, 1967* – Бгажба Х. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967.
4. *Бгажба, 1974* – Бгажба Х. О памятниках письменности в Абхазии / Бгажба Х. Этюды и исследования. Сухум: «Алашара», 1974. С. 66–76.
5. *Бронзов, 1913* – Бронзов А.А. Архимандрит Иерон, настоятель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря († 14 августа 1912 г.) // Христианское чтение, 1913, № 5, с. 630–649.
6. *Виноградов, Белецкий, 2015* – Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–Х вв. М.: «Индрикс», 2015.
7. *Воронов, 2002* – Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории, филологии и культуры, 12 (2002), с. 334–362.
8. *Воронов, 2016* – Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. 5. Сухум, 2016.
9. *Дорофей Дбар, 2019* – Дорофей (Дбар), архимандрит. Скит св. Иоанна Крестителя в с. Анхуа. – Н. Афон (Анакопия): Изд. СМА, 2019. (Храмы и монастыри Абхазии, 1).
10. *Дорофей Дбар, Сангулия, 2020* – Дорофей (Дбар), архимандрит, Сангулия Г. Средневековый храм св. Георгия в селе Анхуа: предварительные результаты археологических раскопок 2019 г. // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербент-

ской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. Отв. ред. М. С. Гаджиев. – Махачкала: Мавраевъ, 2020. – С. 329–332.

11. *Дорофей Дбар*, 2022 (1) – Дорофей (Дбар), архимандрит. Грузинская печать византийского типа XI века: происходят ли она из села Анхуа (Абхазия)? // Вестник Академии наук Абхазии (Серия: Гуманитарные науки), 12 (2022), с. 133–145.

12. *Дорофей Дбар*, 2022 (2) – Дорофей (Дбар), архимандрит. Греческая надпись из архитектурной детали из церкви с. Анхуа // Абхазоведение (Серия: Археология, история и этнология), 12 (2022), с. 220–231.

13. *Дорофей Дбар*, 2022 (3) – Дорофей (Дбар), архимандрит. Храм на горе Акуи // Абхазия. Краткая энциклопедия. Гл. ред. В. Авидзба. Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия». Т. 2. Сухум – СПб., 2022. – С. 453–454.

14. *Дорофей Дбар, Сангулия*, 2022 (4) – Дорофей (Дбар), архимандрит, Сангулия Г. Храм св. Георгия в Анхуа // Абхазия. Краткая энциклопедия. Гл. ред. В. Авидзба. Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия». Т. 2. Сухум – СПб., 2022. – С. 445–446.

15. *Дорофей Дбар*, 2023 – Дорофей (Дбар), архимандрит. Средневековая алтарная преграда из с. Анхуа: находка нового фрагмента. Доклад на Международной научной конференции «Кавказ и Причерноморье с эпохи древности до позднего средневековья в свете новых данных археологии и истории», посвященной 80-летию Ю. Н. Воронова. Сухум, 19–20 октября 2021 г. (Материалы конференции готовятся к печати).

16. *Ендольцева*, 2019 – Ендольцева Е.Ю. Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея (г. Сухум, Республика Абхазия) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного института (Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства), 33 (2019), с. 9–30

17. *Ендольцева*, 2020 – Ендольцева Е.Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). Отв. ред. А. Ю. Скаков. М.: ИВ РАН, 2020.

18. *И.Н.*, 1899 – Абхазия и в ней Ново-Афонский Симо-

но-Кананитский монастырь. Новое, значительно измененное и дополненное издание. Сост. И. Н. М., 1899.

19. Искусство Абхазского царства, 2011 – Искусство Абхазского царства VIII–XI вв. Христианские памятники Анакопийской крепости. А. Агумаа, Д.В. Белецкий, А.Ю. Виноградов, Е.Ю. Ендолъцева. Автор. предисл. О. Бгажба. СПб.: Изд. РХГА, 2011.

20. Леонид Кавелин, 1885 – Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Сост. А.Л. [Архимандрит Леонид]. М., 1885.

21. Кацая, 1967 – Кацая А. Памятники архитектуры в долине Цкуара // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 65–89.

22. Кащеев, 2018 – Кащеев А.А. История написания архимандритом Леонидом (Кавелиным) книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» // Русско-Византийский вестник, 1 (2018), с. 120–125.

23. Пачулиа, 1961 – Пачулиа В. Список памятников культуры, взятых на учет по Абхазской АССР. Сухум: «Абгосиздат», 1961.

24. Пачалиа, 1962 – Пачалиа В. Анхәа ақытантәи абақаңәа // Алашара, 6 (1962), ад. 78–80.

25. Пачулиа, 1964 – Пачулиа В. Новый Афон. Путеводитель. Тб., 1964.

26. Пачулиа, 1968 – Пачулиа В. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.: «Наука», 1968.

27. Стражев, 1925 – Стражев В.И. Руинная Абхазия // Известия Абхазского научного общества, 1 (1925), с. 131–167.

28. Хрущкова, 1980 – Хрущкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X вв. Тбилиси: «Мецниереба», 1980.

29. Чачхалиа, 2018 – Чачхалиа Д.К. Храм Куач-ныха близ Нового Афона (Абхазия). М.: АКВА-Абаза, 2018.

30. Чхайдзе, 2017 – Чхайдзе В. Грузинская печать византийского типа XI в. // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2017 г. Москва, 23 и 24 ноября 2017 г. Материалы докладов и сообщений памяти Т.Ю. Стукаловой (17.12.1958–16.01.2017). М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. 61–66.

31. Шервашидзе, 1974 – Шервашидзе Л. Столб из села Анухва // Труды абхазского государственного музея, 4 (1974), с. 176–185.
32. Шмерлинг, 1962 – Шмерлинг Р.О. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962.
33. *Glossar*, 1979 – A.A.F. Ἀβασγία, Ἀβασγοὶ, Ἀβασκός // *Glossar zur frühmittelalterlichen Geschichte im östlichen Europa*. Herausgegeben von Jadran Ferluga, Manfred Hellmann, Herbert Ludat. Redaktion Athanasios A. Fourlas, Anastasios A. Katsanakis. Serie B: Griechische Namen bis 1025. Lieferung 7: Ἀβαροί (Schluß) – Ἀγάθυντοι (Anfang). Franz Steiner Verlag GmbH Wiesbaden, 1979. S. 208–228.
34. Dadiani, Khundadze, Kvachadze, 2017 – Dadiani T., Khundadze T., Kvachadze E. Medieval Georgian Sculpture. Tbilisi: Cezanne, 2017.
35. Seibt, Jordanov, 2006 – Seibt W., Jordanov I. Στρατηγός Σωτηρούπολεως και Ανακούπης. Ein mittelbyzantinisches Kommando in Abchazien (11. Jh.) // Studies in Byzantine Sigillography, 9 (2006), s. 231–239.

Иллюстрации

1. Алтарная преграда из с. Анхуа. АГМ. 2018 г.
2. Плита алтарной преграды со сценой Распятия Христа и нижняя часть постамента предалтарного креста с надписями на греческом и картлийском (письмом асомтаврули) языках. Из книги: Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Сост. И. Н. М., 1899.
3. Плита алтарной преграды с изображением св. Георгия. Из книги: Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Сост. И. Н. М., 1899.

Изъ развалинъ близъ монастырскаго хутора, около селенія
Анухвѣ.

Изъ развалинъ близъ монастырскаго хутора, около селенія
Анухвѣ.

К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА КАЗАЗОВО 1. РАБОТА ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Могильник, получивший название Казазово 1, был раскопан во время исследования меотского Гатлукаевского городища № 2 осенью 1972 г. Оно проводилось в рамках охранных раскопок в связи со строительством Краснодарского водохранилища. В основную часть городища был впущен большой средневековый могильник, точнее, как оказалось, их было, по крайней мере, два – раннесредневековый, который был связан исследователями с болгарами хазарского времени (конец VII – начала X вв.), и адыгский, более поздний, изначально датированный X – началом XIII вв. [Тарабанов, 1983а. С. 149, 150; 1983б. С. 94, 95; 1988. С. 65]. Однако, по уточненным данным, стало очевидным, что датировка более многочисленной адыгской группы погребений рассматриваемого могильника укладывается в рамки второй половины XIII – XIV вв. Как оказалось, на могильнике обнаружено было и несколько более древних погребений эпохи раннего железного века [Схатум, 2013а. С. 94; 2013б. С. 532–538] и, возможно, одно – бронзового века.

С учетом большого числа погребений и масштабов раскопок, на исследование рассматриваемого городища и впущенных в него погребений, были собраны археологи со всего Краснодарского края и Адыгейской АО (ныне Республика Адыгея): уже опытные на тот момент П.А. Дитлер, М.К. Тешев и другие специалисты, а также еще молодые тогда студенты КубГУ В.А. Тарабанов, Е.А. Хачатурова. В непосредственном исследовании памятника приняла участие и известный антрополог М.М. Герасимова. Экспедиция была возглавлена «дедушкой кубанской археологии» Н.В. Анфимовым.

К материалам рассматриваемого могильника я обратился спустя почти 30 лет после завершения раскопок (2000–

2001 гг.). Уже тогда было известно, что нет отчета, а полевые материалы по большей части были утеряны. Однако в те годы было, безусловно, положительным то, что многие участники раскопок были еще живы¹, и с некоторыми из них мне удалось поговорить в том числе и о раскопках Казазово 1².

Промежуточные результаты моей многолетней работы с материалом могильника Казазово 1³ нашли отражение в ряде работ [Схатум, 2003; 2013а; 2013б; 2016]. Необходимо отметить, что в статьях по щитам и расположению сабель в погребениях у адыгов, рассматривались предметы вооружения не только из могильника Казазово 1, но и из другого крупного некрополя близкого ему по времени – Убинского могильника [Схатум, 2003; 2016]. Однако именно материалы могильника Казазово 1 легли в основу анализа расположения сабель в погребениях адыгских воинов эпохи средневековья, а также дали наиболее многочисленную доступную мне выборку по щитам. Более того, в последующие годы, в ходе дальнейшего исследования материалов, выявилось еще несколько десятков захоронений с саблями, что позволило дополнить и частично уточнить приведенную в 2016 г. статистику. Между тем, работы 2013 г. посвящены анализу погребального обряда и инвентаря, в ходе которого были выявлены погребения не только двух основных групп, так называемой болгарской (конец VII – начала X вв.) и адыгской (второй половина XIII–XIV вв.), но и более ранние комплексы, относящиеся к меотской археологической позднеантичного периода.

Можно предположить причины, почему В.А. Тарабанов в свое время не ввел в научный оборот материалы могильника

¹ К сожалению, за последние десятилетия ушли многие из тех, кто в том году участвовал в этом эпохальном для средневековой археологии Северо-Западного Кавказа событии: М.К. Тешев (1987), П.А. Дитлер (1995), Н.В. Анфимов (1998), В.А. Тарабанов (2006), И.Н. Анфимов (2020), Е.А. Хачатурова (2022).

² Например, с В.А. Тарабановым, Е.А. Хачатуровой.

³ Впервые, с материалами могильника Казазово 1 я стал работать более 20 лет назад, с 2001 г., когда благодаря сотруднику отдела археологии КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына А.В. Пьянкову удалось ознакомиться, измерить и зарисовать детали нескольких щитов из адыгских погребений, как оказалось, второй половины XIII–XIV вв. [Схатум, 2003], а также познакомиться предварительно и с остальным материалом.

Казазово 1. Во-первых, исследователь работал в эпоху, когда господствовал метод не детального, а больше обобщающего подхода написания научных работ, в которых была обычной «выжимка» из материалов раскопок. Подробное описание по комплексам, скорее всего, изначально не предполагалось. Такую обобщающую характеристику мы и видим в его статье, посвященной ранней, так называемой болгарской группе могильника [Тарабанов, 1983а. С. 148–155]. Он готовил подобного рода работу и по поздней (адыгской) группе погребений, однако, по определенным причинам она так и не была им опубликована. Во-вторых, Владимир Александрович так и не освоил работу на компьютере¹, который, все же мог значительно облегчить работу с многочисленным материалом, представленным в Казазово 1. В-третьих, сказывалось отсутствие отчета. Этот факт действительно сильно осложнил работу по подготовке данного издания материалов. В-четвертых, в ходе исследования я столкнулся с тем же, что, вероятно, и до меня Владимир Александрович – с некоторой путаницей при сопоставлении данных из дневников и описи предметов. Следует отметить также, что опись писали спустя не менее 5–6 лет после самих раскопок (к декабрю 1972 г.), а сам материал был сдан лишь в декабре 1979 г. – через 7 лет после завершения раскопок. Возможно, что в написании участвовали молодые лаборанты, однако точно известно, что происходило это под присмотром В.А. Тарабанова. Более того, среди доступного мне материала выявились ошибки при фиксации комплексов во время раскопок. Например, в некоторых секторах могильника выявлены погребения под одним и тем же номером, которые приходилось вычислять, сопоставляя с другими известными данными. Все это, так или иначе, не придавало оптимизма в исследовании материалов могильника, и это притом, что В.А. Тарабанов непосредственно участвовал в его раскопках и был своего рода во многом очевидцем и знал несравненно больше, чем мы сегодня.

¹ Например, примерно года за 1,5 до смерти в декабре 2006 г., Владимир Александрович давал мне набранную на печатной машинке свою статью по шлемам из фондов КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына, чтобы я перевел ее на компьютере в электронную версию и дополнил ее, чтобы издать совместно, так как сам, к сожалению, он не мог этого сделать.

Полагаю, эти факторы были одними из основных, которые помешали введению в полновесный научный оборот археологического материала с Казазово 1. Даже, если бы В.А. Тарабанов опубликовал свою работу и по адыгам в виде обобщающего исследования с более точными цифрами о количестве захоронений, категориях погребального инвентаря, предметов быта, вооружения и т.д. этого все равно оказалось бы недостаточно. Однако последнее, так или иначе, помогло бы сейчас в работе уже над более основательной публикацией материалов.

К сожалению, следует признать, что, несмотря на большие масштабы раскопок и объем полученного материала, исследования проводились с определенными нарушениями, из-за чего значительная часть погребений была разрушена не природой, а человеком, точнее раскопочной техникой (скреперами). Об этом свидетельствуют упоминания при описании тех или иных погребений о том, что скрепером срезаны сосуды, кости, вынесены сабли и другие предметы. Десятки последних, в итоге, записаны в подъемный материал без привязки к конкретным погребениям. В то же время, туда попали предметы и из комплексов, зафиксированных при раскопках. На сегодняшний день, значительную их часть мне удалось установить.

Однако здесь стоит высказаться в защиту тех, кто копал этот могильник. Необходимо иметь в виду, что ситуация была что называется «из ряда вон». Первоначально, по подсчетам Н.В. Анфимова, работы на городище должны были продлиться не более месяца (2–3 недели), а растянулись практически на всю осень и начало зимы, то есть около 3-х месяцев. Дело в том, что археологи столкнулись с большим «сюрпризом» в прямом смысле этого слова – почти с тысячью погребений, которые появлялись на большой площади, и их необходимо было исследовать в очень сжатые сроки: всего около 3 месяцев для около 900 погребений [Автобиографические записки..., 2010, с. 61]. Из-за небывалых объемов археологических работ были собраны археологи со всего Краснодарского края и Адыгейской АО (П.А. Дитлер, М.К. Тешев, И.Н. Анфимов и др.) во главе с Н.В. Анфимовым, а также студенты КубГУ. Экспедиционный

«городок» насчитывал около 20 палаток, в котором жило и работало, общей сложности, в период пика (сентябрь) более 100 человек. Как рассказывали участники раскопок, работа велась в авральном режиме. Вот как описывал это в своей автобиографии сам Н.В. Анфимов: «За три месяца было исследовано 900 погребений. В сентябре на раскопки были направлены студенты 1, 2 курсов истфака КГУ (вместо сельхозработ). Жили в палатках, работали даже ночью, при свете фонарей “летучая мышь” и свете тракторов производили черновую зачистку погребений» [Автобиографические записки..., 2010, с. 61].

На мой взгляд, мы должны быть признательны этим людям, благодаря работе которых до нас дошли материалы, которые могли полностью сгинуть в водах Краснодарского водохранилища и/или под ковшами землеройной техники. Вероятно, все же какая-то часть так и не была раскопана и в итоге была затоплена, но огромный объем материалов все же удалось сохранить, пусть и не в надлежащем виде, но все же сохранить.

В 2001–2002 гг. мной были исследованы и частично зарисованы и опубликованы 7 щитов из могильника Казазово 1. За 2010–2012 гг. мной были измерены в фондах сабли из этого памятника в количестве более 120 экземпляров, а также 11 ед. – хазарского времени. В ходе подготовки одной из выставок в музее были измерены предметы из хорошо известного в научном мире п. 106 «З» (шлем, кольчуга, сабля, наконечник пики, фляга, конское снаряжение и т.д.). Опись из-за текущей работы мне пришлось переводить в электронный вид с перерывами с 2016 по 2021 гг., параллельно изучая также сам материал в фондах музея. С 2014 по 2021 гг. мной были переведены в электронный вид доступные мне полевые дневники. Постепенно комплексы были систематизированы в соответствии с идущей нумерацией.

Однако, несмотря на проделанный мной огромный объем работ, все же приходится констатировать, что мне не удалось собрать 100% весь материал.

По предварительным подсчетам, работа со всей доступной мне информацией позволила восстановить информацию

о более чем 800 из около 900 захоронений: все адыгские, и большую часть так называемых болгарских комплексов. В дальнейшем данные подсчеты могут быть частично откорректированы.

Литература

1. Автобиографические записки Н.В. Анфимова // Прошлое Кубани. Из наследия Н.В. Анфимова. Краснодар, 2010.
2. Схатум Р.Б. Щит в комплексе вооружения племен Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2003. Вып. 3.
3. Схатум Р.Б. К вопросу о хронологии средневекового могильника Казазово 1 // Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 30–31 мая 2012 г.). Краснодар, 2013а.
4. Схатум Р.Б. Ранние погребения на средневековом могильнике Казазово 1 // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб., 2013б.
5. Схатум Р.Б. К вопросу о расположении сабель в воинских погребениях средневековых адыгов // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности в средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2016 г.). – Краснодар: ИП Смородин, 2016.
6. Тарабанов В.А. Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография: традиция и современность. Л., 1983а. Вып II.
7. Тарабанов В.А. Этническая принадлежность ранней группы погребений Казазовского могильника // Проблемы

хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1983б.

8. Тарабанов В.А. Исследования средневековых памятников в районе аула Казазова Адыгейской автономной области в 1986 г. // XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1988.

ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ВИНОГРАДАРСТВА И ВИНОДЕЛИЯ В АБХАЗИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

В ряду сельскохозяйственных отраслей Абхазии виноградарство всегда занимало важное место. Этому благоприятствовали природные условия страны: влажный субтропический климат, разнообразный рельеф, различная высота над уровнем моря, пестрота почвы и др.

О древности появления винограда в Абхазии свидетельствуют богатые археологический, фольклорно-языковой, этнографический материалы, а также письменные источники.

Факт произрастания винограда на территории Абхазии с древнейших времен подтверждается и данными палеоботаников Сухумского ботанического сада проф. А.А. Колаковского (1958) и Л.П. Рухадзе (1964). При проведении раскопок у реки Дуаб (Дәаб – приток Моквы) Колаковским и другими учеными были найдены семена дикого и других видов винограда, относящихся к третичному периоду (не ранее 3 млн лет).¹ В 1964 году Рухадзе и другие ученые, исследуя собранные археологом Соловьевым, остатки погребенного торфа на территории Сухума, обнаружили семена настоящего винограда и лесного винограда, которые датируются 3–5-м тысячелетиями² (рис. 1).

О существовании дикого сорта винограда писал А.В. Васильев в работе Дикорастущие плодовые и древесные породы Абхазии, он приводит сорта дикого винограда атыс-жыры, т. е. птичий виноград, ягоды очень мелкие и сладкие, с грубой кожицей, с незначительным количеством мякоти. Другой сорт дикого винограда, который упоминает А.В. Васильев ахәыхә-

¹ А.А. Колаковский. Плиоценовая флора Дуаба. Труды Сухумского ботанического сада, вып. IX, Сухуми. 1956.

² Л.П. Рухадзе и Б.Л. Соловьев. Труды Сухумского Ботанического сада вып. XV, изд. «Мецниереба» Академии наук Грузинской ССР. Сухуми – 1964 г. Голоценовая флора погребенных торфяников Сухуми. таб. III, фиг. 4–5. Таб.III, фиг. 7–8.

Рис. 1

жъы, т. е. голубиный виноград. Ягоды мелкие, сладкие, мякоти мало, кожица сравнительно жесткая.¹

Фольклорные же источники появление винограда на территории Абхазии относят ко времени еще глубокой древности, связывая его с именем легендарного племени нартов. Согласно сказанию, именно нартский спор о том, кому владеть виноградом и громадным всенартским винным кувшином, послужил одной из причин раздоров и распада нартского братства. Сасрыкуа, один из могучих нартов, во время спора сильно разозлился и закинул кувшин через хребет в Абхазию. «Великий кувшин» «Фазамакъа», упав на землю, разбился вдребезги, а оставшиеся на дне виноградные косточки рассыпались по земле абхазов, и выросли из них виноградные лозы, которые абхазы стали называть нартскими. Так в Абхазии стала процветать виноградная культура. По другой легенде, считалось, что самое лучшее вино в мире было то, которое изготавливалось из нартских лоз.

Виноградную лозу абхазы относили к разряду священных растений, так, например у Е.М. Шиллинга в работе «Абхазы» отмечается, что «при желудочных заболеваниях, в целях скорейшего исцеления больного обращались к божеству, ведающими этими болезнями, и давали обет, по выздоровлении со-

¹ А.В. Васильев. Дикорастущие плодовые и древесные породы Абхазии, Сухуми. Изд. ИАК АН СССР, 1938 г., стр. 135-137.

вершить жертвоприношение. В состав залога, гарантирующего исполнение этого обета входил круг, сплетенный из виноградной лозы, который трижды обносился вокруг головы больного и затем прятали в винном погребе. Аналогичный материал об использовании виноградной лозы в качестве залога записан Л.Х. Акаба в Абжуйской Абхазии в фамилии рода Шамба. В случае заболевания кого-либо головной болью нужно было совершить фамильное моление. До этого хозяином давался залог, сопровождавший сворачиванием лозы белого винограда. После дачи обета, свернутая лоза вешалась внутри дома на стене. После этого, когда появлялась возможность, делали жертвоприношение.¹

Член Кавказского общества И. Клинген назвал царем лиан виноград отличающейся мощью, силою, диаметром и долговечностью.

Авторы древних источников упоминали о вывозе вина, как из областей Причерноморья, так и из Абхазии.

О виноградарстве и виноделии у абхазов писали и многие авторы XIX в. Так, в начале XIX в. С. Броневский отмечал, что в «полуденной Абхазии делают также виноградное вино».²

В 1829 г. Г. Навицкий в своих работах об убыхах и абхазах писал, что «количество произрастающего винограда у народов сих в таком избытке, что они никогда не успевают собрать его», а вино, делаемое ими, «хорошего вкуса».³

В 30-х гг. XIX века Фр. Дюбуа отметил то же самое, что у абхазов вино «хорошего вкуса». К тому же времени относятся высказывания Торнау о виноградарстве в Абхазии: «от винограда, растущего в изобилии на этих лозах, получается очень порядочное вино».

Н. Альбов в своей работе «Состояние садоводства в Абхазии» отмечал, что «Абхазия славилась своими винами... И теперь еще в некоторых селениях (Аацы, Дурипш, Ачандара)

¹ Л.Х. Акаба. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Издательство «Алашара», Сухуми, 1984 г., стр. 65 – 66.

² С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, ч. 1. Стр. 326.

³ Г. Навицкий. Географическо-статистическое обозрение земли, заселенной народом «адехе». «Тифлисские ведомости», 1829, №24.

выделяют превосходные вина с сильным букетом, главным образом из следующих сортов винограда (я даю местные названия), амлаху (розовый виноград с продолговатыми ягодами, одна сторона которого янтарного цвета, другая немного темнее), качич (темно-красный сорт с овально-кругловатыми ягодами) и ауасархуаж (белый сорт с круглыми ягодами)¹.

Такое описание абхазским сортам винограда дает Н. Ефремов: «Виноградная лоза, как это наблюдается и теперь в селах Абхазии, пускалась на высокие деревья и почти не требовала от винограда никакого ухода, - изредка лишь укорачивались очень длинные побеги, удалялась сушь. В остальном предоставлялось лозе идти на волю Божью. С виноградных лоз, пущенных на деревья, получался почти постоянно богатый урожай, причем и вина получались из местных сортов прекрасного качества»(12) (Н. Ефремов. Несколько слов...ЧСХ. 1910. №12, с.445.)

О древности культуры виноградарства и как следствие виноделия и винопития у абхазов подтверждают и немалые археологические находки.

В Эрмитаже хранятся бронзовый ритон и статуэтка винопийца из Бомборской поляны Гудаутского района Абхазии, которые археологи относят к периоду раннего железа конец I тыс. до н. э.

Рог, из которого пьет нагой мужчина, восседая на своеобразном кресле, по-видимому, имеет генетическую связь с существующей в Абхазии и в настоящее время традицией – в почете пить вино из рога (апатхь).²

В качестве винной посуды у абхазов в эпоху поздней бронзы были небольшие кувшины, посуда типа пифосов, разнообразные кружки с ручками, бокальчики. Во время религиозных праздников и молений, возможно, использовались ритуальные культовые сосуды.

При археологических раскопках на территории крепости Диоскурия – Себастополис (Сухум) археологами на глубине 3,5 м было обнаружено много осколков амфор и винных чаш.

¹ Н. Альбов. Состояние садоводства в Абхазии. Одесса, 1892. С. 18–19.

² А.Л. Лукин. Археология Бзыбской Абхазии. С. 71.

В этом же слое найдены виноградные косточки, которые принадлежат (по определению проф. Рамишвили) древнейшему сорту абхазского винограда – качич (III–II вв. до н. э.).

В замке Баграта, Анакопийской крепости и у Келасурской стены были найдены пифосы для хранения вина, датируемые VI–XII вв., а также большое количество обломков кувшинов,

пифосов, датируемых V–IV вв. до н. э. были найдены на Сухумской горе. Амфоры, найденные на Сухумской горе, подтверждают, что 2500–2600 лет тому назад употребляли винные кувшины в качестве пифосов.

В фондах Абхазского государственного музея хранятся, а также представлены в экспозиции археологические находки, говорящие о древности виноградарства и виноделия у абхазов. Среди них разнообразная керамическая посуда: амфоры, пифосы, кружки с ручками, бокалы, а также предметы из бронзы, ритуальные сосуды и др.

В I–Х вв. в Абхазии земледелие находилось на высоком уровне, что подтверждает наличие большого количества тарной посуды из Пицунды, Сухума, Цебельды и Дранды. Виноградные ножи, цалды и другие хозяйствственные орудия являются доказательством существования виноградарства и виноделия у абхазов.

Виноградники с древних времен занимают основную часть усадьбы абхаза. Некоторые абхазы специально выращивали огороженные рощицы ольховых и других садовых деревьев на своих участках для виноградников под названием «акәтца». Также сажались виноградные саженцы у деревьев, в беспорядке разбросанных по усадьбе, нередко и за ее пределы.

лами. Очень часто в лесу пастухи и охотники встречали виноградные лозы, свободно вьющиеся по деревьям.

Тот виноград, который вызрел на дереве, как правило, обладает высокими вкусовыми качествами и необычайным ароматом, ибо на той высоте практически нет тени, свободен доступ солнечным лучам и потому созревание идет гораздо эффективнее. Еще задолго до наступления весны, или, как говорят абхазы, до наполнения ствола и ветвей лозы влагой (азахәа азы алалаанза) специальным виноградным ножом и цалдой их освобождают от сухих и лишних веток. Одновременно корень лозы удобряют навозом. Виноград обычно собирают в октябре-ноябре, иногда и в декабре.

Абхазы считают, что наилучшие вина получаются от винограда, собранного с наступлением холодов, уже после выпадения первого снега. Член Кавказского общества И. Клинген писал: «Нередки случаи созревания лучших сортов винограда в январе. Порою внизу сверкает снег, а наверху зреют грозди, благодаря сухой, теплой солнечной осени, характерной для здешних предгорий»¹.

Однако перед началом сбора винограда абхазы проводили обряд моления дереву – атла-ныңәа (моление дереву), дабы оградить сборщика от возможного падения с дерева. Так, мальчиков и взрослых, которые должны были приступить

¹ И. Клинген. О восстановлении виноградников на восточном берегу Черного моря. КСХ, 1894, № 7.

к сбору винограда, подводили к дереву и молились духу дерева, чтобы он предохранил от падения. При этом тот, о чьем благополучии молились, ставил одну ногу на дерево. Моление, чаще всего, совершали мать или бабушка молодого человека.

В своей молитве женщина просила дух дерева: «Пусть, когда возьмется за сухую ветку, она станет крепкой» и т. п.¹

Сборщик винограда срывают кисти винограда, и укладывает в конусообразную с острым концом корзину (амцышә), сплетенную из прутьев орешника или других твердых древесных пород. К ручке прикреплен крючок, который позволяет вешать корзину на ветку; имеется также длинная веревка, по которой спускается и поднимается корзина, а внизу второй человек подхватывает и пересыпает виноград в более крупную цилиндрическую и сплетенную из тех же материалов корзину (акалат). Собранный виноград доставляют в специальное помещение с необходимыми средствами виноделия. В помещении приступают к выжиманию виноградного сока.

В развитии же способа выжимания виноградного сока у абхазов можно наметить несколько периодов, и один из древних способов получения вина, относящиеся к XI–XII вв. был найден и описан в 1975 г. известным абхазским археологом М.М. Трапш.

«В юго-западном конце Бедийского плато, близ участка Х. Цаава, влево от тропы, идущей от Патрахузской дороги к Бедийскому храму, в выходах мягких песчанистых скал, возле западного обрыва выдолблен в скале давильня для вина. Размеры давильни внутри 5,84x1,35 м., глубина у восточного края 1,08 м., в середине 0,52, у слива 0,2 м. Вдоль всего дна посередине продолблен желоб шириной 15 см и до 5 см глубины (у края), кончающийся соскообразным сливом, выступающим на 6 см. Ниже слива на 50 см ровная каменная плита. Отсюда к западу в 5 м в обрыве скалы выемка в виде помещения, очевидно, для вина, на площади которого в 5 м от слива в земле расположены обломки керамики от пифоса. Корыто давильни внутри было отштукатурено известью с толченым кирпичом. На юг от давильни ровно отесанный обрыв, идущий

¹ Пол. материал, с. Ачандара, Царгуш Ф. 2001.

к востоку, вдоль которого, видимо, шла дорога. Кругом много керамики, среди которой найден фрагмент с желтой поливой»¹. (рис. 11).

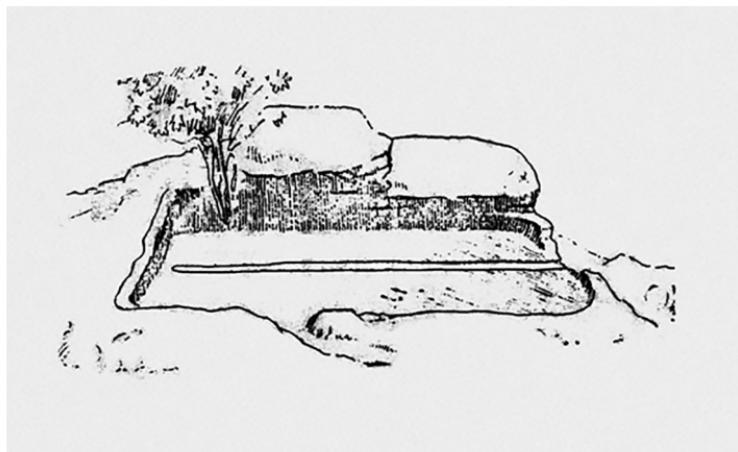

Рис. 11

Описание другого древнего способа получения виноградного сока, сохранившийся до второй половины XIX в., мы встречаем у Ф.Ф. Торнау в его воспоминаниях 1864 года: «От винограда, растущего в изобилии на этих лозах, получается очень порядочное вино, добываемое самым первобытным способом. Жители делают для этого яму в земле, обкладывают ее глиною и потом обжигают, сколько нужно, разложив в ней огонь. Вытоптав виноград ногами в этой яме, из нее вычерпывают вино, когда сок перебродит, и хранят его в глиняных кувшинах, зарытых в земле»².

Французский писатель Жан Кэрол – литературный псевдоним Габриэля Лаффаля, во время путешествия по Кавказу в 1894 г. оставил свои воспоминания об Абхазии. «...В этой стране, где по библейскому преданию, была посажена первая виноградная лоза, они сохранили древний обычай хранить

¹ М.М. Трапш. Труды. Том 4. Материалы средневековой Абхазии. Сухум: «Алашара», 1975. С. 193–194.

² Ф.Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. Ч. 1, с. 37.

вино в глиняных сосудах, которые полностью закапываются в землю и сохраняют напиток прохладным.

Эти сосуды имеют вытянутую на конце форму и снабжены двумя ручками, и очень напоминают древнюю амфору. Абхазские женщины с амфорами похожи на изображения античных барельефов. Слуги расставляют горшки перед кладовой с вином. Вино будут наливать в последний момент, чтобы оно сохранило прохладу. Посреди двора расставлены столы, окружающие старинный пресс. Как утверждает хозяин дома, на этом прессе только что раздавили сотый урожай.

Я восхищаюсь почтенным устройством, шедевром наивной механики и пытаюсь сделать его чертеж. К сожалению, я не могу описать его подробно из-за незнания столярных терминов. Я попробую, но, знатоки, простите меня!

Итак, чаша кубической формы прикреплена к сухому стволу дерева, покоясь на фундаменте, образованном выступом этого же ствола. Именно там образуется сок, выжатый из винограда. Деревянная балка, служащая шатуном, выходит из отверстия ствола, проходит над чашей, и встречается со своей второй точкой опоры – рогаткой, которая удерживает ее в горизонтальном положении. При движении пресса конец балки просовывают в отверстие длинного, идеально цилиндрического винта, расположенного перпендикулярно ей. Вращаясь то в одну, то в другую сторону, винт приводит в движение шатун, к которому, как можно предположить, внутри чаши подвешен сам поршень. Такие простые механизмы могут служить столетиями! Но самое интересное в этом устройстве то, как его приводят в движение. Поворотный винт нижним концом упирается в плетеную корзину, заполненную камнями.

Трех пар рук достаточно, чтобы, держась за края корзины, повернуть ось винта и вот – чудо! Пресс работает!

Я видел много рисунков старинных прессов в галерее живописи, но ни у одного из них не было такого архаичного устройства, как у этого. Судя по всему, абхазская модель датируется эпохой Ноя, так как виноградарство здесь ничуть не продвинулось со времен библейского патриарха.

Как и в глубокой древности, виноградная лоза в Абхазии растет свободно, обвивая стволы вязов и дубов, стремясь по-

весить лучшие свои гроздья на самой вершине этих могучих деревьев. Сбор винограда представляет собой элементы воздушной акробатики.

В Тифлисском музее можно увидеть экспонат, занесенный в каталог как «абхазская корзина для сбора винограда», его возраст насчитывает несколько веков. Так вот, современные корзины точно такие же. Они имеют конусовидную форму и управляются с помощью веревки, на которой они поднимаются вверх пустыми и возвращаются груженными, маневрируя между сборщиком, сидящим на дереве и женщинами внизу...».

В дальнейшем для той же цели использовали объемистое корыто, выдолбленное из гигантского цельного ствола дерева липы. В более позднее время появилась прессовальная машина, винт которой приводился в движение при помощи ручного вращения. Во второй половине XIX в. было зафиксировано учеными свыше 60 сортов абхазского винограда.

Но в период господства Турции и махаджирства (насильственного выселения абхазов в Турцию) многие виноградные рощи оказались брошенными, и виноградарство в Абхазии пришло в упадок. Впоследствии брошенными виноградниками пользовались уже новые поселенцы, называя их «божьим даром». Так охарактеризовал виноградники Абхазии в 1852 г. С. Пушкин: «Ни в Крыму, где разведение виноградников при покровительстве и усилиях главного начальника края приняло уже европейский образ обработки, ни в Грузии, где оно при той же попечительности того же лица в последнее время только что начало выходить из небрежения, нет ничего подобного виноградникам Абхазии.

Здесь на почве не обработанной, можно сказать, девственной, но чрезвычайно плодородной и заключающей все условия для хорошего произрастания винограда, обыкновенно каждый куст виноградной лозы находится при каком либо из вековых деревьев; как нежное дитя около любимой матери, виноградная лоза обвивается вокруг него, смело распространяя ветви до самой вершины своей надежной подпоры и убирая их каждую осень полновесными гроздями. Очень много столетних виноградных кустов, возвышающих вершину свою

на три и более саженей от основания и распространяющих ветви на три и более сажени в диаметр окружности. Такие лозы, по показанию сведущих людей, приносят ежегодно не менее 50 пудов вкусного винограда»¹.

Абхазы с большим почтением относились как к виноградной лозе, так и к вину, что выражалось в его использовании при проведении религиозных обрядов и молений, воспринимали его как силу, освящающую объекты жертвоприношений, как средство умилостивления божеств или родовых покровителей. Вино и ныне является необходимым напитком в большинстве ритуалов жертвоприношения.

Почти у каждого крестьянина имелись зарытые в землю (и в настоящее время у многих абхазов сохраняется такой обычай) по несколько неприкосновенных кувшинов с вином, предназначенных для ежегодного моления на таких святилищах, как, например, Дыдырпшь-ныха, Илыр-ныха, Инал-Куба, Лдзаа-ныха и др. Ныне вино используют при молении «Ацу-ныҳә», «Адәныҝа», «Ажырынныҳә», «Хахъ иҝоу» и другие виды моления.

Вино использовали и во время моления, посвященного окончанию постройки дома, для счастливой и благополучной жизни в новом доме. Моление устраивалось в честь владычицы земли.

Молельщик (-ца), завершая любой обряд моления, отламывает по кусочку от пирога, сердца и печени жертвенного животного и произносит: «Соберу всех Ачба и Чачба, и пока их всех не накормлю этой пищею и не напою глотком вина, пусть никакая болезнь, никакое несчастье не постигнет членов этого дома» – и, полив несколько капель вина на кусок пирога, сердце и печень, кладет их в то место, выделенное для моления. Затем сначала сам съедает немного сердца и печени и пьет вино, потом подает всем по старшинству.

Вино у абхазов было и одним из важнейших объектов торговли.

Абхазы всегда славились своим гостеприимством, и обязательный первый тост у абхазов – «Анцәа, ул҃ха ҳат!» – «Все-

¹ С. Пушкин. С виноградниках и виноделии в Абхазии. Газ. «Кавказ», 1852, № 27.

вышний, одари нас божьей милостью!», при этом все встают. Второй тост произносится за те высшие силы, которые покрывают священной земле Апсны, оберегают и благословляют эту благодатную землю. В селах, где есть святые места или святыни, этот тост произносится за эти святые места, причем все это произносит обязательно стоя. Третий, а иногда и второй, произносят «За все народы мира».

Литература

1. Колаковский А.А. Плиоценовая флора Дуаба. Труды Сухумского ботанического сада, вып. IX, Сухуми, 1956.
2. Рухадзе Л.П. и Соловьев Б.Л. Голоценовая флора погребенных торфянников Сухуми. Таб. III, фиг. 4–5, 7–8. Труды Сухумского Ботанического сада. Вып. XV. Тбилиси: Мецниереба, 1964.
3. Васильев А.В. Дикорастущие плодовые и древесные породы Абхазии, Сухуми, 1938 г. Изд. ИАК АН СССР. С. 135–137.
Акаба Л.Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Издательство Сухуми: Алашара», 1984. С. 65–66.
4. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, ч. 1. С. 326.
5. Навицкий Г. Географическо–статистическое обозрение земли, заселенной народом «адехе». «Тифлисские ведомости», 1829, №24.
6. Альбов Н. Состояние садоводства в Абхазии. Одесса, 1892. С. 18–19.
7. Лукин А.Л. Археология Бзыбской Абхазии. С. 71.
8. Клинген И. О восстановлении виноградников на восточном берегу Черного моря. КСХ, 1894, № 7.
9. Полевой материал, с. Ачандара, Царгуш Ф. 2001 г.
10. Трапш М.М. Труды. Том 4. Материалы средневековой Абхазии. Сухуми: Алашара, 1975. С. 193–194.
11. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. Ч. 1. С. 37.
12. Жан Кэрол. Русская колонизация: две дороги. Издательские решения 2022. Марина Спасенова, перевод, 2022. С. 213–218.
13. Пушкирев С. О виноградниках и виноделии в Абхазии. Газ. «Кавказ», 1852, № 27.

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ МЕЧИ С МЕТАЛЛИЧЕСКИМИ НАКЛАДКАМИ ИЗ АБХАЗИИ

История меча в современном понимании этого слова восходит ко времени освоения человеком металла, но массовое распространение данный вид оружия получает только с эпохи бронзы, а наибольшую популярность приобретает с открытием железа. С тех пор форма и размеры меча претерпевают многочисленные изменения. С развитием металлургии железа качество колюще-рубящего и режущего оружия значительно повышается. У одних народов и целых империй меч становится неотъемлемой частью вооружения, у других – возводится в культ. На территории современной Абхазии в период II–VII вв. меч получает широкое распространение и зачастую связывается исследователями с социальным статусом мужчины-воина.

Отдельного внимания заслуживает серия мечей с металлическими накладками, обрамляющими основание клинка и образующими что-то вроде уплощенного стакана. В Абхазии известно четыре таких экземпляра: могильник Абгыдзраху, погребение 12 III–IV вв. (Рис. 1, 1) (Трапш 1971: 35, табл. VI, 15); погребение на участке В. Смыр в с. Анухва I–IV вв. (Рис. 1, 2) (Гунба 1978: 77, табл. XLVII, 3; Воронов 1979); могильник Абгыдзраху, погребение 44 III–IV вв. (Рис. 1, 3) (Трапш 1971: 68, табл. XXII, 17); могильник Шапка – Церковный холм 4, погребение 5 сер. – втор. пол. VI в. (Рис. 1, 4) (Воронов, Юшин 1973: 172, рис. 5, 27). В отечественной литературе отсутствуют какие-либо внятные объяснения о функциональном предназначении данных металлических элементов. Как правило, авторы ограничиваются лишь общим описанием мечей с накладками. В одних случаях их называют утолщениями у основания клинов, или утолщениями с узенькими змеевидными выступающими головками (Трапш 1971: 35, 68), в других – накладками из железных пластинок, концы которых имеют якоревидную форму («украшение»), или фигурными наклад-

ками, приваренными к лезвию ниже перекрестья (Гунба 1978: 77; Воронов, Шенкао 1982: 130). Необычный внешний вид мечей с накладками послужил даже основой для создания современной реплики меча «Апсилика» мастерами Б.Р. Джапуа, Э.Л. Какава и Т.С. Дзидзария, подаренного первому президенту Республики Абхазия В.Г. Ардзинба и экспонирующегося ныне в Государственном музее Боевой Славы имени В.Г. Ардзинба. В этом случае накладки из дамасской стали позиционируются как усиливающие место перехода от клинка к черенку. Здесь важно отметить, что задуманы и изготовлены они были вместе с мечом, т.е. являлись неотъемлемой частью клинка с самого начала.

Для более полной характеристики каждого из трех экземпляров мечей мною были проведены их обмеры. Характеристики четвертого меча, в связи с его недоступностью, приведены по рисунку и описанию М.М. Трапш.

Могильник Абгыдзраху, погребение 44. Меч двулезвийный призматического сечения (с уплощенной средней частью шириной около 2,5 см). Кончик меча утрачен. Общая длина – 87,5 см, максимальная ширина – 4,7 см, толщина – 0,4 см. Плечики у места перехода к черенку косые (имеют плавный изгиб). Стакан линзовидного сечения, высота стакана вместе с грибовидной головкой – 15,7 см, высота грибовидной головки (ножка и шляпка) – 3,5 см, ширина ножки грибовидной головки – 1 см, ширина шляпки – 1,7 см, высота – 1,5 см. Толщина стакана по всей длине – 0,7 см. Стакан плавно переходит в черенок, с максимальной толщиной – 0,6 см и шириной – 2 см. На конце черенка сохранился гвоздик для крепления накладки рукояти. Навершие меча выполнено в виде известковой плоской бусины кольцеобразной формы, диаметр ее окружности – 3,3 см, у конца – 2,5 см.

Погребение из с. Анухва. Меч двулезвийный призматического сечения (с уплощенной средней частью шириной около 2 см). Часть меча, начиная от плечиков на 23 см однолезвийная. Толщина обуха в этом месте – 0,6-0,5 см. Длина сохранившегося фрагмента меча – 64 см, ширина – 3,9 см, толщина – 0,4 см. Плечики у места перехода к черенку

косые (имеют плавный изгиб). Форма стакана повторяет сечение клинка в этой части (клип). Высота стакана вместе с грибовидной головкой – 11,4 см, высота грибовидной головки (ножка и шляпка) – 4,4 см, максимальная ширина ножки грибовидной головки у основания – 2 см, минимальная ширина (под головкой) – 0,5 см, ширина шляпки – 2,7 см, ширина отростков шляпки в средней части – 0,4-0,5 см. В центре шляпки имеется штифт высотой – 0,2 см, диаметром – 0,35 см. Толщина стакана у основания – 0,6 см и увеличивается ближе к грибовидной головке до 0,9 см за счет коррозии металла. Стакан частично разрушен, с одной стороны отсутствует часть шляпки грибовидной головки, а с другой – головка утрачена полностью. Максимальная толщина черенка – 0,6 см, ширина – 2,3 см. В этом месте оставшаяся часть стакана отслаивается от плоскости меча. С этой же стороны видно, что клинок меча, заходя в стакан, начинает сужаться. На черенке сохранился след от гвоздика для крепления накладки рукояти.

Могильник Шапка – Церковный холм 4, погребение 5. Меч двулезвийный призматического сечения (с уплощенной средней частью шириной около 2,5 см). Общая длина – 88,5 см, максимальная ширина – 5 см, максимальная толщина клинка – 0,4 см. Плечики скрыты под гардой. Стакан прямоугольной формы, высота вместе с грибовидной головкой – 7,2 см, ширина – 4,6-5 см (стакан частично утрачен), высота грибовидной головки (ножка и шляпка) – 4,5 см, ширина ножки грибовидной головки – 1,3 см, диаметр круглой шляпки – 2,5 см. Максимальная толщина стакана у основания ножки грибовидной головки – 1,1 см. С одной из сторон стакана, в его средней части видны две плохо сохранившиеся серебряные пластинки. Максимальная толщина черенка – 0,7 см, ширина – 2,6 см. Под гардой сохранились древесные следы от рукоятки. Гарда бронзовая в форме ромба, длина – 6 см, ширина – 2,1 см, толщина – 0,5 см. Со стороны черенка сохранился овальный отпечаток от деревянной рукояти – 4,1x1,9 см. Рядом с мечом найдена хрустальная бусина (навершие рукояти).

Могильник Абгыдзраху, погребение 12. Меч двулезвийный призматического сечения (с уплощенной средней частью). Общая длина – 75,5, максимальная ширина – 5,8 см. Плечики у места перехода к черенку косые (имеют плавный изгиб). Стакан (утолщенная часть) с обеих сторон имеет прямоугольные языковидные выступы, направленные в сторону острия клинка. Навершием рукояти меча служила кварцевая бусина окружной формы, диаметр – 2,1 см, диаметр отверстия – 0,6 см (Трапш 1971: 35, табл. VI, 15).

Загадка металлических накладок на мечах, возможно, не была бы разгадана еще какое-то время, если бы ни исследование одного катакомбного погребения № 33 могильника Кичмалки II в районе Кабардино-Балкарской Республики. В состав погребального инвентаря входили длинный двулезвийный меч с портупейной крупной янтарной бусиной-подвеской и короткий двулезвийный кинжал с серебряной позолоченной орнаментированной накладкой на ножнах и U-образной бутилеролью (Рис. 2, 1, 2). Оба клинка были снабжены т.н. подпрямоугольными муфтами линзовидного сечения с дуговидным краем (Ахмедов, Васильева, Хаврин 2015: 13–16; Ахмедов, Васильева, Хаврин 2016: 238). Местоположение муфт и общие характеристики данных клинков находят много общего с экземплярами из Абхазии, о чем упоминают и сами авторы.

С целью получения новых данных меч и кинжал из Кичмалки II были подвергнуты рентгенографическому исследованию, которое показало, что муфты являются следами ремонта, т.е. в древности клинки были обломаны в районе перекрестья и реставрированы путем скрепления двух частей (клиник и хвостовик) пластинами на круглых в сечении сквозных штифтах (Рис. 2, 1а, 2а).

Предположение авторов о том, что абхазские клинки могут быть отремонтированы аналогичным способом, послужило для меня поводом проведения их рентгенографического исследования в одном из отделений Сухумской городской клинической больницы. Из фондов и экспозиции Абхазского Государственного музея мною были отобраны три из четырех вышеупомянутых мечей. Рентгеновские снимки каждого из них

показали, что клинки были отремонтированы в древности (Рис. 1, 2а, 3а, 4а). На снимке меча из погребения 44 могильника Абгыдзраху видно три четких круглых силуэта: один в центре грибовидной головки стакана, а два других по углам. Над ними хорошо просматривается горизонтальная линия излома клинка. Второй меч, из погребения 5 могильника Шапка – Церковный холм-4, судя по снимку, имеет уже четыре аналогичных силуэта: один в центре грибовидной головки стакана, два по бокам стакана, ближе к его середине и четвертый на уровне плечиков меча на одной оси с первым силуэтом. Третий меч, из с. Анухва, с первого взгляда выделяется своей необычностью – наличие одновременно однолезвийной и двулезвийной частей клинка, и причудливая форма грибовидной головки его стакана, напоминающая якорь, а также семь силуэтов от штифтов на рентгеновском снимке. Первый силуэт просматривается в центре головки стакана, а все остальные попарно в три ряда поднимаются к плечикам меча, повторяя форму клинка, которая начинает резко сужаться под накладками. На черенке меча, ближе к концу, также хорошо виден след от гвоздика/заклепки, скрепляющего накладки рукояти. У плечиков меча наблюдается три похожих отпечатка, выстроенных вертикально, возможно следы ремонта черенка.

Надо полагать, что и меч из погребения 12 могильника Абгыдзраху (Рис. 1, 1), который мне не удалось найти, был также отремонтирован в древности.

Что касается аналогий ремонту клинового оружия с использованием металлических накладок, то сегодня их известно довольно мало. Здесь сразу следует отметить, что приведенный в работе Ю.Н. Воронова и Н.К. Шенкао пример позднеримского меча из Польши, который якобы имеет «нечто подобное» (накладки?), на самом деле не имеет накладок (Воронов, Шенкао 1982: 130; Antoniewicz, Kaczynski, Okulicz 1958: tabl. V, 1). Зато авторами статьи о двух мечах из могильника Кичмалки II приводится несколько вариантов реставрации клинков более простыми способами. Первый – когда к обломанному клинку черенок прикреплялся с помощью заклепок. Это погребение гуннского времени из Федоровки, или позд-

неримский меч III в. типа Лауриакум-Хромовка из скопления А в Иллерупе (И.Р. Ахмедов, Е.Е. Васильева, С.В. Хаврин). Второй способ – когда сохранившийся фрагмент черенка наращивался при помощи вставленного в разрез раскованного штыря, например, меч типа Майнц первых веков н.э. из Ядовники Мокре в Польше (Ахмедов, Васильева, Хаврин 2016: 243; Засецкая 1994: 186, табл. 34, 1; Miks 2007: 622, kat. A321, 16, taf. 105; Biborski, Grygiel 2014: fig. 2). Другой пример меча происходит из склепа 88, п. 5 могильника Лучистое Юго-Западного Крыма. Его клинок вставлен в пропиленную нижнюю часть черенка и укреплен заклепкой (Айбабин, Хайрединова 2017: 108, рис. 82, 1). С конструктивной точки зрения, представляет интерес еще один клинок из Цебельды (Рис. 1, 5) (Бгажба, Терехова, Розанова 1990: 191). Авторы статьи называют его кинжалом, уточняя при этом, что изначально изделие было мечом с дамасским строчечным орнаментом. Кроме того, к его клинку грубо прикреплена железная рукоять плохого качества, а место стыка хорошо читается на рисунке в виде горизонтальной линии и отмечено стрелкой.

Как мне представляется, все перечисленные мечи могут оказаться дамасскими и демонстрируют высокую ценность подобного клинового оружия в воинской среде своего времени. При поломке меча его не выкидывали и не пускали на вторсырье, а старались дать вторую жизнь. В случае с рассмотренными экземплярами из Абхазии древними мастерами была сохранена изначальная форма и, возможно, функциональное назначение данного вида оружия. Скорее всего, это обусловлено характером поломки, местом излома и длиной сохранившегося клинка. В тех случаях, когда повреждалась часть клинка ближе к хвостовику, меч оставался самим собой – для него изготавливали стакан из двух железных пластин и соединяли с хвостовиком с помощью заклепок. За счет этого могло даже происходить небольшое наращивание длины клинка. Следов кузнечной сварки мною не обнаружено, а под некоторыми частями накладок видны зазоры.

Обращают на себя внимание грибовидные головки железных стаканов мечей. Функционально в них нет никакого смысла,

именно поэтому данные элементы отсутствуют на одном экземпляре из Абхазии и двух – из Кабардино-Балкарии. На первый взгляд они выполняют чисто декоративную функцию. Однако, если выделить контуры накладок линией, то полученные таким образом фигуры находят некоторое сходство с известными на территории Абхазии тамгами (знаки родовой, фамильной или личной принадлежности) (Рис. 3), о которых в свое время писал Ш.Д. Инал-ипа (Инал-Ипа 2002: 344–352, 358–371).

Стоит также упомянуть, что в археологии известны примеры, когда излом клинка приходился приблизительно на середину. В таких случаях функциональное назначение мечей могло изменяться. Мною уже затрагивалась тема вторичного использования клинового оружия, когда из его обломков делали наконечники копий (Счастный 2019: 299–307). Два таких экземпляра известны и в Абхазии.

Кроме того, не будет лишним вспомнить клинки с горизонтальными вырезами, известные в литературе как кинжалы/мечи с боковыми вырезами у основания лезвия. Хронологический диапазон их бытования приходится на II–III – XII вв. (Сокольский 1954: 159; Казанский 2014: 107; Левада 2006: 195; Радюш 2014: 232). Необычный вид данных клинков, о котором не утихают споры, может говорить о том, что в них вдохнули вторую жизнь. В большей степени такие выводы следует относить к ранним экземплярам, т.к. на протяжении веков необходимость использования оружия могла трансформироваться в традицию. Несмотря на то, что упомянутые клинки на территории Абхазии не известны, вместе с приведенными выше примерами, они демонстрируют широко распространенную на периферии римско-византийского мира практику реконструкции поврежденных предметов вооружения. Такая работа могла проводиться, как непосредственно в имперских мастерских, привязанных к гарнизонам, дислоцированным в крепостях на территории Абхазии, так и местными мастерами, чей уровень кузнецкого мастерства находился к тому времени на достаточно высоком уровне.

Несмотря на то, что большая часть рассмотренных предметов вооружения периодов поздней античности и раннего

средневековья была введена в научный оборот еще в советское время, перед исследователями только сейчас начинают открываться такие стороны оружейного производства, как ремонт и переделка предметов вооружения, которые еще предстоит изучить детально.

Литература

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Юго-Западный Крым в эпоху Великого переселения народов // Крымские готы страны Дори (III-VII вв.). Симферополь, 2017.
2. Ахмедов И.Р., Васильева Е.Е., Хаврин С.В. Новое погребение аланской знати постгунского времени из Кабардино-Балкарии // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции. М., 2015.
3. Ахмедов И.Р., Васильева Е.Е., Хаврин С.В. Клинковое оружие из погребения 33 могильника Кичмалка II в Кабардино-Балкарии. КСИА. Вып. 244. М., 2016.
4. Бгажба О.Х., Терехова Н.Н., Розанова Л.С. Кузнечные изделия из памятников Цебельдинской культуры. СА. № 3. М., 1990.
5. Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Новые памятники Цебельдинской культуры в Абхазии // СА. №1. М., 1973.
6. Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абасгии и Санигии II–VII вв.// Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1979. С. 49-58.
7. Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. Советско – венгерский сборник. М., 1982.
8. Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Могильники III–IV вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003.
9. Гунба М.М. Новые памятники Цебельдинской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
10. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс Лтд. Санкт-Петербург, 1994.

11. Инал-ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов. Майкоп: ГУ-РИПП «Адыгея», 2002.
12. Казанский М.М. Гелон с косой: о древковом оружии эпохи переселения народов. *Stratum plus*. № 6. Кишинев, 2014.
13. Левада М.Е. Кинжалы типа Хазанов-V в Среднем Поднепровье // Боспорские чтения. Боспор КИММЕРИЙСКИЙ и варварский мир в период античности и средневековья. VII. Керчь, 2006.
14. Радюш О.А. О северной границе распространения так называемых «кинжалов с вырезами» // *Stratum plus*. № 4. Кишинев, 2014.
15. Счастный Д.А. Примеры вторичного использования клинкового оружия из Абхазии // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2019.
16. Трапш М.М. Культура Цебельдинских некрополей. Т. III. Тбилиси: Мицниерба, 1971.
17. Сокольский Н. И. Боспорские мечи. МИА. № 33. М., 1954.
18. Jerzy Antoniewicz, Marian Kaczynski, Jerzy Okulicz. Wyniki badań przeprowadzonych w 1956 roku na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Szwajcaria, pow. Suwałki // Wiadomości Archeologiczne. T. XXV/1-2. Warszawa, 1958.
- Miks Christian. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Randen / Westf.: Leidorf. (Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen; Bd 8.). 2007.
- Biborski M., Grygiel M. The roman sword from the przeworsk culture cemetery at Jadowniki mokre, Małopolskie province // Honoratissimum assensus genus est armis laudare / Red.: R. Madyda-Legutko, J. Rodzińska-Nowak. Kraków: Historia Iagellonica, 2014.

Рисунки

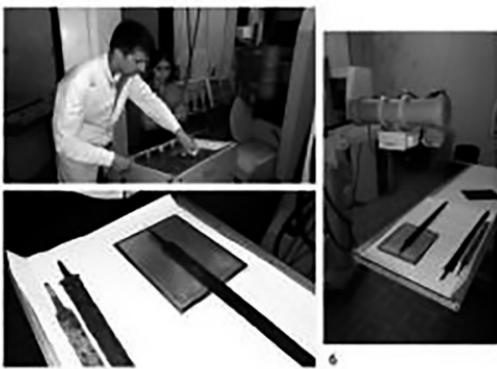
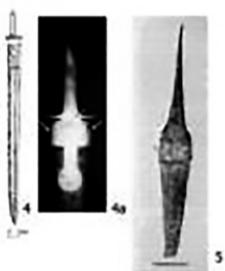
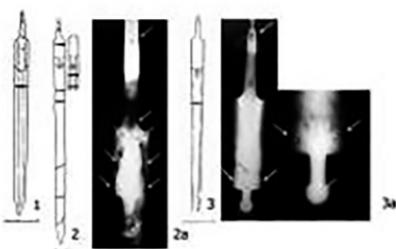
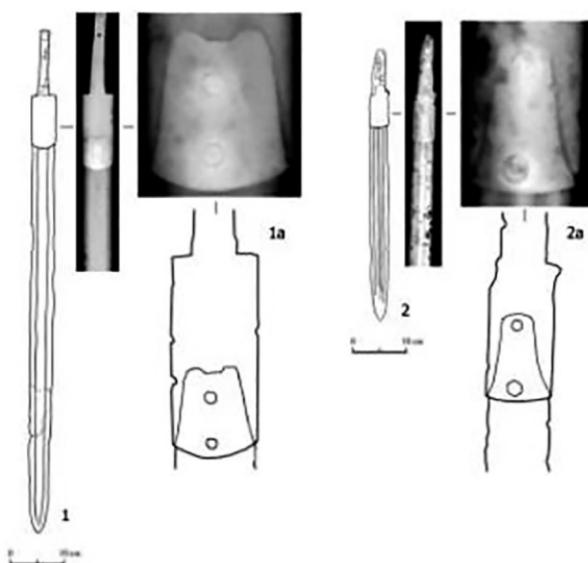
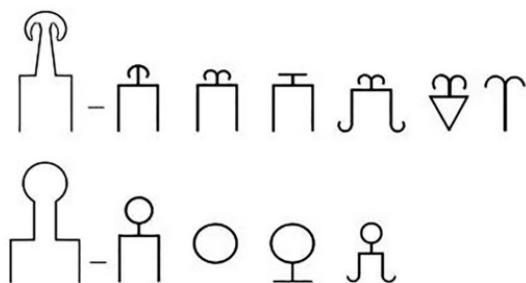

Рис. 1.

Мечи из погребения 33 могильника Кичмалка II
(И.Р. Ахмедов, Е.Е. Васильева, С.В. Хаврин)

Rис. 2.

Rис. 3.

ИСТОРИЯ

ГУМБА Г.Д.

АЗИАТСКАЯ САРМАТИЯ «АШХАРАЦУЙЦА» («АРМЯНСКАЯ ГЕОГРАФИЯ VII ВЕКА»**)**

Географический трактат, озаглавленный как «Ашхарацуйц» («Землеописание»), или более известный в русскоязычной научной литературе как «Армянская география VII века», представляет собой выдающийся памятник географии и картографии древнего мира. Многолетние исследования «Ашхарацуйца» показали, что он представляет собой картографический труд и текст его является описанием не дошедших до нас карт. Картографической же основой для карт армянского картографа являлись карты Птолемея (Marquart 1901: 154; Еремян 1963: 7–12).

Первоисточник до нас дошел в пространной и краткой редакции. Пространная редакция известна в единственном экземпляре и хранится в библиотеке монастыря конгрегации мхитаристов Армянской католической церкви на о. Св. Лазаря в Венеции (Италия), рук. № 1245. Оригинальный текст пространной редакции был издан в 1881 г. А. Сукри (Сукриян) (Сукри 1881). На русском языке краткая редакция источника была опубликована в 1877 г. К.П. Паткановым (Патканов, 1877). К настоящему времени известны около 60 списков краткой редакции, большая часть из них хранится в Институте древних рукописей (Матенадаран) им. Месропа Маштоца (г. Ереван), а остальные в библиотеках мхитаристов в Венеции и Вене (Австрия).

Относительно времени составления и авторстве «Ашхарацуйца» в научной литературе все еще нет общепризнанного мнения. В средневековый период «Ашхарацуйц» приписывался «отцу» армянской историографии Мовсесу Хоренацци (410–490 гг.) и подавляющее большинство рукописей сохранилось под названием «Ашхарацуйц Мовсеса Хорена-

ци», как приложение к его фундаментальному труду «История Армении».

По вопросу авторства источника к настоящему времени в исследовательской литературе существуют несколько точек зрения. По мнению Ж.А. Сент-Мартен «Ашхарацуйц» принадлежал некому Псевдо-Мовсесу, якобы жившему в конце IX – начале X в. (Saint-Martin 1819: 301–394). Я.А. Манандян приписывал авторство данного картографического труда Мовсесу Хоренаци, но который, по его мнению, жил и работал не в V, а в VIII веке (Манандян 1947: 127–143). К.П. Патканов впервые выдвинул мнение о принадлежности «Ашхарацуйца» перу основоположника древнеармянского естествознания Анания Ширакаци, жившему в VII веке [Патканов 1877: 3–16]. Данная точка зрения была далее развита А.Г. Абраамяном с привлечением новых, достаточно убедительных аргументов (Абраамян 1940).

Пожалуй, наиболее фундаментальными исследованиями по «Ашхарацуйцу» являются работы известного ученого акад. С.Т. Еремяна. Проделав огромную работу, на основе весьма веских аргументов С.Т. Еремяну удалось доказать, что «Ашхарацуйц» не мог быть написан позднее 618 г. Следовательно, Анания Ширакаци не мог быть автором «Ашхарацуйца», поскольку, он родился около 610 г. (Еремян 1963: 7–14; Еремян 1973]. В последнее время новые аргументы в обосновании данного суждения нашли отражения в работах А.А. Акопяна. Согласно его исследованиям сохраненная в единственном списке пространная редакция первоисточника написана в период между 610 – 618 гг. и принадлежит перу неизвестного автора (Анониму). Позднее источник был сокращен и отредактирован со стороны Анания Ширакаци, к чему восходят и все сохранившиеся рукописи краткой редакции (Акопян 2015: 35–47).

По мнение Э.Л. Даниеляна и А.Ж. Арутюняна «Ашхарацуйц», представляющий собой как политическую, так и физическую карту, первоначально был написан в V в. Мовсесом Хоренаци, а дошедший до нас окончательный вариант отредактирован и дополнен в VII в. Ананием Ширакаци (Даниелян

2000: 31–45; Арутюнян 2016: 108–115; см. также: Арутюнян 2001: 12–16).

Дальнейшее изучение этого замечательного памятника средневековой армянской письменности, может быть, даст возможность определить автора. Но, как бы то ни было, основываясь на результаты исследования «Ашхарацуйца» к настоящему времени, можно уверенно говорить о том, что данный первоисточник содержит описания Армении и Кавказа трех временных периодов: первый – вторая половина I тыс. до н.э. (сведения этого периода основываются главным образом на географических и картографических работах античных авторов, а также полностью утраченных трудов древневосточных авторов); второй – IV в. н. э. (до 387 г.); третий – рубеж VI–VII вв.

«Ашхарацуйц» состоит из введения и двух разделов. Во введении даны общие теоретические установки о мироздании и даются те элементы, из которых можно составить глобус и карту мира. Первый раздел основного труда – это картографическое описание для составления карты известной древнему миру части земли – ойкумены и является, как и указывает армянский географ, воспроизведением карты мира «Папы Александрийского», который описал вселенную по сфере, устроенной Клавдием Птолемеем» (Суки 1881: 9). Второй раздел – Страноведение, т.е. описание отдельных стран по материкам, в той последовательности, в которой сохранил нам Птолемей в своем «Географическом руководстве» (или как иначе называют: «Руководство для составления карт»).

Изображение стран Европы и Ливии (так называлась Африка) является, в большей степени, сокращенной передачей карты Птолемея. Описание стран Азии также соответствуют карте Птолемея, но в нем нашли отражение также, сложившиеся новые этнические и политические реалии позднеантичного и раннесредневекового периодов. Что касается глав, посвященных Азиатской Сарматии, Колхиды, Сирии, Месопотамии, Армении, Иберии, Албании, Персии, то они являются оригинальным творением армянского географа и перед нами совершенно новое слово в истории географии (Еремян 1963: 14–16). В то же время, в эти главы внесены

также данные из текста Птолемея и других античных, в частности, «Книги Александра» Псевдо-Каллисфена, сирийских, персидских и др. популярных в то время сочинений. Все это привело к наложению в «Ашхарацуйце» текстовых пластов, отражающие разные исторические периоды, что служит одной из причин, затрудняющих интерпретацию его данных. Особенно это касается интересующего нас раздела – «Азиатская Сарматия», в котором многие древние названия кавказских племен и народов впервые письменно зафиксированы и доведены до наших дней.

Термин «Сарматия» употребляется в источнике в географическом смысле и включает в себя обширные территории Восточной Европы, в которой обитали множество племен и народов различного происхождения и этнической принадлежности. Следуя Птолемею, армянский географ делит Сарматию на Европейскую и Азиатскую. Европейская Сарматия охватывает территорию от реки Истула на западе до реки Дон и Азовского моря на востоке¹. Азиатская Сарматия простирается от реки Дон и Азовского моря на западе до реки Волга и Каспийского моря на востоке. Южная граница Азиатской Сарматии проходила с запада на юго-восток от Керченского пролива по Черноморскому побережью до устья реки Кодор в Абхазии, откуда сворачивала на северо-восток и шла по реке Кодор до местности Наа, затем – по вершинам Кодорского хребта до западного отрога Эгринского хребта, далее – на восток, по горной цепи Эгринского и Рачинского хребтов, до северного отрога Лихского хребта, далее по линии Жинвали (где находились ворота, известные как Сарматские, Дурдзукские, Цеканские (Цилканские), Дарубал, Укрепление Иберийской страны) – местность Квел-Даба – г. Гутон на Главном Кавказском хребте – Дербент (Гумба 2001: 75-77).

¹ «Девятая страна Европы – половина Сарматии, которая лежит к востоку от Германии. Начиная от реки Истула и одноименных [Сарматских] гор, она [Европейская Сарматия] простирается по берегу Северного океана до Неизвестной страны и до восточных оконечностей горы Рипа, откуда вытекает река Танаис, которая, направляясь на юг, разделяет Сарматию на две части: на восточную – Азиатскую и западную – Европейскую, до своего впадения в море Меотис; далее по судоходному пути доPontийского моря; далее по Понту до реки Тирас, которая на юге отделяет Сарматию от страны Даков».

Глава «Азиатская Сарматия» «Ашхарацуйца» содержит уникальные сведения по исторической географии Северного Кавказа разных временных отрезков. В ней многие этнические и географические названия Кавказа письменно фиксируются впервые. Поэтому значение «Ашхарацуйца» по изучению древней и средневековой этнополитической ситуации данного региона трудно переоценить. Источник насыщен сложной и многоплановой информацией, отражающей этническую и политическую карту Северного Кавказа различных временных периодов: первый – вторая половина I тыс. до н.э., второй – III–IV вв. н.э. и третий – VI–VII вв. н.э. Помимо этого, в описании Центрального Кавказа VI–VII вв. н.э. выявляется наложение еще трех пластов (Гумба 2007: 225–241).

Следует учитывать также, что в средневековый период «Ашхарацуйца» использовался как учебник по географии и в текст тех или иных рукописей вставлялись параллельно существовавшие разные названия одного и того же народа или страны, или их различное написание у разных авторов; некоторые древние этнонимы и географические названия видоизменялись в попытке привести их в соответствие с новым звучанием, с целью сделать их более доступными для понимания современниками.

Кроме того, ученые, не владеющие армянским языком, пользуются отдельными списками «Ашхарацуйца», опубликованными на русском, французском и немецком языках, в которых присутствуют серьезные расхождения с источником: во многие списки вставлялись новые фрагменты, а отрывки, казавшиеся сложными, сокращались, в отдельных списках изменен порядок изложения тех или иных абзацев, а в некоторых – абзацы и вовсе смешаны. Поэтому в научной литературе часто наблюдается произвольное толкование тех или иных данных «Ашхарацуйца», порой не имеющее ничего общего с информацией, содержащейся в самом источнике. В связи с чем, назрела необходимость критического издания раздела «Азиатской Сарматии» «Ашхарацуйца» на русском языке со сличением всех известных к настоящему времени опубликованных и неопубликованных рукописей оригинала источника.

Условные обозначения:

ММ – Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран). Ереван.

S – текст пространной редакции, опубликованный А. Сокри: Соукри Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée. Texte Arménien, traduit en français par le P. Arsène Soukry Mékhitariste, Venise, 1881.

V – текст краткой редакции, опубликованный в Венеции 1843 г.: Труды Мовсеса Хоренаци. Венеция, 1843. С. 604 – 605

P – текст краткой редакции, опубликованный К.П. Патканян: Армянская география VII века по Р.Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). СПб. 1877.

A – текст краткой редакции, опубликованный А.Г. Абраамян: Труды Анания Ширакаци. Ереван, 1944. С. 336 – 354.

AA – критическое издание «Ашхарацуйца» под редакцией А.Г. Абраамян, Г.Б. Петросян: Анания Ширакаци. Избранные труды. Ереван, 1979. С. 285-289.

AK – критическое издание «Ашхарацуйца», осуществленное А.А. Акопяном: «Ашхарацуйц» Анонима VII века. Научно-критический текст. Ереван-Вена, 2015.

Ասիոյ Սարմատաց[ւ]ոց

ԻԳ. Ասիոյ Սարմատացոց հասարակն է, որ բաժանի արեւելեան ծայրիւ Ռիպեայ լերամբ, եւ Տանայիս գետով եւ Մէռտիս ծովակով՝ մտիւքն յԵւքսինոս Պոնտոս ծով, եւ անտի նոյն ծովեզերբն՝ յԵլս կոյս, մինչեւ ցմուտ Կուռաքի գետոյ, որ կոչի «Ազրաւ», եւ անտի առ Կալկասին լերինան՝ առ Վրաւք եւ Աղուանիւք, մինչեւ ցԿասրից ծովն, ի մուտս Սըրանաս գետոյ. Սըրանաս գետ չըսի ուրեք:

Եւ ունի լերինս զՇանթայ[յ]ինն եւ զՁիականն, որ արձակէ գետս հինգ ի Միովտի[ս] ծով:

[...] Մինչեւ ցԿոռաքս լեառն: Եւ Կալկաս արձակէ գետս երկուս զՎալդանիս, որ սկսանի հանդէա Կալկասայ եւ ձգէ զԵրկայնութիւն իւր ի մուտս կոյս զիւսիսիւեաւ մինչեւ ի մէջ մտանէ ընդ Մէռտիս, ընդ Պոնտոս ծով, որ արձակէ գետ մի Փուելքոս անուն, որ մեկնէ ընդ Փոսփորոնն եւ Զիքուն սահմանն, յորում քաղաքիկն Նիկոփոս:

Որ ըստ հիւսիսոյ են ազգք Թուրքաց եւ Բուլղարաց ըստ անուանց գետոց կոչեցեալ՝ Կուփի Բուլղար, Դուչի Բուլղար, Ողխոնտոր Բղկար, Եկնչդար Բողկար: Աւտար այժմ ի Պտղոմէականէն են այս անուանք: Եւ ի Զիական լեառնէն փախիեալ որդին Խուլբաղրայ:

Եւ ընդ մէջ Բուլղարաց եւ ծովուն Պոնտոսի բնակեն ազգք Գարշք եւ Քութք եւ Սաւանք մինչեւ ցՊիսինուն ծովեզերային Աւազով աշխարհի, որ են Ափշիլք եւ Ափխազք, մինչեւ ցրաղաքքն իւրեանց ծովեզերային Սեւաստուպալիք, եւ անդք եւս մինչեւ ցգետն, որ կոչի Դոսակոն, որ է «Վիշապ», որ հոսի յԱղլանաց եւ բաժանի ընդ Ափխազք եւ ընդ Եզր աշխարհ:

Եւ ունի ազգազաւառս քառասուն եւ վեց:

Եւ ի հիւսիսոյ՝ առ Անծանաւք երկրաւ բնակեն Թագաւորական Սարմարտք եւ Զիակերք: Իսկ առ մտիւքն Տանայիս գետոյ բնակեն Նախամատեանք եւ ազգ մի այլ, որ են Կղարջք, եւ ապա Որջակերք, Միուակացիք, ապա Միթոռողէտէն գաւառն:

Եւ ապա յարեւելից կուսէ Շանթային լերանցն բնակեալ են Ամազոնք, որք են կանայք պատերազմողք, մինչեւ ցգետն,

որ կոչի Ռա, որ երկակի բղիսէ ի հիւսիւսոյ Անծանալք՝ երկրի, եւ միանան, եւ հասեալ մերձ Զիական լերանցն արձակէ վտակ մի ի Տանայիս գետս, որով ի Միովտիս ծովակ իջանէ, եւ այլն դառնայ յարեւելս կոյս մինչեւ հանդեպ Շանթային լերանցն, եւ ապա զան այլ երկու գետք յարեւելից կրուէ, ի հիւսիսոյ լեռնէն, որ կոչի Ռիմիկայ, եւ առնեն զնա Եւթանանավտակեան, զոր կոչեն Թուրքք Արթ գետ: Որոյ մէջն է կղզի, յոր մտեալ ամրանայ Բասլաց ազգն ի հզար ազգէն Խազրաց՝ ճարակելոց յելից եւ ի մտից, եկելոց անդ ի ձմերոց, եւ կոչեն «Աեւ կղզի», զի յաղազս բազմութեանն ազգին Բասլաց, մարդոյ[յ] եւ անասնոյ անդ մտելոցն՝ սեւ երեւի, զոր Պտղոմէոս Գուա կղզի կոչէ:

Եւ վտակքն Արթ գետոյ անցեալ կղզին դարձեալ միանան եւ մտանեն ի Կասրից ծովն՝ բաժանելով ընդ Սարմատիա եւ ընդ Սկիւթից աշխարհն:

Որոյ ըստ մտից, ասէ Պտղոմէոս, զԱրոն եւ զԱղանդան եւ զՍոնդաս եւ զԳեռուայ ազգս հոմանուն գետարք, որ ի Կաւկասայ հոսին ի ծով, մինչեւ ցԱղուանից սահմանն:

Եւ են ի Սարմատիոյ համարեալ այսպէս: Սկսեալ ի մտից յեւ կոյս՝ նախ ազգ Աղուանաց Աշդիգոր: Որ ըստ հարաւոյ համարնակ նոցա Խերուրք եւ Քութէտք եւ Արգուել եւ Սարդոյլ եւ Թակոյր:

Եւ Ալանք են յետ Դիգորին՝ Արդոգ աշխարհ ի Կաւկասին լերանցն, ուստի հոսի գետն Արմնայ, եւ զնալով ընդ հիւսիսի ընդ դաշտ անբաւս՝ խառնի յԱրթ:

Եւ ի նոյն լերինն յետ Արդոգեան ազգին բնակեն Դաջանք, Փինճք, Դուլայք, Ցըխոյք, Խոնք, Ափուրք, Ծանարք, յորում Ալանաց դուրն եւ միւս դուրն, որ ասիք Ծիրեն հոմանուն ազգի: Եւ ապա Թուժք եւ Խուժք եւ Քիսորք եւ Մարդակերք ապա Ցիստատք, ապա Գուղամակարք, ապա Դուրծկք, ապա Դիրոյք, ապա Ղեկք, ապա Տապոտարանք, ապա Խղուտականք, ապա Շիղայք, ապա Ճիղքք, ապա Փուխք, ապա Խեղայք, ապա Կասքք:

Եւ ապա Կաւկաս բաժանի յերկուու բազուկս, մինն զնայ դէա ուղիղս կոյս, յորում՝ Շրուան եւ Խսրուան ազգք՝ մինչեւ ցԽորսվէմ, եւ միւս բազուկն արձակէ նախ վտակ մի զԱրմ

գետ, որ է դեպ ուղիղ ի հիւսիսի յԱթլս գետ, եւ ապա նոյն բազուկն զնայ զելիք հիւսիսոյ, յորում բնակեալ են Թաւասպարք, Հեծմատակը, Իժմախը, Փասխը, Փուսխը, Փուրքանակը, Բազանք, ուստի առնու պարիսպն երկայն, որ կոչի Ապօռւտ Կաւատ, մինչեւ ցԱլդմինսն մարս եւ ցծով:

Որոյ ըստ հիւսիսոյ Մասրութան ազգն բնակեալ են ի Վարդանեան դաշտին, մինչեւ ցԿասրից ծովն, յոր բազուկն Կաւկասայ հպի, յորմէ ածեալ է զպարիսպն Դարբանդայ այսինքն՝ «Կապ եւ դրւոն»՝ քաղաք պահակին Ճորայ, աշտարակ ահազին ի ներքս ի ծովուն կացուցեալ:

Բակ ի հիւսիսոյ նորա թագաւորութին Հոնաց, հուապ ի ծով. եւ ի մտից նորա առ Կաւկասով Վարաջան քաղաք նոցին Հոնաց, եւ Չունգարս եւ Մսրնդո:

Եւ յարեւելից բնակեն Սաւիրք ցԱթլդ գետ, որ մեկնէ ընդ յԱսիական Սարմատք եւ ընդ Սկիւթիա աշխարհք, որ են Ապախարք, այսինքն՝ Թուրքաստանք. եւ Խարան թագաւոր նոցա, եւ Խաթունն՝ դշխոյ նոցա, կին Խարանայ ի Բասլաց ազգէն:

Азиатская Сарматия

Двадцать третья страна Азии – половина Сарматии, которая отъединяется [от Европейской Сарматии] восточной оконечностью Рипейской¹ горы, рекой Танайс², Меотским³ озером и простирается на западе до Понт Эвксинского моря⁴. Оттуда, вдоль побережья того же моря [Сарматия] простирается далее на восток до устья реки Курак⁵, которая называется «Ворона»; оттуда по Кавказским горам, вдоль границ⁶ Вирк⁷ и Албании⁸ до Каспийского моря и устье реки Сыванас. Река Сыванас ныне неизвестна.

И имеет [Сарматия] Керавнийские⁹ и Гиппийские¹⁰ горы, которые посылают в Меотское море пять рек.

¹ Точная локализация Рипейских (или Рифейских) гор древних авторов до сих пор не определена. Согласно общей мифологической традиции, Рипейские горы расположены на краю Северного океана и представляет собой величайший в мире горный кряж, тянущимся через весь евразийский материк, от Атлантического до Индийского океана (Подосинов, Скржинская 2011: 31). Существует также мнение, что Рипейские горы в античных письменных памятниках включают в себя черты: Альпийско-Гималайского пояса; гор Большого Кавказа и Апшеронского порога, как его центральной части, несущих общее название Рипейских гор (Халилов 2020: 64–69). Вместе с тем, с пониманием глобальности гор, у того или иного автора характеристика «Рипейские горы» несет конкретную привязку. По «Ашхарацуйцу» Рипейские горы расположены на краю Северного океана и тянутся на востоке до истоков Танаиса (Дона).

² Река Дон

³ Азовское море

⁴ Черное море

⁵ Река Кодор в Абхазии.

⁶ Согласно С.Т. Еремяну в данном тексте по ошибке переписчиков пропущено упоминание страны Егр (Эгриси, Лазика) (Еремян 1973: 261).

⁷ Вирк – армянское название Картли (Иберия, Грузия)

⁸ Кавказская Албания (арм. – Аруанк, арабо-перс. – Арран) занимала территорию в нижнем течении рек Аракс и Кура, охватывала сев. области совр. Азербайджана и значительную часть Дагестана. Население Кавказской Албании состояло из дагестанских племен, в основном – лезгинских. В те или иные периоды Албания охватывала и территории расселения нахских племен по среднему течению Алазани и Иори.

⁹ «Керавнийские» («Молниевые», «Շնկրային») горы Птолемея, отождествляются с Андийским хребтом.

¹⁰ «Гиппийские («Конские», «Ձիշկան») горы» античных авторов, отождествляются со Ставропольской возвышенностью вместе с Ергеней.

[...] до горы Коракс¹. Из Кавказа вытекают две реки – Валданес², которая берет начало у Кавказа и, растянувшись, течет на северо-запад и впадает в Меотийское и Понтийское море; и другая река, под названием Псевкрос³, которая течет к границе Боспора⁴ и Зихии⁵, где находится городок Никопс⁶.

¹ Отрывок текста пропущен и сильно искажен. Согласно С.Т. Еремяну данный отрывок следует читать: «Кавказские горы тянутся до гор Коракса» (Еремян 1973: 261)

² Река Кубань

³ Реку Псевкрос «Ашхарацуйца», служившей границей между Боспором и Зихией, обычно отождествляют с рекой Нечепсыху (Ныджыпсыху), впадающей в Черное море в 40 км северо-западнее города Туапсе в районе соврем. пос. Новомихайловский, или с рекой Шапсыгъ, протекающей в северо-западной части Туапсинского района, в 5 км восточнее посёлка Джубга (Еремян 1973: 262). Однако более правомерным представляется отождествить реку Псевкрос «Ашхарацуйца» с рекой Псебе (Псеб-хрос/Псев-крос), которая протекает в трех км. от Нечепсыху. Долина реки Псебе («Многоводная река» – на адыгском языке) в низовьях широкая и многоводная, с равнинным рельефом. На ее правом берегу расположены памятники старины, древние населенные пункты, могильные сооружения и остатки средневековой крепости.

⁴ АК – Посторон.

⁵ С – Цбун. АК – Зибун. У Птолемея – Зингхи (V, 8, 17-25). Здесь имеем характерное смешение армянских букв Բ (Б) и Ք (Қ), в результате чего переписчики вместо «ք» (қ) вписали «ք» (б) (Զիրուն – Զիրուն, Зикун - Зибун), поэтому следует, конечно, согласиться с С.Т. Еремяном, который восстанавливает термин как «Зикун», т.е. Зики/Зихи (Еремян 1973: 262). Тем более, что все эти названия – Никопсия (Нечепсыху), Псевкрос, Зихия являются зихскими (адыгскими) – древнейшего автохтонного населения Причерноморья. Зихи (зиги, зики, зиххи, зингхи, зухой, чиги, чики, джихи) – одно из общих названий древних адыгов (чкересов) Причерноморья и Западного Кавказа, использовавшееся с периода классической античности по период позднего средневековья. Впервые упоминаются в I в. до н.э. в «Географии» Страбона (XI, 2). Возможно, «зих», «зик» происходит от абхазского названия адыгов – зых-уа.

⁶ Никопсию (адыгское – Ныджыпсыхъо, Нечепсыху) принято отождествлять с останками крупной крепости в устье реки Нечепсыху, в 200 м от впадения её в Чёрное море на территории нынешнего посёлка Новомихайловский Туапсинского района Краснодарского края. В научной литературе высказано также мнение о локализации г. Никопсия в районе Псоу – Цандрипш (Воронов 1988; Бгажба 2011) Однако не исключено, что Никопсию следует отождествлять с крепостью, расположенной на берегу реки Псебе (Псевкрос), в трех км. от Нечепсыху. Так или иначе, свидетельство «Ашхарацуйца» о том, что г. Никопсия находится на границе Боспора и Зихии исключает попытки локализации раннесредневекового г. Никопсия в другие места, кроме как на берегах

К северу от них [обитают] племена Турков и Булгар, которые именуются по названиям рек: Купи Булгар, Дучи Булкар, Олхонтор Блкар, пришельцы Чдар Болкар¹. Эти названия современные и чужды Птолемею. Из Гиппийских гор бежал сын Худбадра².

Между Булгарами и Понтийским морем живут народы Гашки³ и Куты⁴ и Сваны⁵ до Писинун⁶ – приморской страны

Нечепсухо, либо Псебе.

¹ Перечисляются родоплеменные объединения тюркских булгар Западного Предкавказья раннего средневековья (см.: 38, 29; 14, 112-113; 10, 62-63).

² Речь идет о хане Кубрате, который в 632 году объединил разрозненные болгарские племена и основал Великую Болгию.

³ АК – Гарши. Гашки - одно из общих названий адыгов (черкесов), впервые упоминается в хеттских клинописях середины II тыс. до н.э. – «гашка», «кашка», «каска», в византийских источниках – касахи, касаги, в армянских – гаши, гашк, в грузинских – кашаги, в арабских - кашаки, в русских – касоги.

⁴ Ш.Д. Инал-ипа название «Кут» сопоставляет с древнеабхазским родовым именем Киут, представители которого проживают и ныне в Абхазии (Инал-ипа 1976: 214).

⁵ Сваны – один из древних народов Кавказа картвельской языковой семьи, проживавший в верховьях Риона и Цхенис-цкали. Сваны отделились от картвельской языковой семьи около XVIII в. до н.э. В настоящее время сваны, как и мегрэлы, находятся в процессе ассимиляции с грузинами, но все еще сохраняют свой язык и этническую идентичность.

⁶ Р – (город) Питиунт. П. Патканов в своем издании источника термин «Писинун» произвольно заменяет на «город Питиунт». Писин(ун) оригинала «Ашхарацуйца», несомненно, это абхазское название Абхазии – А-псны, буквально – «Страна апсов», где «ны» – «страна» (см.: Бутба 2005: 68).

Авазов¹, которые суть Апшилы² и Апхазы³, [проживающие] до своего приморского города Севастополь⁴ и далее до реки, именуемой Дракон⁵, что означает Вишап, которая течет из Алании⁶ и отделяет [страну] Апхазов от страны Егр⁷.

И [Азиатская Сарматия] имеет сорок шесть этно-территории.

¹ Авазы//абазы//абазги – греко-латинское название древних абхазов (самоназвание – апсуа), откуда вследствие метатезы (абазы-абазги-абазхи-абхазы) происходит арабское, грузинское, армянское, русское – абхазы//апхазы, Абхазия.

² ММ №1898, Р – апшель. Название апсил (апшил) происходит от самоназвания абхазов – апсуа//апшьюа, где суффикс «иil» сопоставляется с хатским суффиксом происхождения «ил». Впервые упоминаются в ассирийских источниках второй половины II тыс. до н.э. под названием абешла, в античных источниках – апшилы, в грузинских, армянских – апшилы. В научной литературе существует мнение, что эпонимом апсуа (абазов//абхазов) является Апсирт – один из главных героев мифа об аргонавтах, сын колхидского царя Аэта, имя которого впервые было засвидетельствовано Софоклом и Ферекидом в V в. до н.э. (Ельницкий 1938: 315).

³ См. комм. 24.

⁴ Г. Севастополь располагался на территории современного г. Сухум.

⁵ Река Дракон (Вишап) «Ашхарацуйца», служившая границей между Абхазией и Егр (Лазика), отождествляется с современной рекой Цхенис-цкали и нижнем течением Риона (Пасиса) от места впадения в нее Цхенис-цкали до моря (см.: Гумба 2016).

⁶ В данном отрывке «Ашхарацуйца» термин «Алания» охватывает и земли к югу от Главного Кавказского хребта. Это связано с тем, что в 50-х годах VI века византийцы передали Западно-Аланскому объединению абхазскую крепость Бухлоон (соврем. Пахулан) на берегу срединного течения Ингурата. С этого времени на территорию, лежавшую между Главным Кавказским и Эгриским хребтами, т.е. верховья Ингурата и Цхенис-цкали, распространяется политическое влияние Западно-Аланского объединения, в связи с чем, в «Ашхарацуйце» она именуется «Аланией». Такое положение продолжалось с середины VI века до завоевания данной территории абхазским царем Леоном I и включения ее в состав Абхазского царства, имевшем место на рубеже VII-VIII вв. (см.: Гумба 2016).

⁷ Страна Егр, Эгриси – грузинских, Лазика – греко-латинских источников. Егры (мегрэлы, лазы) – один из древних кавказских народов, относятся к мегрело-лазской группе картвельской (грузинской) языковой семьи. Выделение мегрельского языка из пракартвельской языковой семьи произошло в VIII в. до н.э. К настоящему времени большая часть мегрелов уже ассимилировалась с грузинами, но все еще сохраняет свою этническую идентичность и язык.

На севере около Неизвестной страны¹ по соседству живут Царские Сарматы и Конееды². А у устья реки Танаис живут Нахчаматеаны³, и другой народы, которые Кларджы⁴, затем Орджлакеры⁵, затем Сираки⁶, затем область Митродетене⁷.

¹ Здесь автор «Ашхарацуйца» вновь возвращает читателя к берегам Дона и Азовского моря и заново начинает описание Азиатской Сарматии с запада на восток.

² Следуя за Птолемеем, армянский автор с именем сармат связывает такие традиционные эпитеты, характеризовавшие древних скифов, как «царские» и «конееды». Очевидно, что сведения о сарматах, которые дает Птолемей, относятся ко второй половине I тысячелетия до н. э., когда этот народ населял обширные степные и равнинные районы юго-восточной части Европы.

³ АА – Нахчаматеаны. Термин «Нахчаматеанк» («Нахчаматеанк») состоит из двух компонентов – нахча и мат, с прибавлением свойственного древнеармянскому языку окончания множественного числа еанк. «Нахча» («нахча») К.П. Патканов (Патканов 1877: 86, ком. 135), С.Т. Еремян (Еремян 1973: 265) и др. справедливо сопоставили с самоназванием чеченцев – нохчо (нохчу); компонент мат в нахских языках имеет широкое распространение и употребляется в различных значениях (язык, земля, страна, место). Нахча состоит из компонента нах, являющееся первоначальной формой термина и означающее на нахских (чеченском, ингушском и бацбийском) языках – люди и суффикса – чуо//чи (Виноградов, Чокаев 1966: 73; Ахмадов 2001: 247-248). Кроме того, в научной литературе высказано мнение о возможной связи нах с шумерским терминомnak, означавшее принадлежность к руководящей группе населения (Сигаури 2016: 224). Видимо, наряду с нахчаматеанк, в «Ашхарацуйце» нашла отражение также и первоначальная, общенахская форма термина – нах/нак – нахаматеан.

⁴ ММ №1898 – нет упоминания кларджов. Клардж – другое наименование адыгского племени *псессиев* Птолемея [V, 8, 12], которые размещаются в долине срединного течения реки Кубань (Псыж) (Еремян 1973: 261; Гумба 2017: 20–21).

⁵ Ворджлакеры – дословный перевод «фтирофаги» («вшеееды») античных источников. Локализуются в верховьях Кубани и Теберды, а также на южных склонах Главного Кавказа, в северо-восточной части Абхазии, в верховьях реки Кодор. Отождествляются с древнеабхазским племенем миссимами (мысмыма) (Турчанинов 1946: 401; Инал-ипа 1976: 226–231).

⁶ Сираки – крупное племенное объединение, в состав которого входили ираноязычные и адыгские племена, существовавшее на Северо-Западном Кавказе во второй половине I тысячелетия до н. э. Сиракское объединение охватывало территорию от Азовского побережья на западе до срединного течения реки Кумы на востоке, где с востока и северо-востока соприкасалось с пределами расселения аорсов

⁷ S – Мидосдесен. Р – Митрикаци. Данное название связано с именем

К востоку от Керавнийских гор до реки, именуемой Ра¹, живут воинственные женщины Амазоны².

[Река Ра] берет начало на севере в Неизвестной стране двумя истоками, которые потом соединяются; затем, достигнув Гиппийский гор, выделяет из себя рукав к реке Танаис, который течет в море Меотис. Другой рукав поворачивает на восток и течет напротив Керавнийских гор, где с ним сливаются, текущие с востока две реки, берущие начало на севере, с горы, называемой Римика³, и превращают ее в реку с семьюдесятью рукавами, которую турки называют Атл⁴. В которой находится остров, куда вошли и укрепились народ Баслов⁵ [спасаясь] от могучего народа Хазир⁶ и кочевников Бушхов⁷, приходящих сюда зимовать с востока и запада. [Остров] называется Черным, потому что он кажется черным от множества Баслов, населяющих его вместе со своими стадами. Этот остров Пто-

Понтийского царя Митридата III Евпатора (111–63 гг. до н.э.), под которым следует понимать юго-восточную часть Азовского (Меотийского) побережья – Таманский полуостров и прилегающие к нему земли на востоке, входившие в состав Понтийского царства.

¹ Река Волга

² Локализация амазонок на северо-востоке Кавказа восходит к античной традиции, согласно которой данное племя занимало территорию севернее Кавказской Албании, на северо-востоке Керавнийских (Андиjsких) гор.

³ в данном фрагменте «Ашхарацуйца» описана вся Азиатская Сарматия (от реки Дон и Азовского побережья на западе до реки Волги и Каспийского побережья на востоке) и отражена этнополитическая карта Северного Кавказа второй половины I тысячелетия до н. э. Перечисленные в данном отрывке племена – кларджы (псессии), фтейрофаги, сирахи, область Митридатеан, нахаматеаны (нахаматеаны), амазонки, в источнике ошибочно перемещены на север, к устью Дона, но на самом деле они имели надежную локализацию в районах Северного Кавказа (см. Гумба 2017: 20-25).

⁴ У Евстафия в «Объяснениях к «Одиссеи» Гомера» встречается река Римм в Скифии, к востоку от нижней Волги, которая соответствует современным рекам Большой или Малый Узень.

⁵ Тюркское название реки Волга. Чуваши и поныне называют р. Волга – Атыл (Итиль).

⁶ Должно быть тюркское племя барсылы.

⁷ Речь идет о раннесредневековом Хазарском царстве на Северном Кавказе.

⁷ Бушх, бутк – наименование башкиров в раннем средневековье или баджгуры – в арабских источниках (см.: Артамонов 1962: 234 – 235).

лемей называет Грав.

Рукава реки Атл за островом снова соединяются и впадают в Каспийское море, отделяя Сарматию от страны Скифии.

К западу от них [рукав Атла], как говорит Птолемей, живут племена Адон, Аландан, Сондас и Геруа на берегах соименных рек⁸, которые текут с Кавказа в море до границ Албании.

С запада на восток Сарматия⁹ населена таким образом: вначале Аланы Ашдигоры¹⁰, на юге от них рядом живут Хебуры¹¹

⁸ В научной литературе предположительно Адон сопоставляется с рекой Кума, Аландан – с нижним течением реки Тerek, Сондас – с нижним течением Аварского Койсу, Геруа – с рекой Самур.

⁹ Армянский географ снова возвращает читателя на запад и с верховьев Кубани вновь начинает описание Центрального и Восточного Кавказа, где уже представлена этнополитическая карта V–VII вв. н.э. При этом, представленная в «Ашхарацуйце» этнополитическая карта раннесредневекового периода делится, в свою очередь, на три пласта (см.: 18].

¹⁰ ММ №1898 – Аш-дигор. S – Аштигор. Речь идет о Западно-аланском объединении раннего средневековья, которое охватывало территорию западной части Центрального Кавказа – верховья Кубани, Пятигорья и Балкарии. Данное политическое объединение, называемое армянским географом собирательным именем Аланы, состояло из ашов (асов), относимым к ираноязычным племенам, и нахских дигоров. В «Ашхарацуйце» передано существовавшие к тому времени параллельные названия этого объединения – «Аланы» и «Аш-Дигоры». Оба термины равнозначны и применяются в источнике в собирательном, политическом смысле, для обозначения политического объединения племен западной части Центрального Кавказа в раннем средневековье. При этом, говоря об этническом тождестве этих терминов, следует подчеркнуть, что речь идет не об этническом тождестве алан, ашов (асов) и дигор, а об употреблении этнонимов «алан», «ашы» («асы») и «дигор» в качестве политических терминов, для обозначения Западно-аланского политического объединения (см.: Гумба 2007: 228 – 229).

¹¹ ММ № 2370 – Хебури. Отождествляются с хевсурами, локализуемые восточнее Дарьальского ущелья (Патканов 1883: Кузнецов 2000: 75).

и Кутеты¹ и Аргуелы² и Мардойлы³ и Такойры⁴.

И Аланы [живут] за дигорами⁵, в стране Ардоз⁶ Кавказских гор, откуда течет река Армна⁷, которая, направляясь через безбрежные равнины на север, соединяется с рекой Атл.

¹ ММ № 1898 – Гутдety. А – Кудеты. Сопоставляются с названием кудар, сохраненное в имени современных осетин кударцев. Локализуются севернее истоков Квирилы и верховья Джеджоры (Еремян 1973, 265; Кузнецов 2000, 75). Однако нельзя исключать и повторное упоминание кутов (см.: комм. 21).

² ММ № 1898 – Аргаветы. АК – «Аргуелы, которые Мардуелы». Нельзя путать с областью Аргвети между Лихским хребтом и рекой Квирила с центром в Шоропани. В данном случае, речь идет о нахских аргуелах, населявших районы Центрального Кавказа (см.: Кузнецов 1984: 149; Кузнецов 2000, 177; Гумба 2007, 230).

³ А – Маргойлы». Р – Марголы. «Мардойл» (Маргойл) сопоставляется с областью Аргвети, лежавшей между Квирилой и Лихским хребтом, которая была известна также как Маргвили. Однако, данное сопоставление не может быть принято, поскольку область Аргвети (или Маргвети) на берегах реки Квирила упоминается в «Ашхарацуйце» как часть Картли (Грузии). Кроме того, не исключено, что здесь имеем название «Мардойлы».

⁴ А – Такои. Р – Такоци. АК – «Скюмы, которые Такойр». Такойр «Ашхарацуйца» сопоставляется с областью Таквор древнегрузинских источников, которая лежала между подножием Лечхумского хребта и р. Риони. Данную область сваны называли Ле-чхуми, откуда и греческое Скюмия. Согласно С.Т. Еремян Такойр (Таквор) и Сюмия (Скюмия) являются разными названиями одной и той же области и армянский географ передает, бытовавшие в раннем средневековье оба названия (Еремян 1973: 262).

⁵ Речь идет о той части нахских дигоров, которая не входила в состав как Западно-Аланского, так и Восточно-Аланского объединения. Локализуются в Дигорском ущелье, в бассейнах рек Уруха и Черека (Гумба 2007, 229).

⁶ А – Аргоз. Р – Аргоз. «Аланы... в стране Ардоз» – Восточно-Аланское объединение, занимавшее низменность, орошающую Тереком, до его поворота на северо-восток ниже впадения р. Сунжи, а также предгорные части Кавказа (Гадло 1979: 165; Кузнецов 2000, 170, 176; Гумба 2007, 230). Армянский географ передает параллельно существовавшие названия этого объединения – «Аланское» и «Ардозское» (или «Аргозское»).

⁷ Сопоставляется с рекой Терек. Ср. также с названием притока Терека – Армхи (Арм-хи)

За народом Ардоз¹, в тех же горах, живут Дачаны², Пинчы³, Дуалы⁴, Цхойн⁵, Хоны⁶, Апури⁷ и Цанары⁸, у которых находятся Аланские ворота⁹, как и другие ворота, называемые Цикен¹⁰,

¹ «Народ Ардоз» (Аргоз) – население Восточно-Аланского объединения.

² А – Гачаны. Опираясь на существующую в Грузии фамилию Дочанишвили, Г.А. Меликишвили полагает, что дачаны одно из небольших горских племен, слившееся позднее с грузинами (Меликишвили 1959: 294). Учитывая схожесть написания армянских букв Դ (Р) и Շ (Д), С.Т. Еремян восстанавливает данный термин как Рачан (Շաճի – Շաճին) (Еремян 1973: 268), что вполне вероятно. Поэтому не исключено, что в данном случае речь идет об области Рачия в верховьях Риона.

³ С.Т. Еремян восстанавливает как Писинч и сопоставляет с названием местности Бисинги (Еремян 1973: 268).

⁴ Относимые к нахским племенам дуалы//туалы занимали территорию по обе стороны Главного Кавказского хребта: между верховьями рек Роини и Ксани, бассейны рек Б. и М. Лиахви до области Ачабет – на южных и весь Наро-Мамисонский регион на северных предгорьях Главного Кавказа. Туалы//дуалы впервые упоминаются в ассирийских источниках в конце II тыс. до н.э. среди племен Наири-Урарту (Меликишвили 1954: 169).

⁵ V – Цхой. AA – Цхоймы. Схимар византийских авторов, то же, что Ле-чхуми или Таквор – область на северном склоне Рачинского хребта (Еремян 1973: 269; Гумба 2007, 231).

⁶ MM № 1898 – хоины; Р – hon. Речь идет о нахских хонах Центрального Кавказа. Согласно древнегрузинским источникам (Мокцевай Картлисай 1963: 65; Обращение Грузии 1989: 23) нахские хоны являлись древнейшим автохтонным населением Картли до переселения сюда грузинских племен (см.: Гумба 2017, 124 и далее).

⁷ MM № 1898, Р – Воспурсы. MM № 1459 – Апулы. S – Апурка. AK – Пурка-цанарка. С.Т. Еремян восстанавливает данный термин как Авсур (овсы//осы) (Еремян 1973: 269).

⁸ S – Цануркай. A – Цаноры. AK – Цанарка. Цанары отождествляются с нахскими племенами. В «Ашхарацуйце» отражен период существования Цанарского княжества, которое охватывало территорию от Циканских (Цилканских) ворот у населенного пункта Жинвали на юге до севернее Дарьальских ворот у ст. Ларс на севере. Термин употреблен в источнике в политическом смысле и включает в себя нахские племена, проживавших на указанной территории.

⁹ Дарьальские ворота.

¹⁰ MM № 1898 – Цакан. MM № 1459 – Цикан. MM № 1267 – Цекан. MM № 2370 – Цикеан. AA – целклан. Циканские (Цилканские) ворота, соответствующие южным Сарматским воротам Птолемея, известны также как Дурдзукские, Дарубал, находились в районе слияния Гудамакарской и Пшавской Арагви, недалеко от местности Жинвали и служила пограничной линией, разделявшей Азиатскую Сарматию от Картли. В позднеантенный и раннесредневековый

соименного племени. Затем Туши¹ и Хужи² и Кисты³ и Людоеды⁴, затем Цхаваты⁵, затем Гудамакары⁶, затем Дурцки⁷, затем

периоды служила границей между картвельскими и нахскими этносами (Гумба 2017: 153-164). Нахские циканы (цилканы) проживали по ущелью Арагви – от Ананури до Жинвали. Территория расселения цилкан (цикан), в более ранние периоды простиравалась, видимо, намного южнее, так как, древнегрузинским источникам в этих местах известны Цилканские горы, Цилканская дорога (Летопись Картли 1982: 74-75).

¹ А – Туши. С – Дудзи. Нахские племена туши занимали территорию верховья Алазани и Иори, примыкая на северо-западе к хонам, а также верховья Аварское Койсу. Часть из них ассимилировалась с грузинами, но цова-туши до сих пор сохраняют свою нахскую идентичность.

² ММ № 1898 – Хуши. С.Т. Еремян термин хужи восстанавливает как хундзы (Еремян 1973: 270). Хундзы дагестанская народность аваро-андо-цеэской группы, проживали к востоку от тушин, на той стороне Главного Кавказа, в верховьях Аварского Койсу.

³ ММ № 1898 – Кизти. С – Кисти людоеды. Р – Кусты. Кисты отождествляются с нахскими кистинами. В грузинских источниках термин «кистини» имел собирательный смысл, употребляясь в обозначении всех чеченцев и ингушей, а позднее – жителей Армхинской (Джейрахавской) долины, а река Армхи по грузинский носит название Кистинки (Шавхелишвили 1963: 39). Учитывая, что в данном абзаце названы также дурдзуки – другое общее грузинское название нахов, правомерным будет предположить, что в «Ашхарацуйца» термин «кистини» употребляется в обозначении нахского населения, проживавшее в горах от Дарьальского ущелья до Дагестана.

⁴ «Людоеды» «Ашхарацуйца» сопоставляются андропафагами Геродота, амадоками («употребляющие сырое мясо») Птолемея (Еремян 1973, 270]. Несомненно, прозвище «людоеды» античных авторов, у последних его заимствовал и армянский географ, возникло на основе греческой этимологии какого-то кавказского этнонима.

⁵ ММ № 1459 – Цоваты. Цхават «Ашхарацуйца» проявляет очевиднее сходство с названием местности Цхавати недалеко от Чарталети в верховьях Арагви. В.Б. Виноградов и К.З. Чокаев сопоставляют Цхават с местностью Цовата в Горной Тушетии (Виноградов, Чокаев 1966: 71-73).

⁶ ММ № 1898 – Гундамакары. Гудамакары – нахское население долины Гудамакарской Арагви (см.: Гумба 2017: 69-70).

⁷ № 1267,- Дуйчики. ММ № 1898, А – Дуйцуки. АА – Дурзки. Дурдзуки – одно из общих названий нахов. В древнегрузинских источниках термином Дурдзук обозначается нахское население центральной части Кавказа. Однако, в данном пласте «Ашхарацуйца» горная часть между Дагестаном и Дарьальским ущельем обозначается термином Кистини. В связи с чем, есть основание полагать, что, термин «дурцк» (дурдзук) армянский географ употребляет для обозначения Восточно-Аланского объединения (Ардоз).

Дидойцы¹, затем Леки², затем Тапотараны³, затем Алутаканы⁴, затем Хенавы⁵, затем Шилпы⁶, затем Чилбы⁷, затем Похи⁸, затем Хелпы⁹, затем Каспы¹⁰.

Затем Кавказ делится на два хребта: один тянется прямо в направлении¹¹ [где живут] народы Шрван¹² и Хсруан¹³ до Хорсвем¹⁴; из другого хребта, который тянется на северо-восток¹⁵, берет начало некий приток реки Арм, которая течет прямо на

¹ S – Дидоки. Р – Диодци. Дидойцы – дагестанская народность аваро-андо-цезской группы, проживавшая в верховьях Андийского Койсу.

² Обычно соотносят с общим грузинским названием дагестанцев леги, однаково в «Ашхарацуйце» данный термин, скорее всего, обозначает одного из дагестанских народов – лакцев. Лакцы занимают центральную часть нагорного Дагестана от Цудахара по бассейну реки Кази-Кумухского Койсу до ее верховьев.

³ ММ № 1898 – Катапастаканы, А – Тапаставаны.

⁴ ММ № 1898 – Алутаны.

⁵ ММ № 1898 – Хенавты. ММ № 1267 – Хенуки. Сопоставляется с местностью Хнов в ущелье реки Ахтичай, притока Самура.

⁶ Р – Шилаи. Сопоставляется с местностью Шилда в Кахетии (Еремян 1963:73).

⁷ Локализуются на южных предгорьях юго-восточной оконечности Главного Кавказского хребта на территории расселения цахуров-йыхбов (Гаджиев 2000: 168; см. также: Семенов 2006: 3-8).

⁸ S – Пик. А – Пух. Наименование нахских пшавов и хевсур.

⁹ Ближе не известно

¹⁰ Некогда большое племя, от имени которого происходит название Каспийского моря и страны Каспия на западном побережье Каспийского моря в античный период. Но по «Ашхарацуйцу» каспы занимают территорию к югу от реки Самура.

¹¹ Речь идет о юго-восточной части Главного Кавказского хребта

¹² А, Р – Шруан. Ширван – территория, лежавшая между реками Шабранчай и Гильгильчай. С VI века здесь упоминается феодальное княжество Ширван, правители которой носили титул «Шарваншах».

¹³ А, Р – Хараны. Территория, лежавшая между реками Гильгильчай и Сумгайт. В начале VI века здесь возникает отдельное феодальное княжество с центром Хайзан. Правители княжества носили титул «Хурсаншах».

¹⁴ Так назывались крепостные стены на левом берегу Гильгильчая, служившие границей между Ширваном и Хсруаном (Еремян 1973: 272).

¹⁵ Андийский хребет

север и впадает в Атл. Здесь живут Таваспары¹, Хечматаки², Ижмахи³, Пасхи, Пусхи⁴, Пюканаки⁵, Баганы⁶, откуда берет начало длинная стена, именуемая Абзуд-Кават⁷, [которая тянется] до болот Алгминон⁸ и до моря.

К северу от них, на поле Варданиан⁹ живет народ Маскутов¹⁰ до Каспийского моря, где заканчивается, тянувшийся с Кавказа горный хребет и где сооружена стена Дарбанда, т.е. замок и ворота города-сторожа Чора¹¹, возведенная в море великая твердыня.

К северу от него [Дарбанда] на морском побережье находится царство гуннов¹², а к западу от них, в Кавказских горах,

¹ Табасараны – дагестанский народ лезгинской группы.

² Ориентировочная локализуется к югу от реки Самур. Артамонов сопоставляет с хасманданами арабских источников (Артамонов 1962: 58).

³ Сопоставляется с небольшой народностью акуша в восточном Дагестане, говорящей на особом наречии даргинского языка. Селение Акуша расположено в 133 км к юго-западу от Махачкалы на реке Акуша (приток Казикумухского Койсу). Ижмахи (ижкамахи) связывают также с названием Шамахи (Шемахи) (Гейбулаев 1991: 71, 72).

⁴ Р – Похи. А – Косхи. Пасхи//Пусхи, одно из общих наименований нахского племени пшавов. Древнегрузинское название хевсур – пхи//пхеви также восходит к названию пасх//пусх (Еемян 1973: 272). По-видимому, в раннем средневековье название «пасх//пусх» было общим наименованием нахских пшавов и хевсур.

⁵ Р – Пиконак. А – Поканак. Ближе не известно.

⁶ ММ № 1898 – Пайканы, А, С – Баканы. С.Т. Еремян, восстанавливает термин как Базкан и сопоставляет с равниной Базгун (Базкан) раннесредневековых авторов, лежавшей от Апшеронского полуострова до Шемахи (Еремян 1973: 272).

⁷ Речь, вероятно, идет о стене, возведенной в конце V – начале VI в. и, которая пролегала от Кавказского хребта до Каспийского моря между реками Воливеличай и Шабранчай.

⁸ С – Алгминсн. Современный лиман Агзибир

⁹ «Поле Вардан» – область в стране Маскутов к югу от Дербента.

¹⁰ Маскуты – ираноязычное племя, проживавшее на берегу Каспийского моря к югу от Дербенда.

¹¹ Чора – то же, что и Дербент

¹² Гуннское царство в V–VI вв. на Каспийском побережье к северу от Дербента.

расположен город гунов Варачан¹ и Чунгар² и Мсындр³.

К востоку от них до реки Атл живут савиры⁴. Эта река [Атл] отделяет Азиатскую Сарматию от страны Скифия, которая Апахтар⁵, т.е. Туркастан⁶. Царь у них Хакан, а царица, жена хакана, Хатун, из народа Басилов⁷.

¹ В научной литературе местоположение столицы гуннского царства Варачан сопоставляют: с местностью Кафир-Кумух рядом с нынешним Буйнакском (Еремян 1973: 273); с городищем Уртеки в Дахадаевском районе Дагестана (Котович 1974: 191-196); с городищем Шах-Сенгер, расположенным в 36 км. к северу от Дербента (Гаджиев 2000: 29-35).

² Р – Чундар. Чунгар – название древнего поселения, позднее известное как Эндери в Хасавюртовском районе Дагестана (Еремян 1973: 274). Название древнего поселения Чунгар связано, очевидно, с именем нахского тейпа Чунгар.

³ С.Т. Еремян называет Мсындр восстановливает как Смындр (Еремян 1973: 271). Смындр (Семендер) чаще всего отождествляют с более поздним городом Тарки (ныне одноимённое село близ Махачкалы). Согласно другой точке зрения, он мог находиться в низовьях Терека у современного Кизляра.

⁴ Родственные гуннам тюркские племена, которые вышли из Западной Сибири в VI веке и, оттеснив гуннов, заняли их места (Артамонов 1962: 64-78).

⁵ Апахтар на пехлевийском языке означает «север» и соответствует греческому «гиперборея».

⁶ Туркастан охватывал территорию соврем. Северного Казахстана (Гумилев 1967: 26).

⁷ См. комм. 42.

Литература

1. Абраамян А.Г. Об авторстве «Ашхарацуйца», приписываемому Хоренаци. Ереван, 1940 (на арм. яз.)
2. Абраамян А.Г. Труды Анания Ширакаци. Ереван, 1944 (на арм. яз.)
3. Акопян А.А. «Ашхарацуйц» Анонима VII века. Научно-критический текст. Ереван-Вена: Фонд Г. Кюльпенкяна, 2015. С. 35–104 (на арм. яз.)
4. Анания Ширакаци. Избранные труды. Ереван, 1979.
5. Арутюнян А.Ж. К вопросу о содержании «Ашхарацуйца». Вестник общественных наук. № 3. Ереван, 216. С. 108-115 (на арм. яз.).
6. Арутюнян Б.А. «Ашхарацуйц» и проблема четырех Армений. Часть I. Ереван, 1997 (на арм. яз.);
7. Арутюнян Б.А. ТERRITORIALLY-ADMINISTRATIVE деление Великой Армении по «Ашхарацуйцу». Ереван, 2001 (на арм. яз.).
8. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962
9. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2001.
10. Бгажба О.Х. Так где же все таки находился Сотириуполис Константина Богрянародного // Абхазоведение, вып. V–VI. Сухум, 2011.
11. Бутба В.Ф. Труды. Сухум, 2005.
12. Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. Известия ЧИНИИ. Грозный, 1966. Т. 7. Вып. 1.
13. Воронов Ю.Н. К локализации Никописса // XV Крупновские чтения. Махачкала, 1988.
14. Гаджиев М.С. Миссия епископа Исаакия и вопросы исторической географии Кавказской Албании // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Сб. ст. М., 2000.
15. Гаджиев М.С. О местоположении Варачана // РА. № 2. М., 1995
16. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа в IV–X вв. Л. 1979.

17. Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев (историко-этнографическое исследование). Баку, 1991
18. Гумба Г.Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли (Иберия) // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001 г. Сухум, 2004.
19. Гумба Г.Д. Еще раз о восточной границе Абхазии в раннем средневековье // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Выпуск X. Сухум, 2016. С. 54 – 62.
20. Гумба Г.Д. Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуйцу» // Вестник АН Абхазии, № 2. Сухум, 2007. С. 225 – 241.
21. Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тыс. до н.э.). М. 2017. 2-е изд., дополненное.
22. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М. 1967.
23. Даниелян Е.Л. Политическая история Армении и Армянская апостольская церковь в VI–VII вв. Ереван, 2000 (на арм. яз.).
24. Ельницкий Л.А. Из исторической этнографии древней Колхиды. ВДИ. 1938, № 2,
25. Еремян С.Т. Армения по «Ашхарацуйцу»-у (Армянской географии VII века) (Опыт реконструкции Армянской карты VII века на современной картографической основе). Ереван. Изд. АН АССР, 1963 (на арм. яз.).
26. Еремян С.Т. Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйца» // Историко-философский журнал. Ереван, 1973. № 2 (на арм. яз.).
27. Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум, 1976.
28. Картлис цховреба (История Грузии). Грузинский текст, установленный по всем основным рукописям С.Г. Каухчишвили. Тб., 1955.
29. Котович В.Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала, 1974
30. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.

31. Кузнецов В.А. Аланы и асы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации) // «Древности Северного Кавказа». М., 2000.
32. Летопись Картли. Тбилиси, 1982.
33. Манандян Я.А. Кем и когда составлена «Армянская география» VII века, приписываемая Моисею Хоренскому. Византийский временник, т. I (XXVI).
34. Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954.
35. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959
36. Мокцевай Картлисай // Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Кн. I. Тб., 1963 (на груз. яз.).
37. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. (Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана). Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М., 1979.
38. Обращение Грузии / Перевод с древнегрузинского Е. С. Такайшвили. Редакционная обработка, исследование и комментарии М. С. Чхартишвили. Тб., 1989.
39. Патканов К.П. Армянская география VII века по Р. Х. (приписываемой Моисею Хоренскому). СПб., 1877.
40. Патканов К.П. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП, 1883, март. Ч. 226.
41. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний старший. М., 2011.
42. Семенов И.Г. О локализации лпинов и чилбов. Вестник института ИАЭ. 2006. № 3.
43. Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса в 2-х тт. Т. I. По данным лингвистики. М., 2016.
44. Турчанинов Г.Ф. Phteirophagoi писателей классической древности // Иберийско-кавказское языкознание. Т. 1. Тбилиси, 1946.
45. Халилов Т.Ш. Представления о Рипейских горах в древнегреческой и индopersидской литературе. Вестник международной академии наук (русская секция). М., 2020, 1.
46. Шавхелишвили И.А. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963.

47. Jean-Antoine Saint-Martin. «Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie», suivis du texte Armenien de l'histoire des princes Orphélians. Paris, 1819, pp. 301–394.
48. Marquart J. Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Berlin, 1901.
49. Соукри Гéographie de Moïse de Corène d>après Ptolémée. Texte Arménien, traduit en français par le P. Arsène Soukry Mékhitariste, Venise, 1881.
50. Hewsen R.H. The Geography of Ananias of Sirak (Asxaracoiz). The Long and the Short Recensions. Introduction, Translation and Commentary by Robert H. Hewsen. Wiesbaden, 1992.

ИСТОРИЯ АБХАЗСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО УЧАСТКА ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

«Великий торговый путь», – так назвал Великий шелковый путь Л.Н. Гумилев и был совершенно прав, поскольку соединивший восток и запад самой протяженной, длинной магистралью, путь объединил духовно и материально народы по обе стороны материка. Название «Шелковый путь» – Seidenstrassen впервые ввел в научный обиход немецкий ученый Фердинанд Фрайхерр фон Рихтгофен в 1877 г. в своем классическом труде «Китай». И это полностью оправданно, ибо именно шелк, как отметил другой немецкий ученый Альберт Херманн, был основным товаром, познакомившим в конце II в. до н.э. два разных мира – Запад и Восток, соединив эти части света на протяжении свыше 7000 км. Проще сказать, это понятие появилось для «обозначения грандиозной по масштабам древнего мира торговой магистрали, а точнее, целой сети маршрутов, которые связали – к рубежу старой и новой эры уже относительно стабильно – родину шелка, Китай, с Ближним Востоком и с «Западом», странами Восточного Средиземноморья (Римом, позже Византией, Египтом, Сирией)» (Иерусалимская, 1992. С. 3).

Однозначно, значение Шелкового пути велико. Он видоизменялся время от времени под воздействием различных обстоятельств. Благодаря ему осуществлялась связь между разными народами, странами, представлявшими разные цивилизации и социально-экономические уклады жизни разных народов.

Само понимание этого пути как торгового указывает, что он был на много проильнее, чем просто шелковый. По нему проходили караваны не только с различными восточными и западными товарами, но проникали духовные ценности и религиозные идеи. По нему перевозились различные вещи.

Восточные купцы перевозили разнообразные товары. С Востока (из Китая, Центральной и Средней Азии) на Запад через западные северокавказские перевалы транспортировались: 1) шелковые ткани; 2) ткани из рами с хлопком – пять видов; 3) шелк – сырец; 4) дальневосточные океанские раковины – крупные, обычно перламутровые и каури (Прокопенко, 2017. С. 80). Долгое время шелковая ткань оставалась чрезвычайно дорогой и редкой, и ее могли позволить себе только очень знатные люди. Она стала своего рода валютой, за которую можно было купить что угодно. Неслучайно: «На посреднической торговле шелком персы получали большие доходы. Для империи получение этого товара из их рук приводило к экономической зависимости, к необходимости подчиняться назначаемым на него ценам» (Пигулевская, 1947. С. 187).

Между тем, безусловной заслугой Шелкового пути стала тенденция на сближение культур народов, которая происходила в результате регулярно осуществлявшихся торговых и других контактов. Происходила постепенная диффузия культурных ценностей разных народов по всему Шелковому пути. Шелковый путь стимулировал распространению производства инноваций на всем его протяжении. По нему осуществлялось взаимное обогащение культурными достижениями между народами. Народы получали новые знания, идеи, технологии.

Небезынтересны для нас будут причины появления китайского импорта у населения Евразии. В частности, «рассуждая о начале функционирования Шелкового пути, Ли Джи Ын верно приводит мысль о том, что на первом своем участке эта трасса не была собственно торговой артерией. По мнению Э. де ля Бессьера, торговля не являлась целью Китая. Вероятно, автор прав, утверждая, что движение китайских вещей происходило, главным образом, в политico-дипломатических и престижных целях» (Дударев, 2019. С. 58).

На основании археологических данных, источников древности и средневековья была предложена периодизация по истории Великого Шелкового пути: 1 период – III тыс. до н.э. – II в. до н.э.; 2 период – II в. до н.э. – IV в. н.э.; 3 период – V –

VIII вв. н.э. Далее еще были 4 и 5 периоды (Кобзева, Джалилов, 2013. С. 22-35).

Более всего нас же интересует 3 период, период функционирования Великого Шелкового пути в ранневизантийскую эпоху. В это время «китайские источники приводят названия трех дорог Северной, Средней и Южной, которые вели из Китая в Западный край. Так, Северная дорога проходила в конце VI – начале VII вв. через Хами (Восточный Туркестан), озеро Баркуль, ставку тюркского кагана у озера Иссык-куль, степи Южного Казахстана, Поволжье, а затем, вероятно, через Северный Кавказ в Византию в Средиземное море» (Кобзева, Джалилов, 2013. С. 31).

Большинство исследователей (А.В. Гадло, В.А. Кузнецов, В.Б. Ковалевская, А.А. Иерусалимская, Б.Г. Гафуров, Ю.Н. Воронов, О.Х. Бгажба и др.) справедливо считают, что Великий шелковый путь ко времени Зимарха (миссия Маниаха и Зимарха (по Менандру) шел из Китая в Согдиану, а оттуда в обход Ирана и его сателлитов через плато Устюрт и Северный Прикаспий выходил на Северный Кавказ, в верховья Кубани, а потом перевальными путями к Черноморским портам Себастополису (совр. Сухум) и Фазису (совр. Поти) и далее в Константинополь (Бгажба, Лакоба, 2007. С. 111; Бгажба, 2003. С. 24).

В подтверждении этому мы находим значительное число находок шелка в Центрально-Предкавказском регионе, особенно в районе Верхнего Прикубанья. «Данный участок относится с территорией западной Алании, крупного христианского государства раннего средневековья, активно участвовавшего в международной торговле» (Дмитриев, 2016. С. 40).

Несомненно, положенное начало во второй половине VI в. новой северокавказской трассы Великого шелкового пути имело большое значение в социально-экономическом развитии народов бассейна верхней Кубани. «Она оказала огромное влияние на экономическое развитие и военно-политическое положение верхнекубанской Западной Алании» (Кузнецов, 2010. С. 216), что, в свою очередь, не могло не сказаться на сотрудничестве между населением Абхазии и жителями Архыза, Теберды и верхней Кубани, располагавшими общими

экономическими интересами, включая и социальный аспект двухстороннего развития отношений.

Говоря об Абхазии, можно со всей очевидностью говорить о том, что данный регион Южного Кавказа был транзитным в международной торговле, имея связь с Северным Кавказом. Здесь в урочище Мощевая Балка у р. Лаба были найдены сирийские, согдийские и китайские шелка, золотоподобная латунь, а также уникальные материалы из села Хасаут близ Кисловодска. Шелковые ткани были привилегией верхушки общества и церкви. Поэтому: «Удивителен сам факт скопления высоко в горах, в глухих приперевальных ущельях Северного Кавказа, громадного количества привозных драгоценных шелков» (Иерусалимская, 1992. С. 3).

В то же время на юге, в Абхазии (совр. Цабал), в месте обитания древних абхазов – апсилов (более известных из письменных источников) на Цибилиумском могильнике на трассе Даринского пути (совр. Военно-Сухумская дорога) в одном из женских захоронений была обнаружена бусина с китайскими иероглифами, означающими «император» времен династии Суй (VI в.)¹ (Бгажба, Лакоба, 2007. С. 111). Именно на основании данных об импорте бус и шелков, как с одной стороны, из Китая и Средней Азии, так и с другой стороны, из Сирии, четко рисуется кавказский отрезок Великого шелкового пути (Ковалевская, 1984. С. 164).

Очевидно, кавказские перевальные пути сыграли объединяющую роль в образовании культурной общности между населением Абхазии и восточных районов горного Прикубанья на Северном Кавказе. Эта роль четко проявляется в археологических памятниках (посуда, вооружение, одежда, украшения), архитектурных сооружениях (крепости, храмы) и духовной культуре (нартский эпос, христианство) (Бгажба, Лакоба, 2007. С. 111; Бгажба, 2003. С. 24).

Таким образом, в конце VI–VII в Предкавказье там, где оно примыкает к перевалам, складывалась система упрощенной транспортировки товаров в труднодоступные места.

¹ Империя Суй – китайское государство, существовавшее в 581 – 618 годах и объединившее страну после продолжительного периода смуты. Осуществила ряд социально-экономических реформ и крупных строительных проектов.

Она включала: найм проводников; охрану караванов воинами местной знати; обеспечение продуктами питания людей и кормом выючных животных; теплый ночлег, по возможности, под крышей и т.д. За все это нужно было платить. Эту систему использовали как западные, так и восточные купцы, в том числе, выходцы из Китая (Прокопенко, 2017. С. 80).

Можно сказать, караванная торговля неизбежно создавала крупные торговые операции, которые производились в пограничных городах, на сезонных и годовых ярмарках; кражи и хитрости были обычным явлением и затрагивали интересы не только отдельных лиц, но и целых городов (Пигулевская, 1947. С.188).

Интересно заметить, в абхазском языке имеется древнее название верблюда – «амахч», хотя это животное в Абхазии не водилось. Слово состоит из двух частей: амаха – «лук» и ачи – «лошадь», т.е. дословно – «лошадь с лукой», что вполне может напоминать своими выступами два верблюжьих горба. Возможно, шелк доставляли на верблюдах к кавказским перевальным путям, а затем перекладывали на абхазских выючных лошадей (Бгажба, Лакоба, 2007. С. 111).

Следует отметить, «выдающееся торговое значение Кавказа в значительной мере и было причиной того, что он являлся яблоком раздора между Византией и Ираном» (Пигулевская, 1947. С. 196). В VI в. Абхазия была вовлечена в столкновение двух мировых держав – Византийской империи и Сасанидского Ирана. Византийцы пытались расширить свое присутствие и обеспечить безопасность транскавказского участка Великого шелкового пути сооружением ряда новых фортификаций и обновлением старых римских крепостей, прикрывающих перевалы и связывающих Абхазию с Аланией в VI–VIII вв. н.э. (Кармов, 2012. С. 106).

В это время из-за военного противостояния Византии с Персией, а позднее с Арабским халифатом, заработали три западнокавказских ответвления Великого шелкового пути («северный маршрут»). Одно из них, мы знаем, называлось дорогой миндимианов т.е. именем древнеабхазского народа мисимиан.

Часто Мисимианский путь сопоставляют с дорогами через Мамисонский перевал, через ущелье Ингурा и вдоль нынешней Военно-Сухумской дороги. В то время, как Даринский путь одни ведут через Клухорский перевал, другие – через Санчарский и т. д.

Между тем, идентификация Мисимианского пути тесно связана с проблемой локализации самих мисимиан (родственных апсилам) и их центров. Мисимианская крепость Бухлоон-Бу-колус находилась не в верховьях Кодора, как обычно принято считать, а в районе современного села Пахулан на правом берегу Ингурा (Западное Закавказье), где, по Агафию, в VI в. проходила граница между лазами и мисимианами. Менандр подчеркивал, что путь мисимианов следовал вблизи сванов, которые в VI в., согласно данным Прокопия Кесарийского, обитали восточнее мест их нынешнего пребывания. Поэтому логичнее всего Мисимианский путь локализовать в Ингурском ущелье (перевал Накра). Менандр, как видим, сохранил и конкретные указания на то, что Даринский путь проходил западнее Мисимианского и выводил прямо в Апсилию (Бгажба, Лакоба, 2007. С. 111; Бгажба, 2003. С. 24), т.е. в южную часть совр. Республики Абхазия.

Так, Великий шелковый путь был востребован до XV века. В результате многочисленных войн и вторжений сухопутный транзит из Китая в Европу фактически был заморожен. Османская империя взяла под контроль восточное Средиземноморье и монополизировала торговлю с Востоком. Европейские купцы проложили новую морскую дорогу на Восток, и древние караванные пути пришли в упадок.

Подводя итог, отметим, исходя из нынешней логики «восстановления» трансконтинентального транзитного торгового пути с его ответвлениями в сторону Западного Кавказа вполне может быть востребовано в современных условиях, ибо этот древний путь напрямую соединит Северный Кавказ и юг России с Черным морем, отсюда со всеми вытекающими экономическими и политическими последствиями.

Литература

1. Бгажба О.Х. Абхазия и Великий шелковый путь // Труды АГУ. Часть III. Сухум, 2003.
2. Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007.
3. Дмитриев В.А. Кавказские трассы Великого шелкового пути // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе. Ставрополь, 2016.
4. Дударев С.Л. К вопросу об изучении истории Великого шелкового пути (обобщая опыт отдельных исследователей) // Гуманитарные и юридические исследования. № 4. Ставрополь, 2019.
5. Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки. СПб., 1992.
6. Кармов Т.М. Хашупсинская крепость в контексте изучения раннесредневековых древностей Абхазии: проблемы и перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. II. Тамбов, 2012.
7. Кобзева О.П., Джалилов О.З. Страницы истории Великого шелкового пути: шелк, специи и чай. Ташкент, 2013.
8. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984.
9. Кузнецов В.А. О создании природно-ландшафтного и историко-археологического музея-заповедника федерального значения в верховьях Кубани // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Магас, 2010.
10. Пигулевская Н.В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V–VII вв. // Византийский Временник, том I (XXVI). М., 1947.
11. Прокопенко Ю.А. О номенклатуре товаров, транспортировавшихся китайскими купцами в города Византии по северной трассе Великого шелкового пути // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе. Ставрополь, 2017.

Рисунки

Караван ВШП (старинная гравюра)

Карта прохождения основных путей Великого шелкового пути.
Видно, как северный маршрут резко поворачивает на юг,
в сторону Северного Кавказа

Образец китайского шелка династии Хань

ГОРОД АКУА НА КАРТЕ БАТТИСТА АНЬЕЗА 1540 г.

Сухум – столица Республики Абхазия, один из древнейших городов мира, возраст которого насчитывает более 2500 лет.

За многие века город получил от мирных и не совсем мирных покорителей разные названия. С появлением древних греков во второй половине VI в. до н.э. на месте Сухума возник город-государства с греческим названием «Диоскуриас» (Страбон, 1890. С. 103) (*Διοσκουριάς* – Два близнеца), однако уже во II в. до н.э. город стал частью греческого Понтийского царства. В конце I в. до н.э. начало I в. н.э. в результате Римской-Понтийских войн, город стал частью Римской империи, и получил новое название «Себастополис» (Арриан, 1890. С. 222). (*Sebastopolis*). В эпоху Абхазского царства грузинских источниках город с XI в. фиксируется как «Цхум» (Еквтиме Атонели, 1986. С. 12).

С появлением Венецианской Республики, а позже Генуэзской в XIII в. на берегах Черного моря, город фиксируется под названием Саастополи¹, возможно, старое названием города как Себастополис эпохи Римского владычества немного в искаженном виде сохранилась в Европе и был отражена как в письменных, так и в средневековых картах, арабским летописцам город был известен как «Ал Анджас» (Ибн Сайд Ал-Магриби, 2009. С. 27), и как «Сухум» (Абу-л-Фида, 2009. С. 109).

С XVI в. с вхождением Абхазии в состав Османской империи за городом закрепилось название Сухум-Кале (Крепость Сухум). Сами абхазы свою столицу называют Акуа (*Akəa*), о происхождении и древность этого топонима нет единого мнения среди абхазских исследователей. По мнению М.М. Трапши «по-видимому, Акуа очень древнее название. Об этом свидетельствуют находки двух золотых статеров кол-

¹ Vesconte, Petrus. *Atlas de la Méditerranée et des côtesatlantiques de l'Europe. Gênes. 1320.* <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b550070918/f4.item.r=Vesconte,%20Petrus.zoom>. Национальная библиотека Франции.

хидской чеканки с подписью «Аку», относящихся к III в. до н.э. Д.Г. Капанадзе, транскрибируя греческую надпись этих статеров, как надпись: «Аки», опустил лабиализованный звук «О», тогда как на статерах, в действительности, греческой транскрипцией запечатлено «Ако» (в родительном падеже). Г.З. Шакирбай, обративший «впервые на это внимание, указывает, что греческое начертание надписи: «Ако» на статерах Лисимаха, должно быть передано не как «Аки», а как «Аку». Эти монеты древнее известных в настоящее время монет, выпускавшихся Диоскурией, ибо последние относятся к рубежу II–I вв. до н.э.» (Трапш, 1969. С. 217). Так же Трапш М.М. опираясь на мнение Шакирбай Г.З. писал; «минеральный серный источник», или по-абхазски азытқәа, т.е. тухлая (в смысле «серная») вода. Действительно, в ближайшем соседстве от города имеются два таких источника – минеральные серные источники в районе Сухума были, очевидно, известны и в древнее время» (Трапш, 1969 .С. 216). Исследователь Кварчия В.Е. связывает название города Акуа с рекой Хакыпста (Хәақьпста), и указывает «Хә-қәа букв. «сложенные камни», т.е. «крепость». В дальнейшем Хә-қәа в результате закономерной ассимиляции «х» пред «а» приобрело современную форму Ақәа» (Кварчия, 2006. С. 85). Исследователь и лингвист Чирикба В.А. так же указывает, что «топоним Ақәа (*Áqʷʷa*) ‘Сухум’ вполне надежно этимологизируется на абхазской почве как производное (с утратой начального х-) из *хá-қәа (*ḥá-qʷʷ*) ‘сложенные друг на друга камни’; так, возможно, обозначалась сложенная из камней крепость или форт...» (Чирикба, 2020. С. 135).

В абхазской историографии установилась мнение, будто абхазское название города Сухум Акуа не упоминается в истории до 1770 г., когда капитан-поручик Языков «сообщает о крепости Аку, ее начальнике, жителях, гарнизоне» (Кудрявцев, 1922. С. 151).

Однако, топоним Acua¹ (Акуа), можем встретить на карте средневекового картографа Баттиста Аньеза 1540 г.², и на

¹ La descrittione della prima parte dell'Asia con inomiantichi & moderni / Di G. Gastaldi ... Restituita da A. Lafreri. J. Bossius ... incidebat. Venice. 1561. Национальная библиотека Израиля.

² Portolan Chart of Europe Showing the British Isles f. 7v. 1540. <https://www>.

карте известного венецианского картографа Джакома Гастальди 1561 г. При внимательном изучении их карт не трудно заметить, что Абхазия, как и сам город Акуя смещен картографами далеко от побережья в сторону Северного Кавказа, а на месте Абхазии указана Мегрелия, что дало повод некоторым исследователям (в основном грузинских) использовать его в качестве доказательства якобы пришлости абхазов на своей исторической родине Абхазии, что уже само по себе является не поддерживается в академической науке. Так в изданной работе по истории Абхазии грузинскими исследователями, размещен фрагмент карты Гастальди с комментарием: «на северном Кавказе, в частности, в среднем течении р. Кубань зафиксирован Absvasregis главным населенным пунктом Acua. Совершенно ясно, что современные абхазы (абсуа / апсуа) в то время еще жили на Северном Кавказе. По той же карте, Мегрелия охватывает и всю территорию современной Абхазии. После заселения северо-западной Мегрелии апсуйцами г. Цхуми/ Сухуми новоселы назвали привезенным из Северного Кавказа, из Abcuasregi именем Acua» (Очерки из истории Грузии. Абхазия, 2009, карта № 14).

Грузинские исследователи, во-первых, неверно пишут названия Абхазии на карте, а также по-видимому не обратили внимания на собственную ошибку. Если бы современные абхазы (апсуа) были бы пришлыми на территорию Абхазии, прибыв в Абхазию присвоили себе в виде экзонима названия «абхаз», тогда каким образом название Абхазия фигурирует на северном Кавказе вместе с городом Акуя? Ведь по утверждению авторов Абхазия, это грузинский регион, который всегда находился на побережье Черного моря. По такой логике, то и названия Абхазия «пришлый» народ принес с собой на территорию современной Абхазии, что уже не состыковывается с логикой этих авторов.

Однако, если отойти от несостоятельной теории некоторых грузинских исследователей, и обратимся к полной карте Батиста Аньеза 1540 г. и Джакома Гастальди размещенная в атласе Антонио Лафрери изданная в 1561 г., то мы заметим, что

bl.uk/onlinegallery/onlineex/unvbrit/p/001add000021592u000070v0.html.
Британская Библиотека.

картографами допущены серьезные ошибки, что и объясняет нахождения Абхазии и столичного города Акуа на северном склоне Кавказа.

Сам Батиста Аньеза, а вслед за ним Джакома Гастальди использовали при составлении карт несколько разновременных письменных и картографических источников, что возможно привело к многочисленным ошибкам в их картах.

Об этом говорят следующие факты:

1. Между рр. Кубань и Дон располагается «*Circassi Regi*» – Черкессия. На самом деле Черкессия в XVI веке картографические и письменные источники указывают в основном между побережьем Черного моря и рекой Кубань.

2. На карте соседней страной на западе от Мегрелии указана «*Caitachi Regi*», и в ней города «*Zichia*» и «*Anagosia*». Указанные «*caitachi*», это печенеги, обитавшие между Кубанью и Доном в X веке, но в XVI веке их там не могло быть, это говорит о том, что картограф использовал старые источники, которые не отражали реальную политическую ситуацию в XVI веке. Тем более они указаны на земле Садзев и Убыхов, чего никогда не было в истории. Указанные города «*Zichia*» и «*Anagosia*», должны читаться как страна Зихия и Абхазия.

3. Город «*Vati*» на карте располагается на территории Абхазии, на самом деле «*Vati*» (Гордеев, 2014. С. 109) так называли Батуми и находится в Аджарии.

Имеретинское царства (*Iberi Regi*), которая располагалась на западе от Картли (Грузия) оказалась на севере от нее и в ней располагается город Кремух, однако, как известно «территориально и хронологически область Кремух полностью совмещается с широко известным в археологии Кавказа Белореченским курганным адыгским могильником XIV–XV вв. у г. Белореченск северо-западнее Майкопа. Могильник исследован 1896–1907 гг. Н.И. Веселовским и опубликован В.П. Левашовой в 1953 г., приписавшей курганы черкесскому племени абадзехов» (Кузнецов, 2001. С. 129).

4. На юге от Имерети смещенная на территорию современной Армении оказалась «*Giorgiani Regi*» (Грузия), а вот город «*Tiflis*» (Тбилиси) располагается южнее некоего озера,

это должно быть Севан, так как на это указывает река «Araīs» (Аракс) выше Тбилиси, что так же является ошибкой так, как Аракс находится на юге от Тбилиси.

5. На карте на территории примерно выше Дагестана неверно указана «Zviria», это должно быть древнее название Картли (Грузия) Иверия.

Изучая эти карту адыгский исследователь Хотко С.Х указывал; «Абхазия, указанная как ABACVAS REGI, смещена на северный склон, и это может породить иллюзию того, что перед нами первое картографическое свидетельство присутствия абазинского населения в Черкесии. Таковое, в виде абазин-тапанта, уже находилось на территории горного сектора Восточного Закубанья, но вряд ли сведения об этом могли быть столь быстро запечатлены на современных картах. Свет проливает надпись aqua, которая представлена как главный населенный пункт «абакуасской области». Акуа – это абхазское наименование Сухума. Соответственно, картограф, видимо, вполне увереный в том, что между Мегрелией и Черкесией должна быть еще и Абхазия, нашел для нее место, но сместил далеко от побережья» (Хотко, 2017. С. 62). Позже другие картографы просто повторяли ошибку Батиста Аньеза, пользуясь его материалами.

С чем могли быть связаны такие грубые ошибки именитых картографов? Сами они не путешествовали и имели информацию с разных источников, вместе с тем известно, что одним из их информаторов был русский посол в Риме Дмитрий Герасимов (1465–1536) который и помогал им в составлении карты и дал им информацию; «который сам их собрал от многих людей, поскольку, как признался, не обезжал территории всей страны» (Старков, 1994. С. 9). В этом легко убедиться, если обратить внимание на другую карту Батиста Аньеза, опубликованную в работе Старкова В.Ф. Страна Менгрелия располагаются на Северном Кавказе, а «на месте Литвы ошибочно указана Ливония» (Старков, 1994. С. 9) и т.д.

Подобные ошибки были не редкими для средневековой картографии. Так на карте Исаака Масса¹ опубликованной

¹ Isaaco Massa. NovissimaRussiae Tabula. London. 1635. Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Киев. 1910. XLIV.

историком и основоположника исторической картографии Украины, Кордта В. А. Регион «Sonscha» (Сванетия) располагается на Северном Кавказе над Абхазией, такую же картину дает в своей карте Витсен Nicolaes¹ и т. д.

Таким образом мы можем сделать выводы о том, что абхазское название города Сухум, Акуа было известно еще в средневековые, по крайне мере, в начале XVI в., как столенный город Абхазии.

Литература и источники

1. Абу-л-Фида. Упорядочение стран. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв. М., 2009.
2. Арриан. Объезд Евксинского Понта. Латышев В.В. Известия Древних писателей о Кавказе и Скифии. СПб., 1890.
3. Гордеев А.Ю. Топонимия побережья Черного и Азовского морей на картах-портоланах XIV-XVII веков. Киев, 2014.
4. Еквтиме Атонели. Поминование о странствии и проповедовании апостола Андрея. // Амичба Г.А. Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сухуми, 1986.
5. Ибн Саид Ал-Магриби. Книга распространения Земли в длину и ширину. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009.
6. Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии. Сухум, 2006.
7. Очерки из истории Грузии. Абхазия. Коллектив авторов. Тбилиси, 2009.
8. Кудрявцев К.Д. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922.
9. Кузнецов В.А. Адыгское феодальное владение Кремух. Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь, 2001.
10. Старков В.Ф. Описание карты 1525 г. Отечественные архивы. М., 1994, №4.

¹ <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b530890447/f1.item.r=Nicolaes%20Witsen.zoom>. Национальная библиотека Франции.

11. Страбон. Латышев В.В. Известия Древних писателей о Кавказе и Скифии. СПб., 1890.
12. Трапш М.М. Труды. Т.2. Сухуми, 1969.
13. Хотко С.Х. Черкесия Генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII-XVI вв.). Майкоп, 2017
14. Чикирба В.А. Абхазия и итальянские города-государства XIII–XV вв. Спб., 2020.
15. Battista Agnese. Portolan Chart of Europe Showing the British Isles f. 7v. Genoa. 1540. Британская Библиотека.
16. Isaaco Massa. Novissima Russiae Tabula. London, 1635. Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1910.
17. La descrittione della prima parte dell' Asia con inomiantichi&moderni / Di G. Gastaldi ... Restituita da A. Lafreri. J. Bossius ... incidebat. Venice. 1561. Национальная библиотека Израиля.
18. Vesconte, Petrus. Atlas de la Méditerranée et des côtesatlantiques de l'Europe. Gênes. 1320. Национальная библиотека Франции.
19. Witsen Nicolaes. ExactissimaAsiaedelineatio in praecipuasregiones. Национальная библиотека Франции.

ВОИНЫ, НЕ ВЕДАВШИЕ СТРАХА

В Москве вышел сборник, посвященный легендарной конной Кавказской дивизии, чаще известной под названием «Дикая дивизия». В книгу вошли документальные свидетельства, воспоминания очевидцев, беллетристическая повесть Н. Н. Брешко-Брешковского «Дикая дивизия», написанная на реальных событиях. Автор ее на страницах журнала «Нива» в 1916 г. описал «безумный подвиг» корнета Абхазской сотни Черкесского полка К.Ш. Лакербай. В сборнике представлены воспоминания офицеров Кавказской дивизии А. Арсеньева, А. Маркова, А. Палецкого, П.Н. Краснова, опубликованные ими в эмигрантской печати, и потому до недавнего времени не были доступны для широкого круга читателей. Приведен также ряд историко-архивных документов, представляющих несомненный интерес.

Неделю спустя после объявления войны главнокомандующий войсками Кавказского военного округа Илларион Иванович Воронцов-Дашков обратился к российскому императору: он предложил «мобилизовать воинственные кавказские народы».

27 июля поступило величайшее «добро» и были сформированы следующие части – Чеченский конный полк (чеченцы и ингуши), Черкесский конный полк (адыгейцы и абхазы), Кабардинский конный полк (кабардинцы и балкарцы), Татарский конный полк (азербайджанцы Бакинской и Елисаветпольской губерний), Ингушский конный полк (ингуши), 2-й Дагестанский конный полк (дагестанцы), Аджарский пеший батальон (представлено население Батумской области).

Вскоре полки были сформированы в три бригады. Командиром Кавказской конной дивизии был назначен Великий князь Михаил Александрович Романов – брат царя – генерал-майор. Начальником штаба – полковник Яков Давидович Юзефович – «литовский татарин, магометанского вероиспове-

*Абхазские всадники перед уходом на фронт
Сухум, 1914 г.*

дания». С 1914 по 1917 гг. через Кавказскую дивизию прошли более семи тысяч человек, свыше трех тысяч были удостоены Георгиевских крестов, все офицеры были награждены боевыми орденами.

В журнале «Нива» № 48 за 1914 г. описан дерзкий набег горцев Кавказской конной дивизии на город Ченхостов:

«Навеки запечатлен будет в истории этой войны, величайшей в мире войны, рассказ о том, как шестьдесят черкесов совершили набег на Ченхостов – набег прямо сказочной красоты и силы. В Ченхостове тогда было около двух немецких корпусов. Глубокой ночью всадники разделились на шесть небольших отрядов по десять коней в каждом и, обвязав копыта своих горских «звездочетов», бесшумно двинулись к Ченхостову по шести радиусам. Местность и дороги были высмотрены раньше с зоркостью этих с колыбели привыкших к борьбе и оружию при рожденных воинов. Проникнуть в город можно было, лишь уничтожив, конные и пешие патрули. И джигиты принялись за уничтожение противника с непонятной, чуждой для европейских солдат, хищнической сноровкой. Едет шагом среди мрака прусский патруль. Черкесы своими кошачими глазами нащупывают его издалека. И слух выручает. За версту чуткое ухо уловит и стук копыт, и брякнувший палаш. Задача усложняется еще и тем, что «снять» патруль необходимо без единого выстрела.

И вот джигиты заблаговременно спешиваются, один отводит подальше, к прикрытию какому-нибудь лошадей, а осталь-

ные, змеями распластавшись у дороги, ждут... Патруль все ближе и ближе, поравнялся, наконец. Черкесы барсами дагестанских ущелий вспрыгивает сзади на широкие крупы немецких лошадей и кинжалами закалывают всадников, не давая им ни вскрикнуть, ни выстрелить...

Один за другим планомерно – на это ушла долгая осенняя ночь, – сняты были так все конные и пешие патрули, как разъезжавшие в окрестностях, так и охранявшие заставы на всех шести дорогах-радиусах, ведущих в Ченхостов.

Утром черкесы с обнаженными шашками ворвались в город, кишмя кишевший немцами. Рубили встречных – и конницу, и пехоту – все в ужасе разбегались от этих страшных всадников в косматых папахах.

В центре города все шестьдесят кавказских орлов слетелись, и уже у всех были окровавлены острые, испещренные арабесками-изречениями Корана шашки. Часть всадников спешилась и ворвась в кофейню, где сидели за пивом и кофе прусские и австрийские офицеры. Шашками тесно рубить и пошла работа кинжалами. В ужасе хватались венгерцы, прусаки и швабы за револьверы и палаши... Крики, выстрелы, смятие...

В это время конные черкесы рубили и резали телеграфные и телефонные провода, как городские, так и соединяющие неприятельский штаб с казармами, лагерями и пограничным поселком Гербы.

Начатый в одной кофейне кровавый пир продолжался в другой и закончился в третьей. Это было делом нескольких минут. По телефону швабы не могли вызвать большой отряд, сообщение было прервано, а пока один из уцелевших немецких улан помчался в кавалерийские казармы, утекло немало воды, вернее, крови...

Несколько гортанных криков – и все черкесы были уже на конях. И, чтобы спутать всякую возможность преследования, кинулись прочь из города по разным улицам.

За одним из этих маленьких отрядов, вихрем, несшимся к Новородомску, помчался вдогонку прусский эскадрон. Стрелять на карьере немцы не мастера, и все пули благополучно

летели мимо, а джигиты не утерпели, чтобы не щегольнуть своим наездничеством. На бешеном галопе черкесы отстреливались, стоя на седлах и обернувшись к врагам. Точки опоры было для них мягкое седло, а чтобы не потерять равновесия, джигиты продевали мизинец в разрез длинного ременного повода...

От метких выстрелов передела гуща прусского эскадрона, ошеломленного невиданным зрелищем этих стоя несущихся всадников с развивающимися, как крылья, за спиной башлыков.

Тяжелые немецкие кавалерийские лошади не могли угнаться за быстрыми, как ветер, горскими скакунами. Все шестьдесят черкесов победно вернулись в свою честь без единой убыли. Сами же они на одних только заставах вырезали около полутораста вражьих солдат, а в кофейнях под джигитскими кинжалами пало много офицеров, среди которых были несколько представителей венгерской и прусской знати».

Ничего подобного Европа не видела и не испытывала. Вскоре австрийцы и немцы назовут этих всадников «дьяволами в мохнатых шапках», российский император – «орлами Кавказа».

Офицер-кавалерист, участник войны А.А. Арсеньев вспоминает:

«Чтобы правильно понять природу «Дикой дивизии», нужно иметь представление об общем характере кавказцев, ее представляющих.

Говорят, что постоянное ношение оружия облагораживает человека. Горец с детства был при оружии, он не расставался с кинжалом и шашкою, а многие и с револьверами или старинными пистолетами. Отличительной чертой его характера было чувство собственного достоинства и полное отсутствие подхалимства. Выше всего ценилась ими храбрость; это был прирожденный воин, представляющий собой великолепный боевой материал, правда – в те времена, при его незнакомстве с военной службой – сырой и требовательной, терпеливой и внимательной обработки. Надо отдать должное офицерам и урядникам, на долю которых она выпала, с задачей обучения

и воспитания всадников в короткий срок они справились блестяще, вложа в это дело всю душу».

В полках Кавказской дивизии складывались свои обычай. Например, в обязанности адъютанта входило подсчитывание – сколько за столом офицерского собрания находится мусульман, сколько христиан. Если мусульман было больше, то все, согласно мусульманскому обычаю оставались в папахах; если больше христиан – все снимали головные уборы по обычаю христиан.

До самых последних дней, до знаменитого похода на «красный» Петроград между всадниками и офицерами царило взаимное уважение. Высшей оценкой царившего в дивизии духа были слова генерала Корнилова после осмотра Кавказской дивизии в г. Заболотово 12 ноября 1917 г., сказавшего начдиву, князю Багратиону: «Я, наконец, дышал военным воздухом!».

В конце статьи А. Арсеньев приводит очень интересный факт уважения, верований и обычаяев горцев со стороны Кавказского начальства:

«В начале столетия Кавказ управлялся наместником Его Величества, по объему власти бывшим там после императора первым лицом. Кабардинский народ владел по реке Малке пастищами – альпийскими лугами, куда летом со всей Кабарды перегонялся скот. Возникли какие-то недоразумения с казной о границах этих лугов, и Кабардинский народ послал к наместнику в Тифлис делегацию своих стариков с жалобой. Они были приняты во дворце в особой комнате, называвшейся по-кавказски – кунацкой. Поздоровавшись с ними, бывший тогда наместником старый граф Воронцов-Дашков, строго державшийся «адатов» – обычаяев горцев, усадил их, оставвшись сам стоять у двери, как того требовал горский этикет гостеприимства. Обстановка и атмосфера приема были так естественны – в духе кавказцев, что старший из стариков обратился к наместнику с приглашением:

– Тысс, Воронцов! (Садись, Воронцов!) – и величественно указал ему на место рядом с собой! Как это далеко от отношений к побежденным и угнетенным народам – от высокомерия «европейцев»!

Горцы Кавказа, прежде всего, ценили благородство и сами отвечали тем же. В 1918 г. к одному из черкесских аулов, где находился великий князь Борис Владимирович, подошел советский отряд с пулеметами и двумя орудиями, занял все подступы к селу и объявил ультиматум: «Или Борис Романов будет немедленно выдан, или весь аул будет разгромлен».

Великий князь явился на совещание старейшин под председательством муллы, который единодушно вынес решение:

– Великого князя не выдавать, а, вооружившись, всем защищать его до последнего человека.

Это было объявлено великому князю, на что с его стороны последовало возражение:

– Уж лучше погибну я один, чем вы погибнете все...

Ответ держал восьмидесятилетний мулла, семь раз совершивший хадж, т.е. побывавший в Мекке, на могиле пророка Мухаммеда, в белой чалме с зеленою каймой.

– Ваше императорское высочество, если мы тебя выдадим, и через это останемся живы, на головы наших детей, наших внуков падет несмыываемое бесчестье. Мы будем хуже собак. Каждый горец будет иметь право плевать нам в лицо.

В несколько минут весь аул являл собой военный лагерь. Все черкесы вооружились поголовно, все – от стариков до подростков включительно. В штаб отряда красных был послан парламентер с ответом на предъявленный ультиматум.

– Всякий князь наш гость, и мы его не выдадим. Попробуйте взять силой.

Долго совещались между собой начальники отряда. Они знали фанатизм горцев, знали, что если даже и победят красные, то ценой больших потерь, особенно, когда втянутся в самый аул, где каждую саклю придется штурмовать, как маленькую крепость. Знали еще, что в этом ауле имеется около шестидесяти всадников Черкесского полка, прошедших опыт великой войны. Каждый такой всадник будет стоить десяти красноармейцев. При таких условиях бой был рискованно авантюрией.

Сняв осаду, красные ушли ни с чем.

Когда в том же роковом 1918 г. в конце мая Нестор Лакоба с отрядом краазовцев перешел Кавказских хребет и

скрывался в ауле Апсуа, то община была окружена белогвардейским отрядом во главе с генералом, потребовавшим выдачи Нестора и его людей. Навстречу генералу вышел восьмидесятилетний, весь седой, как лунь, Агрба Канамат, дворянин, полковник царской армии, весь при оружии и при боевых орденах и Георгиевских крестах. Он резко заявил генералу:

– Нестор и его люди – мои гости, я их не выдам. А в случае, если ты попытаешься брать его силой, то будешь иметь дело со мной!

Генерал вынужден был уйти и снять осаду аула.

Сын Канамата – Рауф Агрба был всадником-офицером Кавказской дивизии и за боевые заслуги был награжден золотым Георгиевским оружием.

В ингушском ауле Базоркино в те же годы произошел такой случай. В этом ауле было много всадников Ингушского полка Кавказской дивизии.

Старый ингуш Алиев принял у себя в доме жандармского полковника Мартынова, местопребыванием которого очень интересовались советские комиссары Владикавказа. Наконец, они узнали, у кого скрывается Мартынов. Из Владикавказа

Абхазские всадники

были снаряжены два грузовика, чуть ли не с полуротой красноармейцев. С шумом они направились в Базоркино и остановились у дома Алиева.

Навстречу им вышел из ворот старый, седобородый Алиев с двумя сыновьями – Георгиевскими кавалерами.

– Вам что надо?

– У тебя прячется Мартынов? – последовал вопрос с грузовиков.

– Не Мартынов, а полковник Мартынов, и жандармский полковник, – поправил Алиев своих непрошенных гостей. – Только я Вам его не выдам.

Вид трех ингушей с направленными винтовками был столь внушителен, что красноармейцы не посмели атаковать дом, и, потоптавшись, сознавая глупое и смешное положение, умчались во Владикавказ.

Другой автор, А. Марков, офицер-кавалерист оставил мемуары «В Ингушском полку», опубликованные в Париже в 1957 г. Командиром Ингушского конного полка, как отмечает А. Марков, был обладатель золотого Георгиевского оружия, кавалер ряда боевых орденов «полковник Георгий Алексеевич Мерчуле, офицер постоянного состава офицерской школы из знаменитой «Смены Богов» – так в кавалерии называли офицеров – инструкторов школы, получил полк при его формировании и им командовал до расформирования, после чего был убит большевиками во Владикавказе. Это был сухой, небольшого роста абхазец, с острой бородкой «а ля Генрих IV». Всегда тихий, спокойный, производил на нас прекрасное впечатление».

Служил вместе с А. Марковым в Ингушском полку его друг, абхазец Варлам Андреевич Шенгелай, обладатель золотого Георгиевского оружия, впоследствии в Париже он женился на абхазской княжне Маше Чачба.

«Однажды, – пишет А. Марков, – после успешных боевых действий всадники Ингушского и Черкесского полков, уже на отдыхе, получали боевые награды. После этого был устроен торжественный обед. По окончании обеда несколько офицеров протанцевали лезгинку, причем прекрасным ее исполнителем оказался мой однокашник по Воронежскому

корпусу поручик Сосырко Мальсагов, ингуш по происхождению, при большевиках герой побега из Соловков совместно с ротмистром Бессоновым. Их страшная эпопея описана Бессоновым в книге «26 тюрем и побег с Соловков». Фамилия Мальсаговых в полку было столь многочисленна, что при формировании полка на Кавказе был даже проект – создать из представителей этой фамилии особую сотню.

На другой день черкесский полк пригласил нас на обед в соседнее имение, где стоял его штаб. В густом парке на круглой поляне были поставлены столы амфитеатром, причем за верхним из них сидело начальство. В середине обеда началась стрельба, без которой обыкновенно не проходит на Кавказе ни одной веселой пирушки. Помню, как приехав впервые в Сухум, я в ресторане увидел поразившую меня и рассмешившую надпись: «Петь, стрелять и танцевать в общем зале строго запрещается».

Выпившие кавказцы в избытке восторга справа, то слева от меня опорожняли магазины и барабаны своих револьверов и пистолетов в черное звездное небо, но вниз под стол, после каждого тоста или речи».

А. Марков дает очень интересные сведения о своих соратниках по Ингушскому полку, людей решительных, смелых и пользовавшихся большим авторитетом:

«Есаул Кучук Улагай – командир сотни Ингушского полка, блестящий офицер, черкес по происхождению, по окончании войны сыграл видную роль в Белом движении, а затем, попав в Югославию, стоял во главе движения в Албании в пользу короля Ахмета-Зогу, который сел на престол этой страны благодаря отряду из русских офицеров, сформированному в Болгарии. В этом отряде Улагая служили и другие офицеры Кавказской дивизии, поступившие потом на албанскую военную службу. Албанский паспорт спас полковника Улагая в Диенце при выдаче казачьего корпуса большевикам англичанами в 1944 г.

Вот что пишет граф Палецкий о Кавказской дивизии в августе 1917 г. : «Дивизия побывала на фронтах, на германском, галицийском и румынском, и везде проявляла чудеса храбрости. Боевые успехи дивизии огромны. В мае 1916 года у Чер-

Горцы Кавказа. Турция, 1919 г.

новец один только Кабардинский полк взял 1483 пленных, в том числе 23 офицеров, а, в общем, на всю дивизию приходилось количество пленных, в четыре раза превышающих ее состав.

Дивизия понесла за время своей боевой деятельности много потерь... Но кавказские горцы держались и держатся до сих пор с огромным мужеством и непоколебимой твердостью. Это одна из самых надежных войсковых частей – гордость русской армии.

Кавказцы имели полные моральные основания никакого участия в войне не принимать. Мы отняли у кавказцев все: их прекрасные горы, их дикую природу, неисчерпаемые богатства этой благодатной страны.

И вот, когда вспыхнула война, кавказцы добровольно пошли на защиту России и защищали ее беззаветно, не как злую мачеху, а как родную мать... Все кавказцы таковы, в них живет еще истинный дух рыцарства и на предательство и на удары сзади, из-за угла они не способны. Не против России и русской свободы идут воины Дикой дивизии. Они сражаются вместе с русской армией и впереди всех, и смелее всех умирают за нашу свободу».

Австрийцы и немцы назовут этих всадников «дьяволами в мохнатых шапках», российский император – «орлами Кавказа».

Кавказ, как известно, воевал с Россией в течение десятков лет, и эта память не изгладилась в сердцах его сынов. Но когда нависла всеобщая опасность, то, хотя горцев, как правило, в основном не брали на действительную службу, исключительно из добровольцев была сформирована «Кавказская конная дивизия», насчитывающая свыше трех тысяч всадников. Когда началась первая мировая война, в селе Мыку собрался народ. Государственный чиновник из Кутаиси выступил перед абхазами с речью, что вся Европа пошла на Россию. «Нужна ваша помощь, нужны воины», – обратился он, стоя на коленях, к народу. Тогда старший из абхазов подошел к нему, вежливо поставил на ноги и сказал: «Говорите перед народом, стоя!». Началась запись добровольцев. Всего в Кавказской дивизии воевало свыше семи тысяч всадников, все время шло пополнение, когда после тяжелых боев вновь приходилось комплектовать части. Абхазов, в общей сложности, участвовало свыше 500 человек. К сожалению, еще не все имена установлены. Но и то, что известно, вызывает чувство восхищения перед их беззаветной отвагой и мужеством. Интересно, что, как пишет бывший офицер Кабардинского полка А. Арсеньев, «большинство всадников славной «Дикой дивизии» были или внуками, или даже сыновьями бывших врагов России. На войну они пошли за нее по своей доброй воле, будучи никем и ничем не принуждаемы; в истории «Дикой дивизии» нет ни одного случая даже единоличного дезертирства!».

В сентябре 1914 г. «Кавказская конная дивизия» была сформирована в составе трех бригад (шести полков). 1-я бригада состояла из Кабардинского и 2-го Дагестанского конных полков. Во вторую входили Чеченский и Татарский полки, в котором, кстати, служил «абхазский князь Хайтбей Чачба». 3-я бригада состояла из Черкесского и Ингушского полков. В то же время, как сообщал генерал-лейтенант Бабич, «многие абхазы, жители Сухумского округа, соседнего с Кубанской областью, изъявляют горячее желание вступить добровольцами в Черкесский кон-

ный полк». После окончательного сформирования этого полка Абхазская сотня официально станет именоваться 4-й.

Командиром Ингушского полка был назначен Георгий Алексеевич Марчул (Марчуле). Абхаз по национальности, он родился 6 декабря 1864 г. в с. Илор Кодорского участка. Детское имя Паш («Светлый»). Учился в Ставропольской гимназии, затем в Петербурге в Николаевском кавалерийском училище. После этого направляется в чине корнета на службу в 45-й (позже 18-й) драгунский Северский полк. Он прослужил в этом полку 10 лет и в чине штаб-ротмистра в октябре 1896 г. командирован в Офицерскую кавалерийскую школу.

Здесь он снискдал славу опытного наездника и умелого офицера, «который мог с полным правом стать преподавателем в этом престижном военном учебном заведении». И последовал «Высочайший указ о зачислении Марчула в постоянный состав Офицерской школы. В 1899 г. он был назначен помощником заведующего «курсом обучающих наездников», а в январе 1903 г. Марчул производится в ротмистры.

В июне 1905 г. начальник школы генерал-майор А. Брусилов подписал ходатайство о присвоении Марчулу звания подполковника, а спустя пять лет он стал полковником. За отличия в службе в мирное время был награжден орденами св. Станислава 3-й степени, св. Анны 3-й и 2-й степеней. Служивший под его командованием А. Марков в своих воспоминаниях «В Ингушском конном полку», изданных в парижском эмигрантском журнале «Военная быль» в 1957 г. так пишет о нем: «Полковник Георгий Алексеевич Марчуле, офицер постоянного состава Офицерской кавалерийской школы из знаменитой «смены богов», как в кавалерии называли офицеров-инструкторов школы, получил полк при его формировании и им командовал до расформирования... Это был сухой, небольшого роста абхазец, с острой бородкой «а-ля Генрих 4-й». Всегда тихий и спокойный, он производил на нас прекрасное впечатление». Кстати, по воспоминаниям П. Куазмаа, лично знавшего Георгия Алексеевича по войне и являвшегося его односельчанином, полковник Г. Марчул был признан в 1905 г. в Лондоне лучшим наездником мира.

«Мерчуле Георгий (Паша) Алексеевич – абхазский дворянин. Родился в с. Илор Кодорского участка Сухумского округа. Кадровый военный. Окончил Николаевское кавалерийское училище по первому разряду (август 1886 г.) и Офицерскую кавалерийскую школу (сентябрь 1898). Служил в 45-м драгунском Северском полку. В декабре 1904 г. Высочайшим приказом переведен в Императорскую лейб-гвардию. Член постоянного состава, преподаватель Офицерской кавалерийской школы. Полковник (1910 г.). Участник первой мировой войны 1914–1917 гг. Высочайшим приказом назначен командиром Ингушского конного полка Кавказской конной дивизии (сентябрь 1914 г.). Кавалер Георгиевского оружия (1915 г.)», – сообщает коротко о нем архивист, исследователь истории Кавказской конной туземной дивизии И. Алмазов.

Всадники Ингушского полка гордились своим командиром Георгием Марчул – «Мы не знаем страха, не боимся пули, нас ведет в атаку храбрый Мерчуле...». Строки эти из гимна Ингушского полка знает вся Ингушетия и по сей день, что является, несомненно, данью памяти нашему отважному земляку, о котором мало, кто помнит ныне в Абхазии. Обязанность наша поднимать из забвения имена наших героев, прославивших в те времена имя абхаза не только по всему Кавказу и по всей России. И молодежь обязана знать и чтить павших героев и стремиться быть подобными им, если в случае необходимости вновь придется обнажать оружие.

Князь А.В. Гагарин, князь Д.Н. Багратион, атаман Краснов, начальник штаба Кавказской дивизии Я.Д. Юзефович, ротмистр Ингушского полка А. Марков и ряд его соратников остались в своих мемуарах воспоминания о нем, «и нет никого, кто не отзвался бы в самых превосходных тонах» о блестящем и бесстрашном командире Ингушского конного полка Георгии Алексеевиче Мерчуле.

Рядовым всадником вступил в Ингушский конный полк младший 14-летний брат Георгия – Дарисман Марчул, который в боях заслужил два Георгиевских креста и чин прапорщика.

Как отмечают очевидцы, в частности, А. Марков, «отношения между офицерами и всадниками сильно отличались от та-

Николай II с офицерами Дагестанского конного полка. Владикавказ, 1914 г.

ковых в регулярных частях. В горцах не было никакого раболепства перед офицерами, они всегда сохраняли собственное достоинство и отнюдь не считали своих офицеров за господ – тем более за высшую расу». Русский офицер Арсеньев, служивший вместе с горцами, подчеркивал: «Чтобы правильно понять природу «Дикой дивизии», нужно иметь представление об общем характере кавказцев, ее представляющих.

Говорят, что постоянное ношение оружия облагораживает человека. Горец с детства был при оружии... отличительной чертой его характера было чувство собственного достоинства и полное отсутствие подхалимства. Выше всего ценилась ими храбрость; это был прирожденный воин...».

Автор прекрасных очерков о Кавказской дивизии Н.Н. Брешко-Брешковский отмечает: «Революционное лихолетье дало много ярких доказательства, что горцы Кавказа до конца верны присяге, чувству долга и воинской чести и доблести...».

Абхазскую сотню повели на фронт Г. Бьерквист, штаб-ротмистр и 56-летний прапорщик Шахан (Иосиф) Хасанович Лакрба, отец знаменитого Коции Лакрба.

Сын Льва Толстого, Илья Толстой, журналист и писатель, так описывает свое первое впечатление о сынах Кавказа: «Первое мое знакомство с Кавказской дивизией произошло во Львове, когда командир ее корпуса производил осмотр. Это было в самом центре города, против лучшего отеля, в 12 часов дня, когда улицы были запружены народом, и когда жизнь большого города кипела полном разгаре.

Полки проходили в конном строю, в походном порядке, один за другим, один красивее другого, и весь город в продол-

жение целого часа любовался и дивился невиданным дотоле зреющим.

Под скрипучий напев зурначей, наигрывавших на своих дудочках свои народные воинственные песни, мимо нас проходили нарядные типичные всадники в красивых черкесках, в блестящем золотом и серебряном оружии, в ярко-алых башлыках, на нервно-точеных лошадях, гибкие, смуглые, полные гордости и национального достоинства.

Что ни лицо, то тип; что ни выражение – выражение свое; что ни взгляд – мощь и отвага...». Далее он же отмечает: «60 лет тому назад эти люди упорно с нами воевали, а теперь они настолько слились с Россией, что сами добровольно пришли сюда для того, чтобы общими усилиями сломить упорство нашего, теперь уже общего, опасного и сильного врага.

Как тогда Кавказ боролся и все приносил в жертву своей независимости, так теперь он выслал к нам лучших своих представителей для того, чтобы вместе с нами стать на защиту независимости не только нашей родины, но тем самым и всей Европы от губительного нашествия новых варваров...

Весь состав дивизии – вольные всадники, вооруженные своим оружием, сидящие на своих конях, добровольно и сознательно записавшиеся в ряды войск...».

С декабря 1914 г. горцы вступили в бои. Боевое крещение они получили в Карпатах. Все горцы проявили в боях исключительную храбрость, и эта конная дивизия за свои подвиги должна была стать гвардейскою, подобно Семеновскому и Преображенскому полкам. Свыше 3500 всадников были награждены Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями «За храбрость», а все офицеры удостоены боевые орденов.

Первыми в бой вступили полки 3-й бригады – Черкесский и Ингушский. Вот о чем свидетельствуют наградные листы, этих полков. Награждены Георгиевскими крестами всадники Крым Айсанов (абазин) и Беса Куруа. В боях 9 декабря 1914 г. в районе у дер. Терки и Волковые под сильным огнем противника они добыли и доставили ценные сведения о силах и расположении противника. Всаднику Куруа пришлось перевопляться вброд под огнем.

В боях в январе 1915 г. в числе награжденных был будущий полный Георгиевский кавалер, уроженец села Ачандара Василий Маги (Магба), который, добыв важные сведения.

Медалью «За храбрость» был награжден всадник Николай Ачба – произвел важную разведку и сообщил точные сведения.

Орден св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» получил прапорщик Мурза-Бек Лоо.

Старший по возрасту офицер Черкесского конного полка, 56-летний прапорщик 4-й Абхазской сотни Шахан (Иосиф) Хасанович Лакрба был удостоен ордена св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». После боя на берегу реки Сан, у деревни Царицынка 9 января 1915 г. в наградном представлении, составленном штабс-ротмистром Бьерквистом, говорится: «Прапорщик Иосиф Лакрба. Под перекрестным огнем во время отхода от Царицына стойко держался на своих позициях полусотни, отходившей перекатами, и в высокой степени способствовал задержанию подавляющих сил неприятеля у деревни Царицынка. Представляется к ордену св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом».

День 15 февраля 1915 года стал одним из самых ярких в боевой истории дивизии, овладевшей тогда важными опорными пунктами неприятеля на северо-западных подступах к городу Станиславу – селами Бринь и Цу-Бабино.

В газете «Новое время» о тех кровопролитных боях сообщалось:

«Дела Кавказской дивизии у всех на устах. Дивизия работает в беспрерывных боях и стычках с серединой января, и каждое ее выступление в целом или отдельных полков – это сплошной героический подвиг, проявление высшего мужества.

Появление «людей в папахах» вблизи неприятеля сразу же производит должное действие. Немедленно принимаются должные меры обороны, укрепляются позиции, подвозят орудия и выдвигают тысячи людей против сотен. Но все это в большинстве случаев не имеет результата. Достаточно одного, двух безумно смелых натисков горцев, и австрийцы бросают свои позиции, орудия, раненых и бегут...».

На долю Черкесского и Ингушского полков «выпало занятие сильно укрепленной позиции при селении Цу-Бабино».

«Накануне атаки, – сообщает та же газета, – произведенная разведка выяснила, что селение занимают два полных батальона при восьми орудиях и шести пулеметах и пред деревней, на верхнем склоне горы, устроены прочные окопы, загражденные проволочными заграждениями. Взять в конном строю эту сильную нагорную позицию, господствующую над окружающей местностью, представлялось почти невозможным. Поэтому решили атаковать в пешем рассыпном строю в наиболее уязвимом месте – левой оконицы.

Зимний день 15 февраля выдался на редкость ясным и солнечным. С утра сотни в полной боевой готовности двинулись вперед и лавой стали переправляться «через первую речку» (всего речек было три). Переправа через первую реку удалась. Но уже при переправе через вторую неприятель открыл по сотням огонь, и в результате переправа через последнюю речку далась особенно тяжело – в это время огонь орудий, пулеметов и винтовок достиг высшего напряжения. Над головами рвались шрапнели, неслись пули, лошади стали нервничать. Однако и здесь не последовало приказания отступить.

Река преодолена и тут на ее правом берегу под шквальным огнем противника настал самый трудный момент спешивания. Люди разгорячились, лошади, напуганные канонадой, с трудом слушались всадников. Но выполнен приказ полковых и сотенных командиров, и первые цепи спешенных всадников Ингушского и Черкесского полков устремились вперед к деревне Цу-Бабино через холм, увлекая за собой остальную массу. С криком «Алла! Алла!», заглушавшим временами канонаду, перескошили сотни холм и понеслись на кручу, встречающие залпами, и идя, казалось, на верную гибель. Сдержать людей уже не было возможности.

С неимоверной быстротой спешенные сотни оказались у проволочных заграждений, прорвали их, через упавших перескакивали следующие всадники и, наконец, достигли окопов. Проскочили их и ворвались в Цу-Бабино.

Австрийцы дрогнули и в панике заметались, продолжали оказывать сопротивление. А в это время горячий бой шел в самой деревне. Горцы работали кинжалами и веревками.

Не выдержав натиска сотен Ингушского и Черкесского полков, австрийцы в панике отступили из Цу-Бабино. Через полчаса сражение представляло такую картину – австрийцы были окончательно разбиты, всюду валялись убитые и раненые. Одних убитых насчитывалось 370 человек, причем со смертельными кинжалыми ранами из них оказалось 130 человек.

За это дело отличившиеся получили Георгиевские кресты, а сотням выражена благодарность от имени высшего командования.

Полковник Георгий Марчул за атаку деревни Цу-Бабино был удостоен Георгиевского оружия.

Орденом св. Станислава 2-й степени был награжден корнет 4-й сотни Константин Иосифович (Шаханович) Лакрба. Сын прaporщика Черкесского полка Иосифа (Шахана) Хасановича Лакрба, он происходил из потомственных дворян Сухумского округа. Родился 8 января 1891 г. в селе Лыхны. Окончил Воронежский кадетский корпус, затем Елизаветградское кавалерийское училище по 1-му разряду и произведен в корнеты.

В войну Лакрба вступил в августе 1914 г. в составе 16 полка Кавказской кавалерийской дивизии. Менее чем за четыре месяца боевых действий на Северо-Западном фронте он получил в награду «за отличие в боях против германцев» три ордена.

В тех боях корнет Лакрба был ранен. В момент формирования Кавказской конной дивизии он стремился попасть в ее ряды. И его зачислили офицером в 4-ю Абхазскую сотню Черкесского конного полка.

После успешной атаки на Цу-Бабино, 19 февраля был взят город Станислав. За его взятие Георгиевскими крестами наградили младшего урядника Константина (Кача) Когония, а медалью «За храбрость» 4-й степени – всадника Чанта Маги (Магба).

Далее боевые действия дивизия перенесла на Днестр и Прут. При отводе войск за Днестр исключительную отвагу и умелое руководство арьергардом проявил полковник Марчул,

который в момент отступления повел две сотни в атаку, истребил австрийскую пехоту и заставил ее показать спину. «Таким образом, благодаря исключительной доблести полковника Марчула, его личной отваге и мужеству, была блестяще выполнена задача, возложенная на третью бригаду», – писал в наградном листе исполняющий обязанности командира дивизии генерал Багратион. Георгий Мерчул в течение четырех суток не спал и принимал самое активное участие в боевых действиях, руководил всеми операциями, обходил все позиции и ободрял до крайности измученных бойцов. Далее Багратион в наградном листе пишет: «Полковник Мерчул обнаружил недюжинный военный талант, проявил редкую храбрость. Своим хладнокровием и настойчивостью он неоднократно выручал полк из крайнего положения. Ходатайству о награждении чином генерал-майора». Это ходатайство поддержал и командующий 2-м кавалерийским корпусом. Но из штаба 2-й армии его возвратили, мотивируя тем, что Марчул не был награжден орденом.

В приказах о награждении всадников Черкесского полка Георгиевскими крестами говорилось, что Давид Хасая, Василий Лакоба, Константин Когония «29 мая, будучи в секрете, открыли наступление противника, а затем, будучи окружены им, пробились к своим».

За отличные боевые действия против австрийцев на Днестре у деревни Колодрубки Георгиевскими крестами 4-й степени были награждены всадники Ардашин Акиртаа, Михаил Чиркба, Тычар Хагба. «6 июля в бою у дер. Колодрубки, говорилось о них в приказе, будучи высланными в ночной боевой разъезд с целью выяснения обстановки и восстановления связи между нашими частями, утерявшиими ее во время наступления противника в прорыв, они огнем задержали его до прихода частей 12-й кавалерийской дивизии, которой своевременно сообщили об этом; затем восстановили связь по всему фронту наших частей, благодаря чему противник был отброшен обратно в свои окопы».

На линии Массуровка-Самушин заслужили Георгиевские кресты из числа Черкесского полка урядник Василий Маги

(Магба), младший урядник Дмитрий Ачба. 25 июля, будучи старшими в команде, они отбили наступление превосходящего численностью противника и удержали за собой редут».

В конце июля генерал-майор Багратион приказал командинам полков представить сведения о числе награжденных Георгиевскими крестами и медалями «За храбрость». Рапорт датирован 28 июля 1915 года. «Сообщаю, что в Кабардинском конном полку с начала компании до сего времени получено 125 Георгиевских крестов и 96 Георгиевских медалей. Командующий полком князь Бекович-Черкасский». «С начала кампании до сего времени получено Черкесским конным полком Георгиевских крестов – 155, Георгиевских медалей – 176.

АБХАЗИЯ, ЕЕ ЛИДЕРЫ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА (20–30-е гг. XX в.)¹

Вспоминается одна из бесед с Г.А. Дзидзария, моим научным руководителем. «Есть интересные сведения, – радостно сказал он. – К концу жизни Эшба и Лакоба наладили отношения».

Прошли годы и эти слова нашего выдающегося историка нашли свое подтверждение. В 1989 г. Владислав Ардзинба, будучи народным депутатом СССР, получил доступ к архиву КГБ и ознакомился с целым рядом документов 30-х гг. о Ефреме Эшба, Несторе Лакоба, Сарии, Рауфе... Копии этих материалов Владислав Григорьевич передал мне, и они частично вошли в мою книгу «Очерки политической истории Абхазии», вышедшую в Сухуме в 1990 г. Было решено отдельно издать архивные выписки, но началась война и копии, которые хранились у меня в кабинете в АБНИИ, сгорели. Недавно эта потеря была восполнена. К счастью оригинал этих записей сохранился в Фонде Первого Президента, и они были любезно предоставлены Светланой Ирадионовной Джергения восстановленному Историко-мемориальному музею Н.А. Лакоба.

Выборочно эти московские документы вместе с большим семейным архивом Марины Ефремовны Эшба легли в основу книги «Ефрем Эшба», изданной в 1997 году (И. Марыхуба).

По выпискам, сделанным В. Ардзинба, становится известно, что Эшба неоднократно бывал в Абхазии в 1928, 1930, 1934, 1936 гг. По словам самого Е. Эшба, с «Н. Лакоба в это время [1934 г.] у меня снова восстановилась дружба» (А. 39). Нестор тогда «подчеркнуто указывал, что в Абхазии меня (т.е. Эшбу), как троцкиста ни разу ни в одном районе не «прорабатывали». Таким образом Лакоба «старался не подрывать моего авторитета...» (Там же.)

¹ Выступление на круглом столе «Абхазия: трудный путь возрождения» (к 125-летию Н. Лакоба и Е. Эшба). Сухум, 27 марта 2018 г.

Вообще здесь необходимо отметить, что отношения между двумя лидерами были различные: от очень теплых в 1918 – начале 1921 г. до довольно сложных. Историкам еще предстоит выяснить истинные причины расхождений, которые лежат не столько в сфере их личностных отношений, сколько связаны совершенно с другими факторами традиционной народной жизни, пришедшими в противоречие с законами классовой борьбы...

Недавно известный юрист и общественный деятель Абхазии Г.Н. Колбая опубликовал пространную статью о поездке Эшба и Лакоба в Турцию. Становится известно, что в письме к соратнице Ленина Е.Д. Стасовой от 10 декабря 1920 г. Эшба настоятельно рекомендует направить Нестора на дипломатическую работу, советским консулом в Трапезунд. Вот какую характеристику дает ему Ефрем Эшба. «...Смело могу вас уверить, что человека, который с такой ловкостью и тактом мог ориентироваться в местных условиях, как т. Лакоба, трудно у нас найти. Серьезный, с большой инициативой, партийный товарищ, великолепно усваивающий, с кем имеет дело, хорошо понимающий условия жизни восточных народов, в особенности здесь, досконально усвоивший политическое положение, – более подходящего кандидата в консулы трудно подыскать» (Акуа-Сухум. 2017. N 1-2. С. 80).

Но вернемся к 36 году, который стал трагическим для всех троих руководителей Ревкома Абхазии. В феврале Ефрем Алексеевич приехал на похороны брата в Очамчиру, и там узнал об аресте Николая Акиртава, который 21 марта был осужден НКВД СССР. Тогда же, весной 1936 г. Н. Лакоба приехал в Москву. С Эшба они встретились 3 апреля и проговорили всю ночь. Позднее Ефрем Алексеевич показывал на допросе: «...За 8 дней до моего ареста [11 апреля 1936 г.] Лакоба был у меня на квартире в Москве и провел все время почти до утра – он сознался, что Берия, в интригах против него, добился больших успехов, он чувствует растущее недоверие к нему со стороны Сталина. Берия он поносил всячески, называя его высокочкой, очень опасным интриганом» (А. 43).

О сложных отношениях этого периода свидетельствует и большое письмо Лакоба Сталину от 1 апреля 1936 г., с ко-

торым Нестор обратился к вождю, находясь в Москве, за два дня до встречи с Эшба. Оно написано убористым почерком, карандашом, на семи листах с пометкой «Только лично» – и с резолюцией: «Мой архив. И. Ст.».

В том же роковом 36 году Председатель ЦИК Абхазии Нестор Лакоба записал в своем служебном блокноте: «Человеку дарованы два блага: надежда и неведение будущего. Последнее еще лучше первого». Эти слова оказались пророческими.

В самом конце 36-го Нестора не стало, а арестованные на тот момент Н. Акиртава и Е. Эшба, ненадолго его пережили. Через 15 лет им отомстили за курс Абхазии на независимость и самостоятельность.

У Эшба и Лакоба было немало общего в биографиях. Оба родились в 1893 г., рано вступили в партию большевиков: Нестор в 1912, Ефрем – в 1914-м. В связи с революцией 1917 г. Эшба не завершил учебу на юридическом факультете Московского университета, а Лакоба – на юрфаке Харьковского университета.

Были и отличия. Ефрем с юности хорошо играл на klarнете, а Нестор виртуозно играл в бильярд. Лакоба прекрасно говорил на абхазском, хорошо знал русский, свободно общался на турецком и слабо владел немецким. Эшба хорошо владел русским, говорил на английском, знал грузинский и мегрельский и плохо родной абхазский, по поводу чего очень сокрушался. Ефрем был приближен к Ленину, Нестор – к Сталину. При этом оба ценили Троцкого. Эшба был ближе к «теоретикам» партии (Ленин, Бухарин, Каменев), а Лакоба – к «практикам» (Сталин, Дзержинский, Рыков, Орджоникидзе). Между прочим, Троцкий назвал Нестора «человеком большого мужества и практического ума».

Ефрем был приверженцем классовой борьбы, верил в идеалы марксизма-ленинизма; Нестор был меньшим коммунистом и больше народным лидером, крестьянским самородком, который следовал вековым традициям и обычаям, пытаясь приспособить к ним (а не наоборот!) новые революционные и социальные преобразования.

В действительности Лакоба и Эшба, несмотря на отдельные разногласия, действовали в интересах Абхазии и допол-

няли друг друга. Так, в начале 1921 г. Эшба выступил инициатором независимости Абхазии при поддержке Ленина. Его единомышленниками были Лакоба и Акиртава. Несомненная заслуга Эшба состоит в том, что ему удалось тогда, несмотря на противодействие Сталина и Орджоникидзе, переломить ситуацию в пользу провозглашения независимой ССР Абхазия, т.е. еще до образования СССР. Достаточно вспомнить полный драматизма разговор Эшба с Орджоникидзе по прямому проводу (перед поездкой в Батум), в котором Председатель Ревкома Абхазии очень жестко повел себя в вопросе будущего республики.

Однако, грузинские вожди в дальнейшем саботировали это решение, а Ленин, в результате болезни, вынужден был считаться с грузинским лобби, которое имело гораздо большее на него влияние, чем Ефрем Эшба. Stalin, набиравший силу в Кремле, отдавал явное предпочтение Нестору, с которым его сближали даже некоторые факты биографии.

Оба росли без отца, учились в Тифлисской духовной семинарии, оба исключены из нее, участвовали как боевики партии в налетах и экспроприациях...

Ставка, сделанная на Лакоба, оказалась верной, что отчетливо проявилось в 1924 г., когда Троцкий задержался в Абхазии на два с половиной месяца, не приехав на похороны Ленина, и тем самым, потеряв власть. Опекал все это время Троцкого Нестор, а Stalin еще больше укрепил свои позиции в Кремле. Расположение нового вождя было с лихвой использовано Лакоба на благо экономического и культурного развития республики. Не случайно с 1921 по 1931 г. Абхазия на фоне повсеместной разрухи и голода в СССР казалась благополучной «табачной» и курортной республикой. Вообще в течение 15-ти лет (1921–1936 гг.), несмотря на различные перетурбации, понижение статуса – Абхазия, вплоть до гибели Нестора, была фактически на положении привилегированной республики.

Отношения Сталина с Эшба были прямо противоположными. И останься он у власти в Абхазии после 1922 г., не составит особого труда предположить, как бы это сказалось на Абхазии...

Период правления Лакоба явно отсрочил ряд драматических событий, что наиболее выпукло проявилось в подходах к вопросу коллективизации.

В 1930 г. Сталин отдыхал на даче «Холодная речка», близ Гагр. Вместе с ним были Серго Орджоникидзе и Нестор Лакоба. Они сидели на веранде. К ним присоединился и приехавший из Кабарды Бетал Калмыков. Позднее, в 1932 г. Орджоникидзе рассказал об этой встрече Ефрему Эшба, а тот пересказывал своим друзьям чеченцам.

«Калмыков, желая поддеть Лакоба при Сталине, спросил: «А скажи, Нестор, какой у тебя процент коллективизации?». Лакоба не понравился вопрос... Он буркнул: «60 % ». «А у меня – 95 %», – с торжествующими нотками в голосе сказал Бетал Калмыков. Лакоба долго молчал. И вдруг задал Беталу вопрос: «А сколько людей ты расстрелял пока добился таких процентов?» Орджоникидзе засмеялся, Сталин улыбнулся. Смузенный Бетал ответил: «Ну, человек двести...» А Лакоба поднял голову и торжествующе сказал: «А я ни одного...» (См.: Марыхуба И. Ефрем Эшба. Сухум. 1997. С. 398).

В вину Нестору вменялось и то, что он, по словам Сталина, «копирается на все слои абхазского населения». Не было исключением и княжеско-дворянское сословие, тесно связанное с абхазским крестьянством «молочным родством» (аталычество). Некоторым нуждающимся князьям он даже выплачивал денежные пособия, в то время как их преследовали по всему Союзу. Приведу один пример. Нестор, вопреки импульсам, исходившим из Тифлиса и Москвы, рискуя политической репутацией, не шел на репрессии против князей и дворян. Однажды, перед отъездом в Москву, опасаясь возможного кровопускания в его отсутствие, он иносказательно наставлял прокурора Абхазии Алшунба: «Помни, что помимо большой дороги, есть еще и тропинки...» (По свидетельству юристов Л. Черкезия и Г. Колбая).

Об этом в своей исторической поэме «Нестор и Сария» очень емко сказал поэт Семен Липкин:

Он все любил в своем родном народе:
Обычаи, и эпос, и князей,

Которых он оставил на свободе
И как бы превратил в живой музей.
Он выселял абхазцев с неохотой,
Кулак уничтожался разве сотый.
И то, коль Нестор к стенке был приперт,
Он был в своей приверженности тверд,
Абхазия была его работой...

В 1929–1930 гг. социально-экономическая и политическая обстановка в Абхазии резко обострилась. Это было связано с неподготовленностью почти сплошь крестьянской республики к «великому перелому» (1929 г.) – переходу к сплошной коллективизации. Внутренняя оппозиция и оппоненты Н. Лакоба обвиняли его в том, что он переоценивает особенности республики, придерживает темпы роста коллективизации. Лакоба и не скрывал, что он против такой коллективизации, говорил, что здесь нет кулака как класса...

В своем письме от 19 октября 1929 г. Stalin пожурил Нестора за не вполне большевистскую политику, который, помимо прочего, «находит возможным иногда не подчиняться решениям обкома». Можно себе представить, какое обвинение было брошено Нестору вождем. Партия управляет СССР, а Лакоба иногда не подчиняется ее решениям!

Вместе с тем, неожиданно для всех, Stalin обрушился на местный обком партии, который «не учитывает специфических особенностей абхазского уклада, сбиваясь иногда на политику механического перенесения русских образцов социалистического строительства на абхазскую почву» (Куправа А. Из истории абхазской традиционной культуры. М. 1998. С. 107–108).

Таким образом, Stalin поддержал Нестора, и тот значительно упрочил свою власть и авторитет.

Придерживая курс сплошной коллективизации, Нестор растянул ее во времени, смог избежать человеческих жертв, и она, в отличие от других районов СССР, завершилась не в первую пятилетку (к 1933 г.), а к концу второй пятилетки (после его смерти, в 1937 г.). В Абхазии внедрялись лишь низшие формы кооперации – поселковые товарищества; организовывались ТОЗы – товарищества по общественной обработке

земли. Главным же достижением при Несторе был мирный характер колLECTIVизации, здесь не было лозунга ликвидации кулачества как класса, а критерии определения кулацких хозяйств были другими. Не применялись репрессивные меры и административное выселение, как это практиковалось по всему Союзу. (Куправа А.С. 109).

Не прошел мимо этой проблемы и Ефрем Эшба, который в августе и ноябре 1930 г. побывал в Абхазии и оставил свои беглые заметки «О Ткварчелах, колхозах и бандитах» (Марыхуба И. Ефрем Эшба. С. 357–359). Он отмечает, что «нет никакого сомнения, что в Абхазии достигнуты большие успехи как в культурном отношении, также и в экономике...». Однако считает, что республика готова к колLECTIVизации, просто этот процесс дискредитируется властями и частью крестьянства. Он пишет: «Чепуха – разговоры, будто особые условия абхазского крестьянства ставят непреодолимые препятствия колхозному строительству. Об этом говорил мне один «из больших» людей в Сухуме».

Один из стариков отвел Эшба в сторону и спросил: «Скажи правду, хорошее дело колхоз или нет?» Получив ответ: «Да, хорошее и необходимое», он дальше: «Но нельзя ли обойтись, чтобы нас оставили жить по отдельности, и не заставляли селиться в кучу, как в России?»

Здесь же были разговоры об общем огромном одеяле, под которым колхоз будет спать, об общности жен... А как же быть с гостеприимством и оплакиванием, спрашивали крестьяне?

Один из них спросил у Эшба: «Неправда ли, что Лакоба поехал в Тифлис и добился для Абхазии отмены колхозов?»

На основе этих разговоров и своих наблюдений Ефрем Алексеевич приходит к выводу: «вопрос о колхозах в Абхазии стоит еще во весь рост неразрешенным».

О своих впечатлениях он рассказал Нестору при встрече в Гагре, но тот был раздражен тем, что Эшба направил в Тифлис письмо о своем взгляде на колLECTIVизацию. (Ефрем Эшба. С.126).

Положение в Абхазии в 1930 г., по выражению Эшба, было «резко антиколхозное», что и привело в феврале 1931 г. к Дурипшскому сходу...

Завершая свое выступление, хотелось бы отметить несколько судьбоносных для Абхазии и ее народа решений, которые оказались стратегическими и сыграли историческую роль, спустя десятилетия после их принятия.

1). В сложнейшей обстановке в марте-апреле 1925 г. на III съезде Советов Абхазии Нестор Лакоба принимает Конституцию ССР Абхазия и провозглашает республику (ст. 5) суверенным государством. Это казалось невероятным – только что в 1924 году была принята Конституция СССР, в которой Абхазия значилась как автономная республика. После этого началась страшная атака на Нестора и Абхазию, но принятая конституция просуществовала много месяцев. В не менее сложное время: 23 июля 1992 года Верховный Совет Абхазии во главе с В.Ардзинба восстанавливает Конституцию суверенной Абхазии 1925 г., которая просуществовала в военный (1992–1993 гг.) и послевоенный период (до 26 ноября 1994 г.).

2) Благодаря прозорливости Нестора, коллективизация в Абхазии не была проведена в ее жестких формах. Крестьянство, как основа народа, было сохранено. Благодаря этому во время грузино-абхазской войны, особенно на восточном фронте, который находился в блокаде, крестьяне, сельская община проявили стойкость и геройзм.

3) Что было бы с восточной Абхазией в годы грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., если бы в 20–30-е гг., при колосальном противодействии Тифлиса, в горах не появился шахтерский город Ткуарчал? Только благодаря энергичным действиям Н. Лакоба, рядом с Гальским районом и Западной Грузией вырос крупный промышленный центр. Его важной экономической задачей была промышленная разработка каменного угля, формирование национальных кадров рабочего класса, стекавшихся сюда со всей Абхазии. Ставилась тогда и стратегическая задача: создать в Ткуарчале бастион, многонациональный укрепрайон Абхазии на пути картвельской колонизации и восточной экспансии. В 1992–1993 гг. блокадный Ткуарчал стал своеобразным военным центром восточной Абхазии, оказывая неоценимую инженерно-техническую помощь сельскому населению и фронту.

ИЗ ИСТОРИИ КАТОЛИЦИЗМА В АБХАЗИИ (40-50-е гг. XIX в.)¹

Присутствие католицизма в Абхазии обычно ассоциируется с периодом генуэзской колонизации XIII–XV вв. или же деятельностью сухумской католической общины в конце XIX – начале XX вв. К сожалению, до настоящего времени остается относительно малоизученной религиозная жизнь тысяч католиков – солдат и офицеров российской армии, проходивших военную службу на территории Абхазии в середине XIX в. Настоящая статья имеет цель обозначить основные аспекты упомянутой проблемы и тем самым восполнить некоторый пробел в историографии вопроса, нуждающегося, безусловно, в дальнейших исследованиях.

Общеизвестно, что значительную часть солдат и офицеров Черноморской Береговой Линии (ЧБЛ), возведенной русскими в 1830-х гг., составляли католики – поляки и литовцы, сосланные на Кавказ за участие в т.н. Ноябрьском восстании 1830–31 гг. и национально-освободительном движении. Служивший в 1830–1840 гг. на ЧБЛ генерал Г.И. Филиппсон писал: «На Кавказе я встречал множество поляков, в разных частях и положениях» и далее: «поляков в войсках Береговой Линии, офицеров и солдат, было более 10%»². Согласно данным, полученным в Государственном архиве Краснодарского края, в 1843 г. общее число католиков на ЧБЛ составляло 1895 чел.³, из чего в 1-м отделении – 873, во 2-м отделении – 306, в 3-м отделении – 474 (из чего 17 штаб – и обер-офицеров, 443 «нижних чина и разного звания людей», а также 14 «жен и детей обоего пола»), в 4-м отделении – 242⁴. В самой Абхазии

¹ Доклад был прочитан на 56-й Итоговой научной сессии АБИГИ им. Д.И. Гулиа АНА 24–27 апреля 2012 г.

² Филиппсон Г.И. Воспоминания. М., 1885. С. 215.

³ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л. 81.

⁴ Там же. См. табл. 1.

количество католиков по конкретным пунктам распределялось следующим образом (данные приводятся в порядке убывания): в Бомборах – 146 чел., в Сухуме – 104 чел., в Пицунде – 67 чел., в Мрамбе – 48 чел., в Гагре – 41 чел., в Илоре – 14 чел., в Дранде – 6 чел¹. К этому числу следует добавить, по различным оценкам, от 1500 до 2000 католиков, прибывших в 3-е отделение ЧБЛ в последующие годы.

Со времени организации ЧБЛ перед российскими властями остро всталась проблема отсутствия в расположенных там частях римско-католических священников и невозможности совершать католические обряды и литургии. Во многих укреплениях офицеры и нижние чины римско-католического вероисповедания не были на исповеди и причастии в течение нескольких лет, не имея возможности исполнить свой христианский долг. Многие солдаты и офицеры-католики неоднократно обращались к руководству с просьбой о присылке хотя бы временного католического капеллана². Например, в мае 1840 г. воинский начальник форта Головинского капитан Назимов писал начальнику ЧБЛ Н.Н. Раевскому: «Нижние чины римско-католического исповедания во вверенном мне форте состоящие около года не выполняли долгу христианского по небытности священника, а потому и просят моего ходатайства о высылке такового, о чем Вашему Превосходительству почтеннейшее донося, осмеливаюсь всепокорнейшее просить не оставить сделать со стороны Вашей зависящего распоряжения о высылке такового»³. С аналогичным прошением обращался и начальник 2-го отделения ЧБЛ (располагавшийся тогда в Сухуме) генерал-майор Марцелин Ольшевский – поляк и католик.

Н. Раевский с пониманием отнесся к просьбам подвластных ему офицеров и направлял соответствующие запросы в вышестоящие инстанции. Однако для решения данной проблемы понадобились долгие годы. Российские власти опасались, что духовные наставления и пример римско-католиче-

¹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л. 45–48, 53–56, 59–62, 65–66.

² Там же. Л. 5, 8–8об., 15–16об., 21.

³ Там же. Л. 1.

ских священников «...могут и в политическом отношении произвести весьма невыгодное влияние на дух и образ мыслей польских уроженцев на службах здесь состоящих». Лишь 6 февраля 1841 г. российский император Николай I приказал назначить в Управление ЧБЛ «особого капеллана с причетником из польских нижних чинов, знающих латинский язык, для обезода ежегодно прибрежных укреплений, с производством им содержания присвоенного подобным лицам, в пеших бригадах Отдельного Кавказского Корпуса состоящим»¹. Даже в июне 1841 г. священник все еще не был прислан, о чем начальник ЧБЛ сообщил командиру Отдельного Кавказского Корпуса². Наконец, к октябрю того же года российские власти определились с кандидатурой католического капеллана для ЧБЛ. Им был назначен иеромонах Слонимского монастыря Бернардинского ордена Петр Пурвиньский, который прибыл в Управление Линии 27 марта 1842 г.

Римско-католический капеллан укреплений ЧБЛ имел двойное подчинение. С одной стороны, он числился по военному ведомству и находился под руководством нового начальника ЧБЛ, И.Р. Анрепа (1841–1843); с другой, его деятельность контролировалась римско-католическими властями, прежде всего, визитатором римско-католических церквей Новороссии с резиденцией в Одессе, который, в свою очередь, подчинялся главе Римско-Католической церкви в России, архиепископу Могилевскому³. Ксендз Петр Пурвиньский получал жалованье по усиленному окладу – 396 руб. серебром в год, что соответствовало табелю, утвержденному императором 6 ноября 1841 г. Его поездки по укреплениям ЧБЛ совершились «на казенных пароходах и азовских лодках»⁴. С апреля по сентябрь 1842 г. Пурвиньский посетил Новороссийск, Вельяминовское, Гагры, Пицунду, Бомборы и Сухум. Появление польского капеллана на абхазских землях стало значительным событием в общественной и религиоз-

¹ Третье продолжение Свода военных постановлений с 1 января 1841 г. по 1 января 1843 г. СПб, 1843. Ст. 14256; ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л 3–3об.

² ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л. 6–7.

³ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л. 107–108, 175.

⁴ Там же. Л. 42, 42об.

ной жизни служивших здесь католиков. По воспоминаниям современников, на торжественных мессах в Сухуме и Бомбопре неизменно присутствовало несколько сотен приверженцев данной веры, горячо приветствующих прибытие ксендза. За время своего пребывания в Абхазии священник исполнял свои прямые обязанности, возложенные на него вышестоящим начальством – совершал таинства исповеди, причастия, крещения, проводил службы. Вместе с тем, ксендзу было строго запрещено вести проповедь среди местного населения и входить в тесный контакт с абхазскими дворянами. Рассматривая удовлетворение религиозных потребностей служащих на ЧБЛ католиков как вынужденную меру, царская администрация одновременно усиливалась здесь присутствие Русской Православной Церкви и тем самым упрочняла свое влияние в регионе.

Несмотря на положительный эффект, вызванный посещением ксендзом Пурвиньским укреплений ЧБЛ, местные католики осознавали, что лишь один священник не может справиться с выполнением своих обязанностей по всей береговой линии. В сентябре 1842 г. адмирал Л.М. Серебряков написал рапорт начальнику Линии, предлагая направить на ЧБЛ еще одного католического капеллана. «Из предоставляемой ведомости (...) Ваше Превосходительство усмотреть изволите, что число этих чинов простирается ныне до 500 чел. и нет сомнения, что должно еще увеличиться с прибытием в Бомборы и Сухум-кале рекрутских резервов на укомплектование здешних гарнизонов. К этому нельзя не упомянуть о военных судах (...), потому что в экипажах также состоит на службе значительное число польских уроженцев. Между тем самая ЧБЛ получила ныне столь значительное приращение, что никак нельзя надеяться успешного исполнения одного Священника по всему ея пространству. Все эти причины побуждают меня возобновить ходатайство о назначении особенного священника (...) представится более возможности усилить церковную сумму и озаботиться приличным устройством помещений для отправления католического Богослужения и постоянного со-

вершения обрядов, коих весьма многие были лишены здесь в течение нескольких лет»¹.

Начальник ЧБЛ И.Р. Анреп согласился с Л.М. Серебряковым и направил командиру Отдельным Кавказским Корпусом А. Нейдгарту докладную записку с просьбой рассмотреть вопрос об увеличении количества католических священников на Линии. К январю 1843 г. выяснилось, что Петр Пурвиньский с некоторого времени страдает умственным расстройством и не может исполнять лежащих на нем обязанностей. В рапорте от 1 апреля 1843 г. ксендз сообщал, что «при всем своем душевном желании исполнить волю Господина Начальника Береговой Линии при совершенно расстроенном здоровье, в настоящее время не может отправиться в Абхазию для исполнения христианских треб нижним чинам римско-католического вероисповедания»². Описывая сложившуюся ситуацию вышестоящему начальству, И.Р.Анреп вновь просит командира Отдельного Кавказского Корпуса походатайствовать о назначении новых католических священников и о скорейшем отправлении их на ЧБЛ: «Капелляна нет и неизвестно, когда будет. В связи с этим возобновляю свою просьбу от 10 февраля за № 249 (...). От назначения одного священника для всей ЧБЛ много неудобства, тем более прибавилось еще 4-е отделение... даже при частых сообщениях между укреплениями священникам достаточно будет занятия при исполнении духовных обязанностей (...) весьма желательно было бы назначение священника из Польских уроженцев, особенно по политическим уважениям, о которых я уже имел честь представлять на благорассмотрение Вашего Превосходительства»³. После продолжительной переписки российское военное министерство согласилось отозвать Петра Пурвиньского в Слонимский монастырь. На его место решено было назначить уроженца Виленской губернии, иеромонаха Бернардинского ордена Сперата Томкевича (1802 г.р.), прибывшего на ЧБЛ 21 мая 1843 г.

¹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л. 31–32.

² Там же. Л. 68.

³ Там же. Л. 71–72.

Приступив к исполнению своих обязанностей, Томкевич столкнулся с серьезными проблемами из-за значительной протяженности Линии и большого количества католиков на ней. Все это, а также, вероятно, непрекращающийся поток рапортов линейных командиров и начальников возвышило действие и 27 сентября 1843 г. император Николай I издал указ: «1) Для исполнения духовных треб воинским чинам римско-католического исповедания на ЧБЛ назначить сверх состоящего ныне капеллана еще другого с причетниками и переводчиками из нижних чинов сего исповедания; 2) Одному из капелланов постоянно находиться в Новороссийске, а другому в Бомборах и исполнять требы первому по 1-му и 2-му, а последнему по 3-му и 4-му отделениям; 3) Прибавляемым ныне иеромонаху, причетникам и переводчикам производить жалованье и прочее содержание в одинаковой мере с состоящими в Кавказском Корпусе подобными лицами; 4) Для замещения учреждаемой ныне должности другого капеллана назначить состоящего в немецкой колонии Розенталь (Таврической губернии) патера Зенона Калиновского, который на таковый перевод изъявил желание»¹.

После этого приказом начальника ЧБЛ от 30 ноября 1843 г. ксендз З. Калиновский стал капелланом, состоящим в войсках по 1-му и 2-му отделениям ЧБЛ с нахождением в Новороссийске, а ксендз С. Томкевич – капелланом по 3-му и 4-му отделениям с нахождением в Бомборах². Оба священника получали жалование по усиленному окладу, как и ксендз П. Пурвицкий, т.е. ежегодно 396 руб. серебром³.

Направленный в Бомборо ксендз С. Томкевич вскоре столкнулся с проблемой организации места для духовного служения. Оказалось, что свободных помещений в укреплении практически нет. Священника разместили в доме, где проживали офицеры, здесь же в одной из комнат была устроена временная молельня. Когда Томкевич с помощниками отправ-

¹ Четвертое продолжение свода военных постановлений с 1 января 1843 по 1 января 1844 г. СПб., 1844. С. 53. Ст. 1089; ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л. 109–109об.

² ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л. 112–113.

³ Там же. Л. 131, 143об.

лялся в продолжительные поездки по укреплениям 3-го и 4-го отделений ЧБЛ, занимаемые им площади вновь распределялись среди офицеров. В апреле 1844 г. командир расположенного в Бомберах Черноморского линейного батальона №10 майор Д.Ф. Квятковский, поляк по национальности, сокрушался: «Для постоянного жительства иеромонаха Томкевича еще можно дать ему квартиру, а для помещения молельни не только нет удобного, но никакого строения; та же комната, в которой молельня эта помещалась временно, не говоря уже о том, что она необходима для помещения офицеров, но она, кроме того, неудобна и неприлична для Богослужения; а поэтому для этой надобности необходимо построить новое здание»¹. В конце концов, для размещения ксендза С. Томкевича был найден дом, в котором регулярно совершались богослужения и религиозные таинства. Одновременно с этим ксендзу вместе с причетниками и приходилось совершать длительные поездки по укреплениям 3-го и 4-го отделений ЧБЛ, в т.ч. и по Абхазии. Так, с 18 февраля по 6 июля 1849 г. Томкевич совершил вояж по маршруту: Анапа – Новороссийск – Геленджик – укр. Новотроицкое – укр. Тенгинское – укр. Вельяминовское – форт Лазарев – форт Головинский – форт Навагинский – укр. Св. Духа – укр. Гагры – укр. Пицунда – укр. Бомбороы – Сухум – укр. Дранда – укр. Редут-кале, задерживаясь по несколько недель в каждом из укреплений для исполнения духовных потребностей находящихся там католиков². Ситуация осложнялась еще и тем, что в этот период коллега С. Томкевича – капеллан 1-го и 2-го отделений ЧБЛ З. Калиновский сильно болел и временем покинул Линию. Ксендзу С. Томкевичу приходилось работать за двоих. В 1847 г. «за отлично усердную и ревностную службу» он был награжден Золотым наперстным крестом, а в 1850 г. – орденом св. Анны 3-й степени³. В 1852 г. его место занял другой польский священник – Винцент Дудорович (1822 г.р.), первоначально имевший резиденцию в Бомберах, а с 1856 г. – в Сухуме.

¹ Там же. Л. 135, 135об.

² Там же. Л. 253–276об.

³ Там же. Д. 960. Л. 143об., 145об.

Деятельность польских священников и причетников внесла значительный вклад в организацию конфессиональной жизни тысяч католиков, проходивших военную службу на территории Абхазии. Она сыграла немаловажную роль в сохранении их этноконфессиональной идентичности, однако, из-за целенаправленных ограничений со стороны российских властей, практически не отразилась на духовном развитии абхазского народа и его социально-культурном развитии. Тем не менее, данная тема представляет собой одну из интересных страниц истории Абхазии и еще ожидает своих пристальных исследователей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТАБЛИЦА 1

Ведомость о числе находящихся на ЧБЛ воинских чинов римско-католического вероисповедания, 1843 г.

	Гене- ралов	Штаб- и обер- офицеров	Нижних чинов и разного звания лю- дей	Жен и детей обоего поля	Итого
В 1-м отде- лении	1	39	808	25	873
Во 2-м отде- лении	---	9	296	1	306
В 3-м отде- лении	---	17	443	14	474
В 4-м отде- лении	---	5	215	22	242
Всего	1	70	1762	62	1895

Источник: ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л. 81.

ЭТНОЛОГИЯ

АРГӘЫНДА Н.ХӘ.,

АПСУАА ИЧЫДАҚАЗШЫАНЫ ИРЫМАЗ ЕИҮЕИПШЫМЫЗ АНЫХӘАРАҚӘА

Аңснытәи ақьабзтә еикәшара анцәақәа ирызку аныхәа-рақәа: апсадғыл аңсылара, арахәаағзара Аиңар (Аиңар-ныхәа), иахъагы еиқәханы икоуп тыпқәак рәғы. Абжыуаа рәғы иахъанзагы еиқәханы иаазеит даеа қыабзкгы «Жәабран».

Зегъ реиха ихадоу ақьабзтә еикәшароуп «Аиңар-ныхәа», «Хәажәккыра», уи мәғапыргон ачгара (пост) алагара раңхыатәи ашәаҳъаенү. Иқартцон ахәажәақәа раңдааны, аха урт рнафсангы иқартцон амра, амза, аетәа еиғышыз ахәажәақәа. Убрι аныхәа қалаанзә даеа иатқаарап иалхны акғыы қартцомызт, ирғомызт.

Аныхәа аламталас арахә зегъы анеизоз, атаацәа зегъы еи- заны ағны ашә апхъа иғагыланы, уа аишәа наргыланы иқәйртцон еиқәдүршәаэз афатәқәа зегъы. Аңаашыгы аркны днагылын ағнаңа аиҳабы.

Атаацәа реихабы Аңцәа дихәон х-хәажәак, аңаацәашь кны, еитах х-хәажәаки аңаацәашь кны Аиңар дихәон. Анағсан алабз асаҳъа атаны ирзүз ахәажәақәа хұпа кны алақәарын- цәаҳәы Алышыккынтыр дихәон. Анағсан, ахәажәа зтаржәыз азы абжак амшын аганахъ икартәон, еғи абжа ашъхара ага- нахъ икартәон ус ҳәо: абзбаңсы ибз блааит, абласәғья – ибра.

Алышыккынтыр анағс, Аңцәа ихәағ амреи, амзеи рсаҳъа змаз ахәажәақәа кны, амза асаҳъа аманы икызыз, ахаацәа ааидыргыланы амза ашқа ахәара қайцон, ағиара қаларазы. Амра асаҳъа змаз ахәажәа кны ахәса идыргыланы ахәара қайцон, амреиңш ахәса лашозарц, наццаны. Анағсан дихәоит адғылқәаарыха анцәаҳәы Анаңа-нага. Анағсан аңаацәарынцәаҳәы Аеышашын, аныхәағ икуп дара рсаҳъа змоу ахәажәақәа. Урт зларжәыз азы картәон аганқәа зегъы рышқа

усгыры рұхөн «Уоцә» ҳәа. Аиңар-ныңқа анынцәалак ағар еизон ғонағат ағы. Үақа ахәажәақәа ржәуан. Иржәуан атаара намцхәны изыртаз ахәажәақәағы. Апсахы Ахәажәақәа руак ағы иалартон арасатқы, мамзарғы ахәажәақты. Уи атәры ус азырхөн «анаңыпқәә» ҳәа. Уи атәры зықәшәаз анасың змоу ҳәа дрыпхъаizon, иааниуз ашықас азы иара иғнағағы иқанттар ақәын аишәачара (аныңхәара ажәақәа рәғы иалан ажәақәа: «зұхәа нағуза, зтәы нағуза» ҳәа. Аиңра анцәахәни ҳәа дыпхъаизан анра-хшара ахылапшығ – Гъера. Ахәышәақтара итнаңдауеит ахәшәи аңаңызғы реиниyrра. Уи ахәышәақәа рыла адагы ап-сыуала иқартқо ахәышәақәеи атәхәақәағы атсанакуеит.

Ирчыдақашшааз апсуаа?

Апсуаа рәғы ахәычы рапхъа инацхәың анхырссоз, ашәахәа-ратә рхәагақәа итадыршәуан. Уи архәашша бзианы ицаалиа-разы. Анағос ашәкәыпхъара анықала, ашәкәы иагәылартқо иа-лагеит, атара бзианы италаразы.

Ахәычы рапхъа ихцәы анхыртқа, амышәхәы амхра ҳәа иашытоуп, уи здырқатғогы дара ирзааигәоу, ма мыңхәы ирғызы-за бзиоу ихдиртқаоит, илыхдиртқаоит. Уи нахысгыры урт ахәычы дара дрыуаҳоит.

Адәнықа иқоу ҳәа аныңхәара

Азғаб хатса данцалак, дантацуо, дырныңхәаанза азаага-ра дрыштызомызт, азы итоу Азызлан дылхымпшразы, убри азы дырныңхәон. Ацәашы аркны акәты лхы иакәыршаны дырныңхәон. Уи акәым анышәынтрақәа данрассоуаз апсұры (апсұры – захъзу апсүәа зегбы дреиңшым, иаҳа иңбароу, агәалақәа раңааны измоу, зыңсы туу мачк ирызгәааны иқоу, ма қашшала ус иқаз дреиуоуп) дылхымпшырц.

Апхәыс лцәалтәымкәа данықоу, апсыжрахь дыргазом, апсы дылхымпшырц. Зыда ғсыхәа ахыықам апстәыуара дақәшәаарғы, ауаа антәыуо ирыкәшо иқартқо лара иқалттар қалазом, лара дыкәшәзом.

Дашқарныңхәоз апсұры дызхыпшыз?

Апхәысцқыя (ус ззырхәоз хатса имзакәа акыр зхытцыз, ма аныңхәара анықалтқоз аамтазы зхатса дзыпхахъаз, уи аамтаз-

гы аҳаса рчымазара змыхъуаз) убас иҝаз лакәын аныхәара здырқатцоз.

Ишпәකартцоз уи аныхәара?

Абфатәы гәйблаа ахаҳә шкәакәақәа антсаны, ачымазағ дахышыштоу днеиуеит. Ачымазағ дгыланы, амрагыларахь ләр рханы дшамхнышгылоит. Аныхәағ ахаҳә шкәакәақәа зынны илку агәйблаа, ачымазағ лхы иакәыхшо илхәоит. «Уажәа-зы ахнырхәтәы ҝастсоит, ажәохәмыйш раан агәаңәа үхар-боит, ухышшыргәйтә сакәыхшоуп, сүхәоит улхылапшырц, илхыншыз аңсұры иќнитә лхы дақәитәирц, дылпышрагам-харц.

Ачымазағ арғырахь хынта дгъажьуеит, лылахь-лыңымшы ләзатәуеит. Ачымазағ данышшыталалақ, агәйблаа дахышыштоу лцәартғәы аханы итталыргылоит. Азәы далакысыр ҝалазом, мамзар ачымазағ деиңәахоит. Аныхәарақәа ҝартцаанза ачымазағ, ахаҳәи абғеи рыхъз лхәар ҝалазом. Лара лцәартәңғы даеаӡәы дышшыталаргы зыңзаск иҝалазом.

Жәохә мыш анцлак, асабшаенә акәты арцына ршьеит, ачымазағ дырныхәоит. Уи аштыахь афатәқәа раңааны иҝартцо-ит, ахаақәа, аишәа андыриналак, аныхәағ ачымазағ лханы итшагылоу ааңәигүлгойт, ачымазағ ампахьшы шкәакәа лхы интарданы, амрагылахь ләр рханы дшамхнышгылоит.

Аныхәағ лмартахәкәа аашытыхны ус лхәоит: «Иахъа ачымазағ лмартахә ҝалтцеит, уаҳа арахь аңсұры дылхымпшааит. Даҳымғахытплакгы дманшәалахааит, дныхәан дұкалааит» – ҳәа. Агәйблаа лхы иакәыхшаны илыршәуеит. Иахъкаһазғы хымш азәғы далакысызом.

Нас еғи идыриахъаз аишәағы ааңәашы аркны аишәа дырғылоит «Шәмартахә зегъы ҝатсоуп» ҳәа ҳәо ағи ауаткеи картәоит. Ааңәашы анбыллак аишәа аартысны инахатәааны афатәқәа рфоит.

Аныхәағ аҳамта лытанды дрыштыуеит.

АПСУА НАШАНАТӘ ЛАКӘҚӘ АФЫРХАТЦА ХАДА ИТАХАРА ААЗЫРПШУА АМАТӘАРҚӘА

Апсуа нашанатә лакәқә реилазаарағы афырхатца хада дыштахаз аазырпшуа матәарқәоуп: ачабра, асаркья, амыркатыл, ахызатқә, ақама, ахәзызба, амаңаңа.

Аматәарқәа зегьы афырхатца уадағорак даниар, ма дтәхар иашыцәа, иахәшьцәа, иғызыцәа адырра рнатоит. Ачабра, асаркья, амыркатыл, ахызатқә, амаңаңа ашыа ырылцуеит, ақамен ахәзызбен жылакцоит. Уажәы ҳаззааттыло ағырпштәы ақны алакә афырхатца иғны ааныжыны даңа дгылк / тыңк ахь данцо ичабра шәкәакәа кнеиҳауеит, уи ала иашыцәа еилыркаауетит иара дахынеиз атып ағы дзыниаз. Ачабра азы ахынзалтуа ипсы қоуп, ашыа алтыр итахара иазкуп:

Ачавра шқәакәа кнеиҳауит.

– Абри азы ахынзалтуа убраанза сәғәи бзиоуп, ашыа нағыллакъ, убасқан сәғәи баапсүп, усышытап, – ҳәа иеиҳаеит.
<...>

Бабоу даара дыңшишт. Өнак ачавра ашыа алдит. Бабоу иғы дәфақаттаан ешыа дишытапт (Зыхәба 2005а: 392).

Ашыа ауағытәйсеса ипсы иадхәалоуп, анашанатә лакәқәа рөғы ашыа злығыз аматәарқәа афырхатца итахара аадырпшуеит. О.В. Белова илғуеит: «Кровь – в народных представлениях средоточие и символ жизни, субстанция жизненной силы, обиталище души» (Белова 2014: 263). Апсуа нашанатә лакәқәа реилазаарағы ачабра афункция мәғнагоит асаркъагы. Афырхатца иашыа, ма иғыза асаркья иитоит, уи есышыжымтан дахәапшуюеит, шыала ишәыр афырхта итахара иадхәалоуп:

– Абри асаркья есышыжымтан, шәғы анышәзәзәалак, шәа[хә]аңшила. Ахш акәаашо иахынзажәбо, сыйсы қоуп, <...> ашыа акәаашо ижәбар, сеиғам, шәссышытап. <...>

Шъжымтәнк Салусан иашыңда рұғы-рнапы ဇәзәа асаркъа ағаша қаласыз ианлахәаңш, ашың ақәаашо ирбейт (Зыхаба 2007: 156–159).

Асаркъа ҳылоит даеа текст ағғызы, уақа афырхатса цәгъя-
рак даниар, дәхар асаркъагызы, ажәғанғызы хәашуеит, уи ала
еилкаахоит цәгъярак дшақәшәаз, ма дыштахаз:

*– Сара саҳыңзаеибгou абри асаркъа кеикеиуа икоуп, са-
нықам амнахъ ажәған хәашыхоит, абри асаркъагъ хәашыхо-
ит, – ихәеит. <...>*

Ани аққын иғызыңда ахтәаз ианынаңш, исаркъагызы
хәашыит, ажәғанғызы фежкхеит. Ҳай-чеси рұқан апқағәа
иғаибаркъан амға инықәлан, амшын инхылан ицеит (Зыхаба
2005a:134–135).

Адыга жәлар рлакәқәа ирығұарпшузар уақагызы асаркъа
апхәызба (алакә аперсонаж хада) лтахара аныпшует:

*– Давайте смотреть в мое зеркало, – говорит старший
брать, увидим, что делает наша невеста! Они бросились к зер-
калу и <...> увидели, что любимая ими девушка, из-за которой
ездили за тридевять земель, лежит мертвая (Алиева 1978:
223).*

Анашанатә лакә афырхатса итахара аазырпшуда матәаруп
иара убас амыркатыл. Афырхатса иаҳәшьы амыркатыл литоит,
лара есышырыжымтән иара дахәаңшует, атыхәтәаны шыала
ишәйр лашың (афырхатса) итахара иазкуп:

*Абри амыркатыл ҇әахны ибымаз, лассы-лассы баҳәаңшила.
Азымфатәирахъ шыала ишәуазар, сара сгәақроуп ибанаҳәо, –
ихәан, амыркатыл цырцыруа иаҳәшьы илиркит аққын. <...>*

*Шъжымтәнданахәаңш, илбейт амыркатыл азварак шы-
ала иишәйз. Даатрысит (Зыхаба 2007: 133–136).*

Анашанатә лакә афырхатса итахара зныпшуда аматәарқәа
ргәып иатканкуеит ахызатцәгызы. Атекст излахәо ала, афырхатса

ихызатқа иаҳәшьцә ариғоит. Ағырхатқа итәгылазаашъя аил-каразы ахызатқа ахш изаадыршәлоит. Ахызатқа зтаршәу ахш шъаартқәырахар ағырхатқа дәхоит:

Иара ахызатқа аатихын илитеит, абасгы налахәаны:

– Абри шыныжла ахш-ца изааршәла. Ахш шъаарәйраны иқалозар, стәхеит. Ишыхшу инхозар, сеңкәханы сыйкоуп, – ҳәа. <...>

Ари аңсұа дыштахаз ант атқаәжәцә ахфы еуқәшьцәа ианеильтіркәа, иааин ахан асоғ үхалан ийәуга үхатәеит. Ахқәа рзынимыжъязы, урт үрдірим иара дыштахаз (Зыхәба 2005а: 199–200).

Хыһы иаахғаз аматәарқәа реиңш ақамагы ағырхатқа итәхара иадхәалоу матәаруп сиужетқәак рұғы. Аишьцәа х-мәфак ахьеихагалоу рәкамақәа адырсует, зқама ағы жъакқаз дәхоит:

Аишьцәа <...> хы-мәфакы ахьеихагалаз инеит. Ақама аатырган амфақәа ахьеихагалаз иадырсит. <...> Ҳаҳыцо азәыр ҳұтаханы ҳәлозар, штахаз иғанахъала ақама ағы жъакқааит рұәеит, еғыи еубганы иааиуа иалаидырырц. <...>

Дшааиуаз, ани иашыңи иареи ахьеиңырттыз хы-мәфакы ахьеихагалаз дааит. Инрыжызы ақама длахәапшызар, иашы дахықаз аганахъала ижъакқаны иқан. Ихызы седроу сашыа үхән, дишиңталеит. Ихыртқа-ңсыртқа изыңшаауазар ҳәа (Зыхәба 2005: 268–269).

Ақама афункция аныпшуюит ахәызбагы, иара иалшоит ағырхатқа иғызыңцәа / иашьцәа дзыниаз реилтыркәара:

Ари иғыза Грышыа нақтәи даауеит. Ианеиңырттуаз, иаҳьеиңырттыз айла данаадғыла, айла иаларәз ахәызба жъакқаны иқан.

– Ааит, ари сөзіза дәхеит, сцароуп сишиңталаны, – үхән, апқаөхәа [иғынеихеит] (Зыхәба 2005а: 159).

А.Л. Топорков иҳәоит: «Нож – является оберегом наряду с

другими острыми и режущими предметами из железа» (Топорков 2014: 326).

Афырхатца итахара зныпшуа аматәарқәа ирхыпхъазалоуп амацәазгъы. Амацәаз абла шьала ишәыр афырхатца итахара иазкуп:

Нас Қыкәа имацәаз ааимҗихын, Алықьса инеииркын, ус еиҳәеит: – Цәгъарак саниар, смацәаз абла ашья ав҃ыжжны иубап.

– Саргы цәгъарак саниар, са смацәаз аблагы ашья ав҃ыжжны иубап, – иҳәан Алықьса, имацәаз ааимҗихын Қыкәа инаиштәеит (Зыхәба 2005: 257).

Хылх еиқәаҳапхъазаз аматәарқәа шьала ишәыр, ма ижъак-цар анашанатә лакә афырхатца итахара аадырпшвеит. Асаркъа, ачабра, амацәаз урт ә-дунеик ирыидхәалоу матәарқәоуп. Афырхатца дахылказаалакгъы дзыниаз ахтыс аадырпшвеит. Егырт аиха иалху аматәарқәа амыркатыл, ахызатә, ақама, ахәызба уртгъы инарыгзойт ә-функцияк, акы афырхатца дыштахаз ала адырра рнатоит, әбә, уи аштахъ афырхатца иашыңәа, иғыз-цәа цоит иеиқәырхара. Ажәакала, итагылазаашья аныпшвеит, деиқәнархоит. Анашанатә лакәкәа рықны аихалых афырхатца дагътанархоит, дагъахъкоит.

Предметные реалии, информирующие о гибели героя в абхазских волшебных сказках

Аннотация: В абхазских волшебных сказках предметы: платок, зеркало, ножницы, пуля, кольцо, сабля и нож информируют о гибели героя. Из платка, зеркала, ножниц, пули и кольца вытекает кровь. Нужно отметить, что в некоторых примерах зеркало темнеет. Остальные предметы, сабля и нож ржавеют и этим братья / друзья главного персонажа узнают, что он попал в беду, и отправляются на его поиски / спасают.

Алiterateтура

1. Алиева 1978: Сказки адыгских народов / Сост. вступ. ст. и примеч. А.И. Алиевой. М., 1978.
2. Белова 2014: Белова О.В. Кровь // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 2-е изд. испр. доп. / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2014. С. 263–264.
3. Зыхәба 2005: Апсуа жәлар рәәпъыц рәниамта. 12 томкны. IV атом. Актәи ашәкәы: Апсуа лакәқә / Еиқәиршәеит, акыпхъ изизирхиенит, апхъажәеи азгәатәқәеи ифит С.Л. Зыхәба; атакзыпхықәу аредактор Ш.Х. Салақана. Ақәа, 2005.
4. Зыхәба 2005а: Апсуа жәлар рәәпъыц рәниамта. 12 томкны. IV атом. Аффатәи ашәкәы: Апсуа лакәқә / Еиқәиршәеит, акыпхъ изизирхиенит, азгәатәқәеи ифит С.Л. Зыхәба; атакзыпхықәу аредактор Ш.Х. Салақана. Ақәа, 2005.
5. Зыхәба 2007: Апсуа жәлар рәәпъыц рәниамта. 12 томкны. V атом. Актәи ашәкәы: Апсуа лакәқә / Еиқәиршәеит, акыпхъ изизирхиенит, азгәатәқәеи ифит С.Л. Зыхәба; атакзыпхықәу аредактор Ш.Х. Салақана. Ақәа, 2007.
6. Топорков 2014: Топорков А.Л. Нож // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 2-е изд., испр. доп. / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2014. С. 326–327.

ПРИРОДА

ГЕРГИЯ А.Ф., СМЫР А.Л.

АХЬЯ: ИАХЬАТӘИ А҆ТАГЫЛАЗААШЬЕИ АҲАРХӘАРЕИ

Ахъатла алататә – зыбғы кәпсо ахылтшытрақәа иреиу-оуп. Уи иззхаусеит 20–35 метра рұқынза, иуыллоит ахъатла 40 метра рұқынза аура змоугы. Ашьапы атбаара 2 метрак ирзынаңшесеит (Тугуши, 1990). Ахъатла иззхаусеит Амшынб-жъаратә дгыл ақны, Каспиатәи амшын инаркны Атлантика ақынза. Ипхъазоуп, ари атла еиқәхеит ипсабаратәу ареалла Алада Европа, Афада-Мрагыларатәи Қырқатәыла, иара убас Нхың-Кавказ атыхәтәантәи атааршәыратә аамтаз.

Ахъатә бнақәа, Аңсны егъырт абнақәа реиңш аҳая ахырхагоу анырра артоит. Адгыл ацәаакыра аиқәырхара, иара убас аҳаиртә лышәшәақәа реизырхареи, реизшареи рұны аழыраара қанаңтоит. Ахъатә бна иара убас иалнаршоит: азхыңтракәа, аарғара, азынтара аамтаз акырцх, иаалыркыаны аҳая лақера, апхынтара апша пха лас, апша амч арпсынера ухәа апсабаратә рыхаралықәа раңыркөкәаара.

Мәхакытбаала Аңсны изызхау атла жәлақәа ируакуп ахъя. Еихарак иара иззхаусеит тақатәи, абжъаратәи атиатә цәаҳәақәа рұны. Иара абжъаапны иуыллоит ашә, аүү, ал тлақәеи иареи еилаңсаны. Игарпшарны иззхаусеит ицқью атиаақәа реилазаарағ, адгыл пылақәа рұны (Бражба, 1996. С. 7–18).

Ахъа ацәа ацәыш-цәғабжъа пштәы амоуп, лассы-лассы иуыллоит ақата пшра аформа аманы итсаулоу атәағәастақәа алганы. Ахъа ақера раңа нызтца тла желоуп. Икоуп 1000–2000 шықаса нызтца. Ахъа абғы цыркуп, еиштағылоуп, ахықәцә таруп, аура 16–28 см ыкоуп, 5–9 см атбаара амоуп. Ишәтуетеит латтара-пхынгәи мзақәа раан (Васильев, 1938).

Ахъа заманала ацха қаздо атлақәа иреиуоуп, иара ахышәт тәға змам ашхакәеи егъырт еиуеипшым ахәачақәеи аднаңхъалоит. Зегъ реиха иалкаақәоу иреиуоуп кавказтәи

ашыхыц аңсуа – «абхазианка» ҳәа изыштыоу. Иара егырт излареипшым акы акәны икоуп апышә ахъяуу, ахачхара ҭәә ахъамоу, аусуреи атынчреи бзия иахъабо. Ари ашъха еизнагоит амати (анектар) иаҳаирацәаны. Иара нхонит ашъха ҳаракқәа ркны, убри инамадан «ахаҳәтә шъха» ҳәа иашьтоуп. Аңсуа шъха иканатдо ацха даеакы иузаламырфашо ахатабзиара ҳаракуп, иагъхәшәуп. Ашъхаазағәа абжеиҳан ари ашъха аәиара артоит апшахәақәеи аҳаракырақәеи ркны.

Ахъатә цха хаазам, иара убас егырт излареипшым – ижәпа зам, апштәи еиқәароуп, афөи ҹыда амоуп, агъама ашара ахукауеит, ижәпа хазом (сахаристость). Арт еиқәыпхъязоу ацыдарақәа ирыбзоураны, акондитертә ааглыхрағ инартбани ахархәара амоуп. Абъәкәеи ацәеи иара убас рхы иадырхәоит ахәшәкәтәреи акосметикатә наплакқәеи ркны. Ахъа ацәа иалтца атанин рхы иадырхәоит асаҳтантә ааглыхрағ. Ахъа абъы беиоуп авитамин К, атанин рыла. Урт ахархәара рымоуп жәлартә медицинағ ағынтықкатәи ашъацаараан, ашәыга аҳасабалагы рхы иадырхәоит.

Ашәыр згәйлоу ахъапарч 17–20 грамм ркынза акапан амоуп, хта инаркны быжыба ркынза арыц агәйлоуп. Иулакъакъартә еиҧш иңаңыоуп, ианықалалакъ пшь-хәтакны иаатуеит, ақапсарагы иалагоит жъتاара-абтцара амзакәа рзы.

Ихырхагоу аматәашъарқәа рыла ахъа акакан жәлақәа зетыи ирапнагоит, урт ирчемпионны ипхъязоуп. Иара рдыруеит зкалория лақәу фатәны. Иалоуп авитамин С, иара убас авитаминқәа Е, В2, В5, В6, РР. Ахъа беиоуп ажелеза (аиха), аиод, афосфор, амагни, абфа, акали, акальци убас егырт амикроэлементқәагыры рыла. Иара аилазаарағ икоуп 6% ркынза абелок, 70 % инарзынаңшуа ауглеводқәа, иара убас ахъа аәална-кауеит ашъа арыцқъара зылшо аклетчатка абеиарала.

Ахъа арыц акыр ихырхагоуп, убри инамадан еиуеипшым абнатә пстәқәа рзы ихадоу фатәны ипхъязоуп. Иара мәхакыт-баала ахархәара амоуп Европа ачазыртақәеи акондитертә усхккәеи ркны. Иалырхуеит ачашыла акырзға иапызғо ихырхагоу, ауағы изеиңү ашыла, иара убас ахъатә пиуре иалырхуеит акахуатә рыйжәтәқәа. Ахъақәа рхы иадырхәоит ижәны, ирфаны, изнү. Урт ргъама бзиоуп ашъақар анрымоу еиҧш,

аңызыка шкәакә атәнгы. Ахархәара amoуп афатә гәлатқәеи, аршышықәеи, аконфетқәеирықатцарағ. Ахъа акаканқәа аза (сыре) ҳасабла рхы иадырхәоит аспирт, ахәша, ашъақар ухәа егырт афатәқәа рықатцарағ (Аджинджал, 1969. С. 25).

Аибашьра аамта хъантакәеи аеафра ақамлареи раан ау-аапсыра амлакра рәазлацәрыхъчоз ахъа аалың ала акәйн. Ахъа рфон, ирғаны ирлагон, иалтцуаз ашыла акәаҳа алышруан, уи ацха атәнды еиуеипшым афатә хккәа қартzon. Иара убас ахъа рғаны, ирыцқаны иржәуан, аңызыка атәнды, арашы алатәаны еилдүрхуан. Уи иалтцуан ахъачапа. Еиуеипшым атәылақәа рғәи, еиҳарак аҳаракыра ҭыңқәа ркны, апсуаа ахъа иалхны ашыла қартzon, уи ахш атәнды афатә ҹыда дырмазеиуан. Уи иахъзын ахъуарзы. Уи афыза афатә Җәырыргон аныхәақәа раан, мамзаргы асас дахь данырзааиуаз. Иахъа уажәраанзагы ахъатә шыла кәаҳаны ашә агәылатданы ахъа абғыы илахәаңы, акәиц ақәпсаны ирзуент Анцәа имтәнүхәаракәа раан. Уи афатә иугәланаршәоит апсуаа лассы-лассы иңәырырго ашә згәйлоу ақәакәар. Ахъа бғыы ағыи ирзуент иара убас ақыбзтә ча. Еиңирдүруа аңызықәеи шыла, мамзаргы ахъа шыла ирылху «Аплакъ мғыл» афызы хaa атаразы акәаҳа акакани ахъеи рыбғықәа адданы ирзуан. Акәац иалху еиуеипшым афатәқәа ахъа агәи алатданы иқартzon (Копешавидзе, 1989. С. 128).

Апсны азы ахъа иреликттәу, ишыагәтыу хкны ипхъязоуп. Уи азхауан, иахъа уажәраанза иахъазхая адгыылтцакырықәа ркны. Ахъа Апсны иуپыло егырт атлақәа ҭырғылнанаауеит акырза агәтәаралеи, атламатәахә уиақара иахъыхъантамырыла. Иара иалтца амәлых апштәи илаша-Җәышәшәуп, ахачхара amoуп, ахайа Җәаак ахъыкөу атыңқәа ркынгыы ихәаңсазом. Иамоу ипшүоу апшшәи ақәпшылареи азгәатаны, зегыныңъара ахархәара amoуп.

Иҳаффыз аамтақәа рзы ахъа мәхакытбаала ағиара аман, аха иара амәлых ахатабзиара ахъахаракызы инамадан, атәыла ауаажәлларра ҭыфныңқа ахархәара ҳарак аиуит. Еиҳарак ағнқәа ҭырғыларағ, ағныматәа ақатцарағ иадыргалон, иара убас Апсны иалганы ахәаанырцә ирыштыуан атираз. Шәышықәа иреитәмкәа изхытцуа ахъатә кәасқыақәа иахъагы иахъупыло атыңқәа ыкоуп.

Ахъа тламатәахә иамоуп еиуеңшым ахархәара аустара аус ақынгы, шыахәла иалырхеит акыр зыхә ҳараку ағқәа рзы ауалырқәа. Зықәра раңаам ахъа тла ашъапқәеи амакә шәпақәеи рхы иадырхөон ажъ атыргәақәа рытарағ. Атла дуқәа ршъапқәа рыштыан ателеграфтә шыақақәа ахъатах-хоз атыпқәа рахъ. Ас еиңш иқаз мәхакытбаалатәи ахархәара ахъа ағиара ианымпшыр ауамызт, ҳәарада (Аджинджал, 1969. С. 25).

Аңсуаа ианакәызаалак ахъатла азғелымхара ду артон, иреигүйз ажәла алпшаны рхатәи дгъылқәа рұны еитархаяун. Ахъа ғиоит жәлала, иара убас қашәлагы. Ажәла ибзианы иа-ауеит, аитахатә ахачхара амоуп, ашәшшыра ачхауеит, ирласны иазхәуеит, адацпашә ағиара амчхара тбаауп, уи иабзоураны шамахамзар апша пырхага азанағазом.

Ҳазтагылоу аамтаз ахъа ақәзаарахъ ахы археит. Ахъатә бнақәа, атыхәтәантәи аамтаз ҳтәылағ ағиара зауз ақәыкәбаатә чымазарақәа ирыхъяны афара иалагеит. Еиҳарал ахъа ағиара ааха ду азто ҳәа ипхъаҙоуп ақәыкәбаатә патоген. Уи иарғиоит «акрифонектриатә некроз». Уи раңхъаңа акә-ны иғәаңан 1930-тәи ашықәсқәа ралагамтаз. Ари ачымазара ахъатла ашъапы, амакәқәа ұыара қәқарстак ахъаниуз мәхакытбаала аеаланагалоит, ақәзаара ақынза инанагоит, атла ақәәи инаркны афара иалагоит. Насгыы ихәатәуп Аңсны ахайа ататареи ацәаакыреи ақәыкәбаа чымазара ағиаразы атагыла-зааша бзияқәа шапнато. Абартқәа зегзы еидкыланы уанры-зхәйцлак, иахъа ахъатла иамоуп алахъынцағы ауағы ихароу раңауп, ҳәарада. Еимтәарыла, гыгшәыиграла ахъатла азнеи-ра иахъяны, иахъа ахъатә бнақәа ғархеит, рымғак иаха-иаха ихысыхәеит.

Ахъа аптырхага ду азто иреиуоуп ахъа-акакан пхастазтәуа «Долгоносик», «Плодожорка» ҳәа изыштыу ахәацақәа, иара убас атыхәтәантәи аамтаз аитахатә иаанагаз аптырх-гағатсағ-каштановая орехотворка. Уи еиҳарал ааха ынағеит ақәра маң змоу амакәқәа.

Ахъатла ағиара аптырхага азто акрифонектриатә чымазара ағагылараз аспециалистцәа иалыркаая хырхартоуп еилапсоу аитахарақәа реиекаара. Убри аан ахъа амәхак 20 процент иреиҳамзароуп. Ирласны ачымазара иамғананакуа

ахъатла аиқәырхараз алтшәа бзия аазырпшүа акы акәны иазгәртөйт атарауаа.

Уажәазы ихымпәдатәни усмәфаптатәни ипхъазоуп ачымазара змоу ахъатлақәа пұнаны, иаарласынгы иалугартә еиңш иаҳыықоу атыпқәа аус рыдулара, мамзар ачымазара ағиара амәхак еиҳагы аеартбаар алшоит.

– Ахъа еизҳаеит еиуеиңшым атәйлақәа рұнды. Иаххәап, Италия ипшаауп еиҳа ахачхара злоу, ачымазара иацәымшәо ахъа хкқәа. Урт рұнды акәыкәбаа чымазара «Сүмчатый гриб» җәа изыштыу мчыдоуп (Лукмазава, 2013).

Атиаазаразы адунентә наука ахъатла аиқәырхараз аусурақәа мәғанагоит, ираазоит ахачхара ҳарак змоу ахкқәа аиңаҳатә аазаразы, урт рұынта иргоит ажәла, ахаҳатә (черенок), – изағеенеит Ағсуа тәарадырратә абнатә қышәаратә станция адиректор Витали Датикәа-ипа Лейба.

Аннотация: Каштан посевной или съедобный – реликт третичной флоры. Одно из красивейших деревьев нашего леса, дающий вкусные плоды, медоносный нектар, ценную древесину.

В настоящее время наши каштановые леса болеют, как и по всему ареалу его произрастания. Площади лесов сократились, а их санитарное состояние и устойчивость резко ухудшились, наблюдается усыхание как отдельных деревьев, так и целых участков каштановых насаждений. И виной всему – неразумная хозяйственная деятельность человека, появление грибной болезни и вредителя – каштановой орехотворки.

Каштан за миллионы лет своего существования, несомненно, пережил немало природных потрясений и все же выжил. Будем надеяться, что специалисты найдут эффективные меры борьбы с болезнями для улучшения состояния каштановых лесов.

Литература

1. Тугуши К.Л. Отчет о НИР: Изучить формы ценных аборигенных видов лесных растений (каштан съедобный, дуб имеретинский, дзелква граболистная) // Очамчира, АБНИЛОС, 1990.
2. Бгажба М.Т. Леса Абхазии. Труды АБНИЛОСа. М., 1966, вып. 2. С. 7–18.
3. Васильев А.В. Дикорастущие плодовые и пищевые древесные породы Абхазии. Сухуми, 1938.
4. Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969. С. 25.
5. Копешавидзе Г.Г. Абхазская кухня. Сухуми: Алашара, 1989. С. 128.
6. Лукмазава Е. Статья о питомниках в газете «Республика Абхазия», № 69, 2013.

НОРМЫ АДЫГЭХАБЗЭ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

(На материале социологических исследований)

Глобализация – это масштабный объективный и необратимый процесс, она имеет свои позитивные и негативные процессы. Достижения в области технологии производства, в сфере науки, медицины, образования и т.д. отдельных отраслей тоже берут на вооружение другие. Все это значительно способствует во благо человечества на пути прогресса и процветания. В этом заключается положительная роль глобализации. И это заслуживает всяческой поддержки всеми народами и странами. Однако она имеет и свои минусы. Прежде всего, речь идет о том, что в условиях глобализации и современных средствах массовой информации возникла реальная угроза «поглощения» культуры и языка малочисленных народов культурой более многочисленных. Навсегда могут исчезнуть с лица земли многие уникальные и неповторимые культуры малочисленных народов. Красота рода человеческого заключается в том, что он разнообразен в своей культуре.

Да, диалектика культуры любого этноса такова, что она имеет свои стадии развития и упадка, как и сам ее носитель. Нельзя не согласиться с Г. Гегелем, который отмечал, что «каждый исторический народ в соответствии с принципом собственного духа проходит стадии становления, расцвета и упадка, после чего, выполнив свое историческое назначение, т.е. реализовав определенную форму осознания свободы, он сходит с исторической сцены (Гегель, 1998. С. 3). Так было со многими великими этносами на всем протяжении многовековой истории человечества. В частности, к ним относятся хаты, халды, касты, шумеры и т.д. Мы не вправе быть простыми наблюдателями исчезновения культур малочисленных народов, которые в первую очередь получают основной удар этой глобализации. Каждая страна должна заботиться о сохранении и

развитии их культуры и языка, закрепляя ее законодательными базами (Унежев).

В сложной обстановке развития культур наблюдается кризисное состояние этносов. С одной стороны, всеобщая глобализация всех сфер жизни общества подавляет этничность, нивелируя ее, с другой стороны, этносы подчеркивают свою исключительность. Эта ситуация ставит страну перед лицом множества новых вызовов и проблем. В многоэтничной и поликультурной России формирование национальной идентичности – сложный, болезненный и противоречивый процесс (Джамирзе, 2017. С. 25).

Нормы адыгэхабзэ на сегодняшний день особо актуальны в Республике Адыгея, когда ценностные ориентиры находятся под угрозой исчезновения. Многие этические нормы адыгэхабзэ, т.е. обычаи и традиции адыгов потихоньку стираются или видоизменяются. Если взять, к примеру, свадебные обряды, то адыгские свадьбы в основном подражают европейским стандартам. Всего лишь около 2 % из числа элементов норм адыгэхабзэ в свадебных обрядах адыги смогли сохранить. Похоронные обряды адыгов тоже сильно упростились, особенно в период пандемии 2020–2021 гг.

Адыгэхабзэ – общественный институт, в котором соединены в одно целое моральные и юридические правила и установления (Бгажноков, 2002. С. 171).

Емкость термина «адыгэхабзэ» была отражением синкретизма соционормативной культуры феодальной Черкесии, когда в рамках единой системы функционируют, активно взаимодействуя друг с другом, юридические и морально-этические нормы и установления. Показательно, что в Западной Черкесии некоторые пункты этикета выносились на повестку дня законодательных собраний – хасэ. Например, на одном из собраний середины XIX века обсуждался вопрос о правилах поведения оруженосца – гъусэ по отношению к дворянину или князю, и, в частности, вопрос о том, как должен поступить оруженосец после остановки и отдыха в пути: седлать сначала коня господина или своего собственного коня. В конце концов, сошлись в том мнении, что оруженосцу необходимо

седлать в первую очередь своего коня, чтобы рыцарь, готовый продолжить путь, не ожидал, пока будет готов его слуга. Законодательно закреплялись и другие нормы, которые в современном обществе ассоциируются только с нормами морали и этикета: правила бытового поведения враждующих сторон, исполнения свадебных и похоронных обрядов и церемоний, некоторые нормы гостеприимства и застольного этикета и т.д. (Бажноков, 2002. С. 170).

Адыгская литература в самый сложный период в истории народа сыграла огромную роль в социализации личности новой формации. Молодая литература, анализируя глубокие социальные противоречия в обществе, вместе с тем не проходила мимо определенного механизма социализации личности – воспитания. Художественная литература в полной мере отражала нормы адыгэхабзэ, что было важно для воспитания человека в новых условиях, для овладения и передачи огромного социального опыта народа будущему поколению детей.

Преемственность социальных традиций в творчестве адыгского прозаика Т.М. Керашева стала ярко выраженной в послевоенные годы. Творчество Т.М. Керашева тесно связано с этнокультурным феноменом «адыгагъэ». У писателя нет произведений, где бы он прямо или косвенно не касался этого вопроса. Частная этика, входящая в общую систему «адыгэхабзэ», рассыпана по всем произведениям писателя, но в целом при скрупулезном рассмотрении предстает перед нашим современником в завершенном виде.

Ведь каждое отдельно взятое произведение («Дочь шапсугов», «Одинокий всадник», «Абрек» и др.) представляет собой целую энциклопедию народной жизни, как в прошлом, так и в настоящем. Этические правила «адыгэхабзэ», «адыгэнамыс» Керашев описывает до мельчайших подробностей, при этом он скрупулезно, по золотым крупицам собирает их и бережно, не вторгаясь в их суть своими сентенциями, облекает в совершенную художественную форму:

«... – Понял, но... – замялся малыш, – Разве ты не заедешь к нам в гости? Отец разгневается: «Такого всадника не пригласил в дом!» Он в этих делах очень строг. Всегда наказывает:

если встречный спросит меня о чем-нибудь, я первым долгом должен сказать ему: «Къеблагъ» – пожалуй в гости. А я до сих пор не догадался сказать тебе «къеблагъ». Узнает отец, шкуру с меня спустит. Так вот, я прошу тебя – къеблагъ! Если не в аул, то хотя бы к отцу, на пастбище.

– Да обогатит бог ваш дом! – ответил Ерстэм торжественно, по всем правилам, и чуть улыбнувшись, добавил: – Если бы я не торопился по делу, непременно погостил бы у такого бравого мужчины, как ты. Замечательный парень, а вот один промах допустил.

– Какой же? – встревожено воскликнул малыш.

– Забыл адыгский обычай и не уступил спутнику, что старше тебя, правую сторону дороги.

Малыш, всерьез, сконфуженный, покраснел.

– Эх, и это забыл!.. Прошу тебя, если когда-нибудь встретишься с моим отцом, не говори ему.

– Я не потому напоминаю об этом, что осуждаю тебя. В нынешних обстоятельствах не мудрено забыть и что-нибудь более важное. Впредь не ошибайся!» (Керашев, 1997. С. 36).

Как показывает данный эпизод из прозы Т.М. Керашева, каждый адыг был обязан поступать по законам адыгэхабзэ. Здесь автор дает понять, что по законам адыгэхабзэ, даже случайный попутчик имел полное право делать замечание или подсказку молодому человеку который допустил малейшую ошибку и это считалось нормой адыгагъэ (адыгство). Если основоположник адыгейской литературы Т.М. Керашев в своих произведениях повествует о действующих нормах адыгэхабзэ, то более современный писатель Юнус Чуяко в своем рассказе «Тайна Бечмиза» тонко излагает, как адыгагъэ приобретает другой облик, который не подчиняется нормам адыгэхабзэ. Пожилой житель аула Бечмиз от своего соседа узнает, что его сын Индар (который живет в городе) с бидончиком для молока на руках, толкал детскую коляску, а рядом шла молодая жена. Эта весть сильно задела и ранила Бечмиза, который всю жизнь жил по нормам адыгэхабзэ. «Ах, сын, сын, как же ты опозорил меня! Что за беда стряслась с тобой, что ты возишь детскую коляску? Разве настоящий адыг станет делать такое?» (Чуяко

Юнус. С. 360). Бечмиз помнит, что когда у него родился первый сын, он целую неделю не показывался днем во дворе – уходил затемно, приходил вечером. Тогда его отец, да простит ему Аллах его грехи, был еще жив. Потом родилось еще пятеро, ни одного из них он не сажал на колени, не брал на руки. Конечно, сейчас другие времена, молодые живут по своим законам, но все-таки... Бечмиза волнует людская молва, что он своего сына воспитал не достойно.

Бечмиз едет к сыну, чтобы проучить его, но когда своими глазами видит спокойное взаимоотношение сына и невестки, он опускает руки и забывает, зачем он приехал. Отец не замечает ничего позорного взаимоотношений молодых, между ними есть взаимопонимание, растят ребенка, живут в ногу со временем, а что еще надо? Пожилой Бечмиз понимает былое уже не вернешь, а противостоять волне нового времени практически невозможно.

Сегодня в условиях глобализации многие нормы адыгэхабзэ не функционируют, а, то, что сохранились тоже видоизменились. Как нынешнее поколение относится к нормам адыгэхабзэ? Этот вопрос лег в основу нашего социологического исследования, который был проведен в режиме онлайн в январе 2021 г. Сегодня в условиях всемирной пандемии COVID-19 мы не смогли провести очное анкетирование, в онлайн формате опросили около 200 человек жителей Республики Адыгея.

Отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, в течение пяти лет (1995–2000 гг.) проводилось крупное социологическое исследование по теме «Культурно-этический феномен адыгэхабзэ в современном сознании и поведении адыгов». Исследованием были охвачены территории с компактным проживанием адыгов: Причерноморская Шапсугия, Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, адыги, проживающие в Москве, Санкт-Петербурге, Краснодаре, Стамбуле.

Выборочная совокупность тогда была 2500 респондентов, полученная методом случайного отбора. Полученные результаты нашими коллегами в 2000 г. мы сравнили с нашими результатами 2021 г.

На вопрос придерживаетесь ли лично Вы в своей повседневной жизни норм Адыгэ Хабзэ?

– Да, всегда придерживаюсь – 55 % – 2000 г., 42 % – 2021 г.

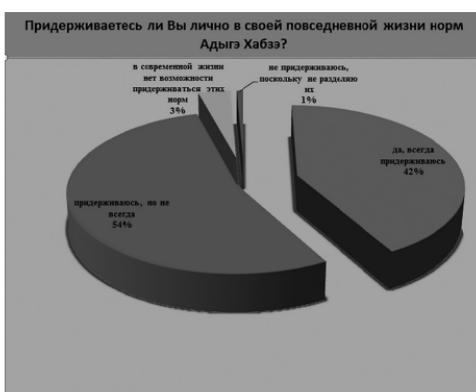
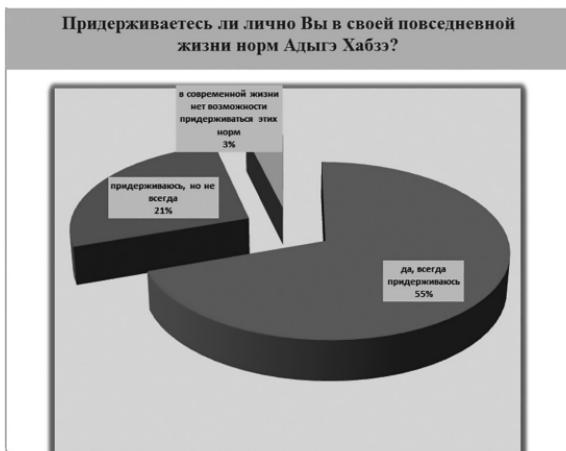
– Придерживаюсь, но не всегда – 21 % – 2000 г., 54,3 % – 2021 г.

– В современной жизни нет возможности придерживаться этих норм – 3 % – 2000 г., 3,5 % – 2021 г.

Полученные результаты проведенного нами опроса 2021 г. показывает, что более 42 % опрошенных респондентов придерживаются нормам адыгэхабзэ. Отметим, если сегодня взять по отдельности обычай и традиции адыгов, то мы наглядно видим, что полученная цифра немного завышена. Параллельно с онлайн исследованием (Нормы Адыгэ Хабзэ в условиях глобализации) в январе 2121 г. мы провели уличный пилотажный опрос, нас интересовал один вопрос: Сидят ли Ваши дети с отцом за одним столом вовремя трапезы? (В бытые времена по нормам адыгэхабзэ в адыгских семьях дети никогда не садились за один стол во время трапезы, но в начале 70-х. гг. прошлого века этот обычай стал сдавать свои позиции и целью нашего опроса была, остались ли люди которые соблюдают данный обычай среди адыгов?). Нами было опрошено 104 человека, 99 % опрошенных ответили, что данный обычай слишком старый в современных условиях невозможно соблюдать, лишь 1 % из числа опрошенных остается верным данной норме адыгэхабзэ.

Другой пример, который мы приведем, относится к обязательным нормам адыгэхабзэ это обычай избегания, (избегание делится на несколько классификаций). Мы рассматриваем избегание между мужем (зятем) родственниками жены. Адыгейский обычай («адыгэхабзэ») считал самым недоступным нарушением норм «избегания» в отношениях между зятем и родителями жены. Именно этот обычай строго соблюдали жители западной Черкесии, но и он стал сдавать свои позиции в конце 70х годов. Как показали социологическое исследование, которую мы провели 2020 году, обычай избегания жители Республика Адыгея более сохранили, чем обычай раздельная трапеза между отцом и детьми.

Традиционная культура адыгов, как и любого народа нашей планеты является творчеством всего народа, многие элементы которой выдержали суровую проверку сурового временем. Она имеет одну философию – философию видеть в каждом человеке человека. Она до сих пор остается важнейшим элементом повышения духовности народа. В век безудержной глобализации и увеличения средств массовой информации, к сожалению, падает духовность общества, и один

2021 г.

из рычагов противодействия ему – это традиционная культура каждого народа, особенно те ее элементы, которые «работают» на сближение народов, повышение духовности каждого человека.

«....С огорчением необходимо констатировать, что не всегда учебные заведения, культурно – просветительские учреждения, отдельные политические руководители общества уделяют должное внимание пропаганде позитивных начал традиционной культуры. Редко мы слышим имена талантливых деятелей культуры каждого народа. Об этом мало пишут в газетах, журналах, передают по телевидению. Порой национальными героями становятся сомнительные личности, даже с нетрадиционной сексуальной ориентацией, самыми почетными людьми общества становятся люди с криминальным прошлым» (Джамирзе, 2017. С. 25).

Нужно расставить иерархию онтологических категорий природно-человеческого бытия так: «Справедливость – Равенство – Равновесие Гармония» (Абульханова, Славская, 2017. С. 7).

Таким образом, можно сделать вывод, что сейчас настало время оглянуться вокруг себя и подумать о благополучии подрастающего поколения. Каждый народ, каждый человек имеет право не только на будущее, но и на прошлое. А из прошлого нам всем досталась уникальная традиционная культура, которая ставит превыше всего человека, сохраняя тем самым адигэхабзэ, как важнейший рычаг повышения духовности каждого человека.

Литература

1. Абульханова К.А., Славская А.Н. Предисловие // Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Спб.: Питер, 2017. С. 6–33.
2. Бажноков Б.Х. Адыгская этика как соционормативная система / Мир культуры адыгов / Майкоп, 2002. С. 160–177.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия культуры. Становление развития. С.-Пб. Лань. 1998. С. 3.
4. Джамирзе Н.К. Целостное развитие личности в системе образования. Материалы международной очно-заочной научно-практической конференции. 2017. С. 24–26.
5. Керашев Т.М. Одинокий всадник (роман). Тембот Керашев. Избранное. Майкоп, 1997.
6. Унежев К.Х. Традиционная культура адыгов – важнейший ресурс духовного развития в условиях глобализации [Электронный ресурс] <http://опкбр.рф/index.php/publikatsii-i-zasedaniya/218-traditsionnaya-kultura-adygov-vazhnejshij-resurs-dukhovnogo-razvitiya-v-usloviyakh-globalizatsii?vi=1>
7. Чуяко Юнус. Тайна Бечмиза. Юнус Чуяко. Избранные произведения. С. 461.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС

ШАМБА И.В.

МУЗЕЙ И ПОСЕТИТЕЛЬ¹

Абхазский государственный музей состоит из четырех отделов: естественной истории, древней истории и средних веков, этнологии, новой и современной истории. Каждый отдел, это отдельный музей, однако вместе они создают интересный музейный комплекс. Во всем мире существует проблема совершенствования музеиного дела. Есть множество методов изучения музейных проблем. Одной из актуальных проблем является изучение музейной аудитории. Некоторые материалы для изучения вопроса об особенностях музейной аудитории дают комплексное социологическое исследование «Музей и посетитель». За все существование Абхазского государственного музея такое социологическое исследование проводится впервые.

Для того, чтобы узнать потребности музейной аудитории необходимо изучение мнений посетителей и особенности их восприятия. Для моего исследования был выбран метод анкетирования. Этот метод является наиболее эффективным и универсальным. Исследование проводилось в течение месяца (август 2018 г.), в Абхазском государственном музее.

Исследовательская работа была разделена на два этапа:

Первый этап был посвящен разработке опросных анкет: анкета для индивидуальных посетителей и анкета для экскурсионных групп. Были охвачены возрастные группы от 16–29, от 30–54, от 55-и старше.

Второй этап – это проведение исследовательских работ для школьного возраста. Возрастные группы: 7–10; 11–14; 15 и старше, работа продолжается. География посетителей – жители Абхазии и гости столицы. Дети, как правило, еще

¹ Анкетирование музейной аудитории проводилось в августе 2018 г. Составитель и разработка анкеты И.В. Шамба.

не знакомы с основными музейными понятиями и не имеют опыта посещения музеев. Поэтому опросная анкета для детей будет составлена в доступной форме. В анкете предлагается несколько вариантов ответа. Респондент из предложенных ответов выбирает один. При составлении анкеты необходимо начать с приветствия и ознакомить респондентов с условиями заполнения анкеты. Участие экскурсионной группы в опросе согласовывается с руководителем группы перед началом экскурсии. Опрос проводится после ее окончания. Текст анкеты заканчивается словами благодарности за участие в исследовании. Все анкеты респондентов после исследовательских работ будут прилагаться. Ниже, в работе представлены подготовленные к анкетированию тексты: обращения к посетителям, анкеты, фотографии, таблицы.

Дорогие посетители! Абхазский государственный музей проводит социологический опрос. Просим Вас принять участие.

Анкета

Здравствуйте! Абхазский государственный музей проводит социологический опрос для улучшения обслуживания посетителей музея и изучения новых форм работы с посетителями. Ответьте, пожалуйста, на несколько несложных вопросов. Ваше участие очень важно для нас!

1. Как часто вы посещаете музей?

- Пришли в первый раз
- Один раз в неделю
- Несколько раз в месяц
- Раз в полгода
- Раз в год
- Другое (укажите, что именно) _____

2.Что Вас привело в наш музей?

- Интересуюсь историей Абхазией
- Осматривал достопримечательности
- Люблю музей
- Привел детей
- Случайно попал (а)

- Проходил мимо
- Увидел рекламу
- По совету друзей , знакомых, родственников
- Пришел с экскурсией
- Другое (укажите, что именно)_____

3.Откуда Вы узнали о нашем музее?

- Через интернет
- От знакомых, друзей
- Наружная реклама
- Из СМИ
- Случайно
- Другое_____

4.С кем сегодня Вы посетили наш музей?

- В составе экскурсионной группы
- Один
- С семьей
- С друзьями (другом, подругой)
- Другое (укажите, что именно)_____

5.Пользовались ли Вы услугами экскурсовода?

- Да
- Нет
- Другое (укажите, что именно)_____

6.Как бы ты описал экскурсию?

- Интересная
- Необычная
- Объемная
- Долгая
- Обыкновенная
- Скучная
- Познавательная
- Веселая
- Не оставила впечатлений
- Другое_____

7.Что Вам понравилось в музее? (можно выбрать несколько вариантов).

- Уникальные экспонаты

- Художественное оформление
- Современный интерьер
- Уровень обслуживания
- Внимательные смотрители
- Музейные сувениры
- События (открытие выставки, фестивали, праздники в музее)

- Экскурсии

- Лекции

- Кружки

- Другое (укажите, что именно) _____

8.Что Вам не понравилось в музее?

- Плохое освещение

- Смотрители

- Нелогичное оформление экспозиции

- Плохое художественное оформление

- Холодно, душно, влажно

- Плохое обслуживание

- Другое_____

9.Какие музейные события Вы предпочитаете посетить?

- Экскурсии

- Лекции

- Тематические музейные мероприятия

- Фотовыставки

- Коммуникационный проект «Ночь в Музее»

- Дни открытых дверей

- Интерактивные выставки

- Фестивали и праздники

- Мастер-классы для детей и взрослых

- Игровые программы (игра-квест)

- Другое_____

10.Чтобы Вы хотели увидеть в нашем музее?(можно выбрать несколько вариантов).

- Возможность потрогать экспонаты руками

- Аудиогид

- Аудиофильмы

- Путеводители

- Сопроводительные тексты к разделам экспозиции
- Новые выставки
- Мастер-классы
- Тематические вечера
- Игровые программы для детей
- Другое_____

11.Удовлетворены ли Вы качеством работы музея?

- Да
- Нет
- Другое_____

12.Укажите, пожалуйста, ваш пол

- Женский
- Мужской

13.Укажите, пожалуйста, Ваш возраст

- От 16–29
- От 30–54
- От 55-и старше

14.Откуда Вы приехали?_____

15.Чем Вы занимаетесь?

- Учусь в школе
- Студент высшего или среднего учебного заведения
- Рабочий промышленности, транспорта, строительства, сельского хозяйства др._____
- Инженерно-технический работник_____
- Работник образования, культуры, здравоохранения и др.

- Предприниматель, фермер
- Безработный
- На пенсии
- Пока ничем
- Другое (укажите, что именно)_____

16.Ваши пожелания и рекомендации _____

Спасибо за помощь, нам важно Ваше мнение!

Фото. 1. Опрос респондентов

С помощью исследования мнений посетителей музея, можно разработать методы повышения эффективности экспозиций и совершенствовать методики экскурсионной работы. В течение одного месяца отдел этнологии проводил первый этап анкетирования посетителей музея. За месяц на вопросы анкеты ответили 100 человек.

Следует отметить, что анкетирование проводилось среди организованных групп и самостоятельных одиночных посетителей. Заполнение анкет проводилось после осмотра экспозиций, что дает возможность высказать свое мнение в целом о музее. При проведении анкетирования необходимо учитывать доброжелательный настрой посетителей на заполнение предложенных им анкет. Успех опроса зависит от создания комфортных условий для его проведения. С этой целью было выбрано место для проведения опроса в экспозиционном зале отдела этнологии.

Несмотря на небольшое количество анкет, попытаемся сделать выводы о составе посетителей музея, выявить их мнение о музейных экспозициях, проанализировать предложения и замечания туристов.

Анкета включает 16 вопросов, некоторые из них имеют от 8-ми до 10-ти возможных вариантов ответа, плюс (открытый) вариант.

Вопросы анкеты условно разделены по содержательной части на несколько групп.

Первая группа вопросов – социально-демографическая: возраст, образование, место жительства.

Вторая группа вопросов – цель посещения музея, что позволяет выяснить вопрос о музейной рекламе и информации.

Третья группа вопросов – отношение посетителей к музейным экспозициям в целом.

Полученные данные исследования представлены ниже в таблицах:

Фото. 1. Опрос респондентов

Таб. 1.

№	Ваш возраст:	%
1.	16-29 лет	55
2.	30-54 лет	30
3.	55 и старше	13

По результатам данных таб.1. возраст большинства посетителей музея от 16–29 лет. Это 55% от общего числа посетителей .

Об образовательном уровне и роду занятий посетителей музея дают данные, приведенные в таблице ниже:

Таб. 2.

№	Чем занимаетесь:	%
1	Учусь в школе	15
2	Студент высшего или среднего учебного заведения	35
3	Рабочий промышленности, транспорта, строительства, сельского хозяйства др.	10
4	Инженерно-технический работник	4
5	Работник образования, культуры, здравоохранения и др.	21
6	Предприниматель, фермер	–
7	Безработный	–
8	На пенсии	5
9	Пока ничем	–
10	Другое (укажите, что именно)	–

Основное количество исследуемых посетителей – это студенты высшего и среднего учебного заведения (35 %). Значительную группу составляют посетители с высшим образованием (19 %), учащиеся школ (15 %).

Таб. 3.

№	Откуда Вы приехали:	%
1	Города, области, края, РФ.	80
2	Республики РФ	15
3	Зарубежные страны	0,5
4	Жители Абхазии	4

Необходимо отметить, что в основном опрос проводился среди организованных групп, а также среди одиночных посетителей нашего музея. При анализе данных таб. 3 можно сделать вывод, что основной процент посетителей – это туристы и гости Абхазии. Среди опрошенных были граждане из Российской Федерации: Башкирии, Татарстана, Хакасии, Якутии, Удмуртии, Чувашии, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Карабаево-Черкесии, Чеченской Республики, Адыгеи, Осетии, Ставрополя, Краснодара, Новгорода, а также из Белоруссии и Казахстана.

Музей принимал гостей из Санкт-Петербурга, Москвы, Томска, Иркутска, Чайковского. Запись в книге отзывов показывает, что музей принимал гостей из Турции, Сирии, Германии, Австралии, Никарагуа, Венесуэлы, Франции.

Таб. 4.

№	Ваш пол:	%
1	Мужской	42
2	Женский	58

Вторая группа вопросов посвящена выявлению музейной рекламы и информации.

Таб. 5.

№	Как часто Вы посещаете музей:	%
1	Пришли первый раз	92
2	Один раз в неделю	-
3	Несколько раз в месяц	-
4	Раз в полгода	2

5	Раз в год	6
6	Другое (укажите, что именно)	-

По результатам анализа таб. 5 сделаны следующие выводы: (92 %) опрошенных посетителей попали впервые в наш музей с экскурсией; (6%) раз в год, (2%) раз в полгода.

Таб. 6.

Nº	Что Вас привело в наш музей:	%
1	Интересуюсь историей Абхазии	46
2	Осматривал достопримечательности	30
3	Люблю музей	7
4	Привел детей	3
5	Случайно попал(а)	1
6	Проходил мимо	4
7	Увидел рекламу	-
8	По совету друзей, знакомых, родственников	6
9	Пришел с экскурсией	
10	Другое (укажите, что именно)	-

Из таб. 6. мы видим, что посетители нашего музея интересуются историей Абхазии. Среди опрошенных, многие путешествуют впервые по Абхазии. Для них это совсем новая страна и заново его открывают. По данным опроса мы можем сделать следующие выводы: большинство (46 %) впервые посетили Абхазию и интересуются ее историей; самостоятельно осматривали достопримечательности Сухума (30 %). Остальные посетители попали по совету друзей, знакомых, родственников, привели детей.

Таб. 7.

Nº	Откуда Вы узнали о нашем музее:	%
1	Через интернет	29
2	От знакомых, друзей	30

3	Наружная реклама	6
4	Из СМИ	2
5	Случайно	18
6	Другое	-

Анализ таб. 7 показывает, что (30 %) посетителей узнали о музее через знакомых и друзей, (29 %) узнали о музее через сети интернета. Организованные группы получили информацию от экскурсоводов, так как посещение музея входит в программу экскурсий. Остальные из СМИ (2 %), от рекламного щита во дворе музея (6 %) и случайно оказавшиеся около музея (18 %).

Таб. 8.

№	Какие музейные события Вы предпочитаете посетить:	%
1	Экскурсии	60
2	Лекции	19
3	Тематические музейные мероприятия	26
4	Фотовыставки	14
5	Коммуникационный проект «Ночь в Музее»	27
6	Дни открытых дверей	11
7	Интерактивные выставки	14
8	Фестивали и праздники	12
9	Мастер-класс для детей и взрослых	19
10	Игровые программы (игра-квест)	17
11	Другое	-

Таб. 8 показывает, что (60%) посетителей нашего музея предпочитают посетить экспозиции с экскурсоводом. Остальные (26 %) желают посетить тематические музейные мероприятия; (27 %) желают участвовать в мероприятии «Ночь в музее»; (19 %) хотят принять участие в мастер-классах; (11 %) изъявили желание посетить «Дни открытых дверей»; (14 %) интерактивные выставки, остальные хотят принять участия в фестивалях, в игровых программах.

Третья группа вопросов выявляет отношение к музейной экспозиции в целом: экскурсионного обслуживания, информативности экскурсии, доступности подачи информации, вежливости сотрудников.

Таб. 9.

№	Что Вам понравилось в музее	%
1	Уникальные экспонаты	83
2	Художественное оформление	40
3	Современный интерьер	32
4	Уровень обслуживания	28
5	Внимательные смотрители	25
6	Музейные сувениры	-
7	События (открытие выставки, фестивали, праздники в музее)	-
8	Экскурсии	12
9	Лекции	-
10	Кружки	-
11	Другое	

Проведенное исследование дало возможность выяснить мнения посетителей об экспозициях и их пожелания Абхазскому государственному музею. В подавляющем большинстве (83 %) опрошенных проявили интерес к уникальным музейным экспонатам; (40 %) опрошенные проявили большой интерес художественному оформлению музейной экспозиции; (32 %) отметили современный интерьер; (28 %) посетителей отмечали хороший уровень обслуживания работников музея; (25 %) отметили внимательное отношение смотрителей к посетителям; (12 %) экскурсия понравилась, находили ее интересной и познавательной.

На вопрос, что Вам не понравилось, посетители отметили большой объем экскурсии, продолжительная по времени, жаловались на плохое освещение в некоторых залах, на холод и духоту.

Анализ анкет также показал, что музей в основном посещали с экскурсионной группой, с семьей или друзьями. Наибольшей популярностью среди опрошенных пользовался экспозиционный отдел этнологии. Большое число посетителей отмечали отдельные музейные экспонаты и макеты: «Абхазский двор» и «Апацха». А также посетители отмечают современный интерьер отдела этнологии, привлекательность и информативность экспозиции, удобство размещения экспонатов для осмотра, интересное художественное оформление.

На вопрос, чтобы Вы хотели увидеть в нашем музее, отмечали: возможность потрогать экспонаты руками; ходить по залам экспозиции с аудиогидом; смотреть в залах экспозиции аудиофильмы; хотели бы видеть сопроводительные тексты к разделам экспозиции. Многие посетители желали приобрести на память сувениры, книги об истории Абхазии, буклеты, открытки, путеводители.

В анкете «Ваши пожелания музею» посетители выражали благодарность экскурсоводам, и свои пожелания музею. Процитируем некоторые из них: «Очень понравилось проведение экскурсии, очень много нового и интересного. Большое спасибо». «Процветания. Спасибо большое за музей». «Музей содержательный, познавательный, нам было очень интересно».

«Спасибо за интересные экспонаты». «Все отлично. Была приятно удивлена. Спасибо». «Процветание музею, пополнение экспозиции». «Желаю Вам развития и процветания!». «Больше таких музеев. Спасибо, Все понравилось», «Хороших посетителей, удачи!», «Интересных экскурсий и новых выставок».

Прозвучали предложения: проводить больше новых выставок, тематических лекций, открытых музейных мероприятий. Многие высказывали желание проводить индивидуальные (YIP) экскурсии.

Анализируя вопросы анкетирования нужно отметить, что на некоторые заданные вопросы посетители почти не отвечали и поэтому нужно их упростить или заменить на другие.

В связи с выявленными недостатками принято решение: доработать вопросы анкет; Второй этап опроса посетителей продолжить в других экспозиционных отделах музея. В дальнейшей работе музея будем учитывать выявленные недостатки и предпочтения посетителей. Анкетирование показало, что работа музея в целом нравится посетителям.

Фото 2. Посетители музея

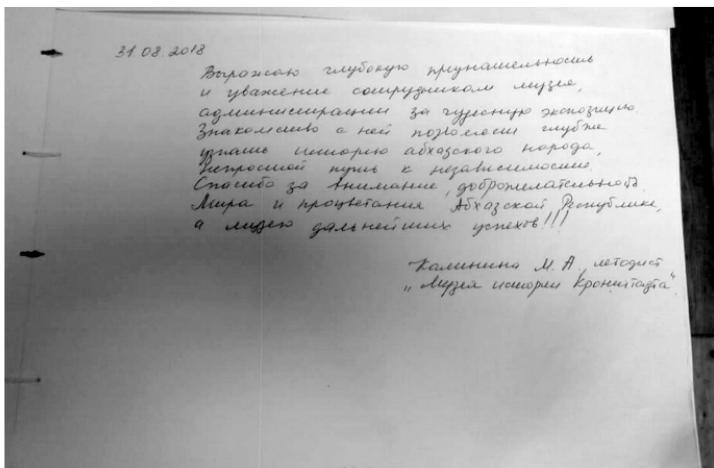

Фото 3. Отзывы посетителей

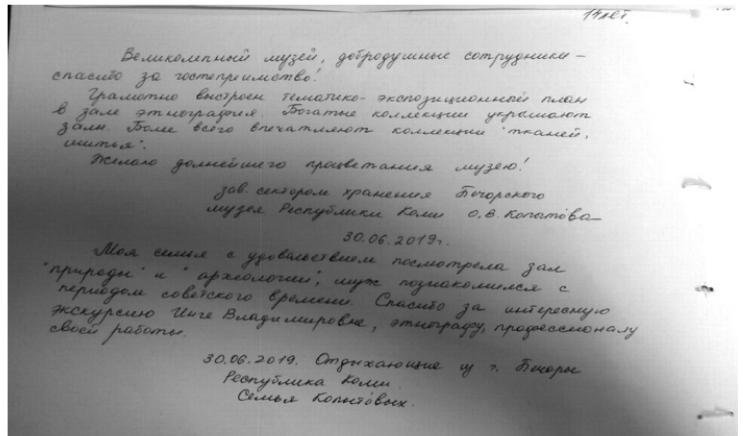

Фото 4. Отзывы посетителей

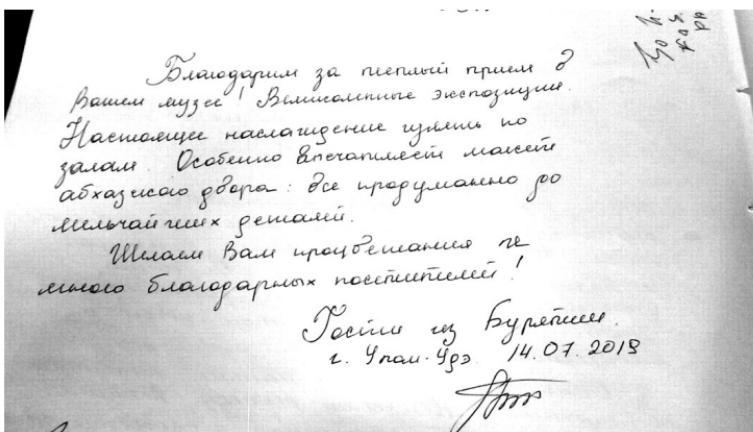

Фото 5. Отзывы посетителей

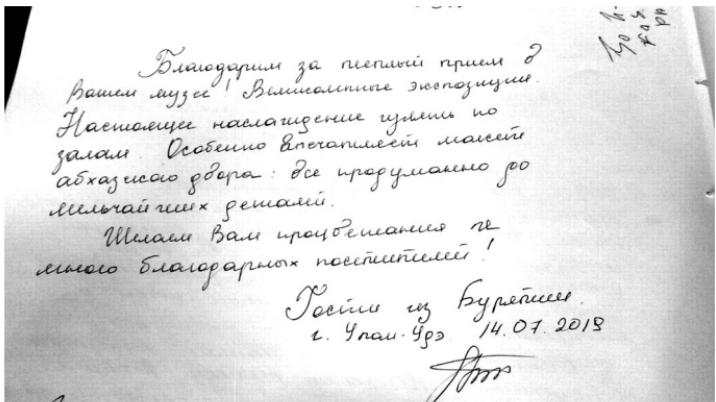

Фото 6. Отзывы посетителей

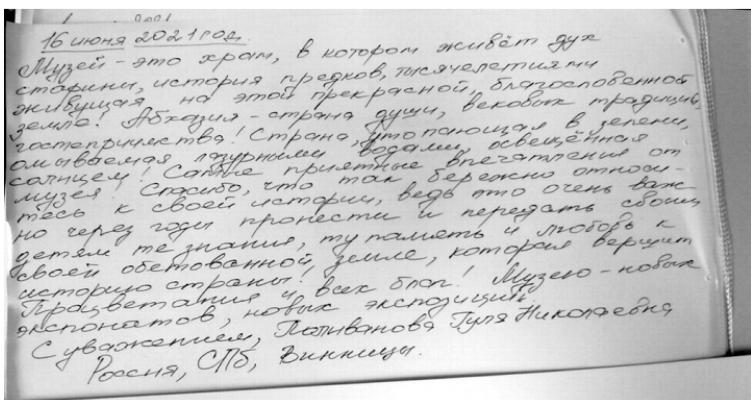

Фото 7. Отзывы посетителей

САКАНИЯ С.М.

ЛОГУА НУГЗАР ЧИЧИКОЕВИЧ

Новая моя живопись не принадлежит земле исключительно.

Земля брошена как дом, изъеденный шашлями.
И на самом деле, в человеке, в его сознании лежит
устремление к пространству, тяготение,
«отрыва от шара Земли».

К.С. Малевич

Художник Нугзар Логуа родился в канун великого праздника Амшапы (Пасха), 20 апреля 1956 г. И в этом, наверно, заложено мистическое начало становления будущего художника. С раннего детства Нугзар впитал традиции и красоту абхазского народа и красоту родного края, в котором родился ирос.

Детство и юношество он провел в родном селе Члоу Очамчирского района Абхазии. Отец художника был преподавателем в школе, и он старался привить своим детям абхазскую и мировую литературу. Отсюда и любовь к литературе. Он также снабжал увлеченного сына рисовальными альбомами и акварельными красками, карандашами. Имея скромные возможности, наш будущий художник с большой жадностью копировал книжные иллюстрации и рисовал природу. Учился в школе безупречно, но формировался с бунтарским характером, за что не раз наказывали его, особенно в переходном юношеском возрасте. Он рано почувствовал смысл справедливости и добра. По-своему защищая своих сверстников от нападок и наказаний со стороны некоторых учителей, рисовал карикатуры и шаржи. Но ему прощали все. Потому что он был активистом во многих мероприятиях. Участвовал в школьных олимпиадах по черчению и рисованию как районного, так и республиканского масштаба. Великолепно читал художественную

литературу, особенно стихи абхазских поэтов. Мог прочитать наизусть целые главы из романа в стихах Народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба «Песнь о скале» и многое другое. Обладал феноменальной памятью. Участвовал в спортивных соревнованиях. Играли талантливо в футбол. Был победителем района среди школьников по стрельбе из мелкокалиберного оружия.

Несмотря на бунтарский характер, молодой Нугзар Логуа был примерным учеником. Но, главное, он рисовал всегда. Его большие иллюстрации к произведениям абхазских писателей украшали стены родной школы. Поэтому все его называли «художником», этим он гордился.

После окончание школы в 1973 г. поступил в Сухумское художественное училище – ныне им. А.К. Чачба. Здесь он начал получать первые профессиональные уроки. Первыми его учителями по живописи становятся Александр Коган и Виссарион Цвижба. Ему было тогда 17 лет, и он уже понимал, сколько ему надо будет работать, чтобы добиться успеха. Но характер и усидчивость начинают побеждать в скором времени.

Вне программы, дополнительно, молодой студент начинает заниматься усердно, оставаясь в мастерской допоздна. В основном работая с натуры, вместе с учителями совершенствовал рисунок.

И на второй год обучения Нугзар уже начинает параллельно заниматься свободным творчеством. Он много работает над натурой и делает пейзажные этюды и композиции. Вскоре на курсовых просмотрах начинает занимать первую строку среди сверстников. Талантливого художника замечает председатель Союза художников Абхазии Сергей Габелия, который преподавал живопись в старших курсах, и приглашает молодого художника на выставку Союза художников Абхазии в 1975 г. На этой выставке впервые были выставлены несколько пейзажных этюдов Логуа. Было много положительных отзывов. Можно сказать, что с этого момента начинается творческая карьера будущего художника.

С 1975 по 1977 г. Нугзар служил в советской армии (в Бурятии). Сверх военной службы, где он имел должность опера-

тора ЗРК «Куб», в свободное время для детей офицерского состава организовал в военной части художественную студию. В эту студию ходили пятнадцать детей, от пяти до шестнадцати лет. Здесь же он был главным художником части. В его подчинении находилась группа художников-оформителей из шести человек, которые занимались агитацией и пропагандой войсковой части. Он напрямую подчинялся замполиту части (майор А. Жали), с которым сложились хорошие отношения.

За отличную службу в армии и за организацию работы по воспитанию офицерских детей рядовому Логуга неоднократно объявляли благодарность. Его хотели повысить в звании до сержанта, но он отказался, за что получил выговор. Оправдал себя тем, что обещал вылепить образ В.И. Ленина. Так и было сделано. Дважды за службу отправляли в отпуск. Но Логуга вместо отпуска просил, чтобы ему предоставили на выходные увольнительные. Ему необходимо было знакомство с историей и культурой бурятского народа и города Кяхты, где он служил. Просьба была удовлетворена, и он каждое воскресенье посещал музеи города и другие исторические места республики. Кроме этого ему было предоставлено для творческой работы мастерская. Это было отдушина для художника. Он работал не покладая рук. По вечерам рисовал атлетически сложенных красноармейцев, с кем он играл в дивизионном клубе в футбол.

После армии Нуузар продолжил учебу в училище. Он попадает на третий курс, который вела художник-график Зоя Джинджолия. Здесь он знакомится с однокурсниками, которые впоследствии стали известными мастерами кисти: Леварса Бутба и Леонид Еник. Старший по возрасту, Нуузар скоро берет «шефство» в свои руки и начинает выводить молодых художников из устоявшегося «плена» академизма.

Он с группой начинает работать на пленэре. Они работают в красивых исторических уголках Абхазии, в частности долго задерживались в Новом Афоне. Безусловно, за «вольничество» без скандалов не обходилось, но оправданием служили курсовые выставки, которые они организовывали в стенах училища. Это были десятки талантливо выполненных работ

молодых художников. После нескольких подобных выставок директор училища Виталий Лакрба дает полную свободу творчества Н. Логуа и Л. Еник. Это было невозможным в условиях академической системы образования. Отношение с другими преподавателями были разорваны... В это же время ребята организовали вечерние часы рисования, где они рисовали обнаженные натуры. Все это давало определенный импульс творчеству молодых. Нугзар в это время уже начинает готовиться к защите дипломной работы. В конце третьего курса эскиз дипломной работы был утвержден. Был задуман грандиозный проект под названием «Похороны героя». Эскизная работа составляла 60 на 132 см, оригинал – 300 на 660 см. Пятнадцать фигур первого плана, восемь фигур второго плана, и двенадцать в эпизодах. Все фигуры в натуральную величину. При этом, несмотря на монументальность фигур, композиция носила станковый характер. Подобное еще никто не осмеливался в условиях Абхазии. Для выполнение такой масштабной работы требовалось соответствующее помещение. Училище не могло его предоставить. Художник возвращается в отцовский дом в родное село. Там недостроенный новый дом молодой художник превращает в творческую мастерскую. Родители были рады возвращению сына, но они были стеснены и вынуждены жить в рядом стоящем двухэтажном доме. Надо отметить, что семья Чичико Несторовича Логуа была большая: шестеро детей, отец, мать, бабушка. Нугзар был третьим ребенком в семье. Но никто не знал, сколько будет продолжаться «вакханалия», привнесенная в традиционный абхазский дом... Более того, в скором времени родной дом становится студией, где собирались молодые художники села и рисовали натуру по вечерам, устраивали поэтические вечера с чаепитием. Среди которых были младший брат Нугзара, студент СХУ, одаренный многообещающий художник Беслан Логуа и Нодар Цвижба, однокурсник Беслана, сегодня известный театральный художник. Конечно же, часто к нему приходил близкий друг, тогда уже студент Тбилисской академии художеств, скульптор Амиран Адлейба. В дальнейшем удивительная плеяда талантливых художников Абхазии.

Дипломная работа «Похороны героя» стало большой заявкой талантливого художника. Эта работа стала прелюдией к творчеству художника Нугзара Логуа. Десятки и сотни набросков с натуры были сделаны за небольшой промежуток времени. По образному строю композиция, которая охватывает вторую половину XIX в., должна была отразить психологическую драму – похороны в традиционном абхазском духе. Про героев в Абхазии всегда слагали песни. Умирая, они всегда оставляли за собой Честь и Славу, и поэтому художник неслучайно выбирает эту эпическую тему, можно сказать, как поэт Иуа Когония в литературе. На абхазском языке название звучит еще более проникновенно – «Афырхатца ипсыжра». Картина не была завершена к защите, хотя уже все шло к завершению. Но огромные размеры за короткий срок невозможного было освоить...

Пришлось защищать диплом ранее подготовленным эскизом в июне 1979 г. Комиссией была выставлена отличная оценка. Этот период художника можно назвать условно первым, Члоуским, периодом. По характеру письма от композиции веяло любовью к раннему итальянскому ренессансу, особенно к Джотто, чьи работы Нугзар любил часто копировать с книжной иллюстрации.

Конечно, можно говорить об этом периоде очень много.

Параллельно, когда Нугзар писал свою большую композицию «Похороны героя», он работал еще над множеством работ. Такие картины, как «Абрыссылы», «Аглахъа», «Портрет сестры» и множество других работ. Кроме этого он по вечерам с магнитофоном ходил по высокогорному селу и записывал уникальных долгожителей, сказителей Нартского эпоса, и другие фольклорные материалы. Эти материалы были переданы друзьям, сотрудникам АБИГИ и Академии наук Абхазии Зурабу Джапуа и Адгуре Какоба для научного исследования. Нугзар блестящий знаток народного фольклора. Он сформировался в среде, где Апсуара (Абхазство) являлась эталоном чести. На мой взгляд, вся философия личности художника Нугзара Логуа, и как общественного деятеля, и как политика, пронизано этим уникальным инструментом – Апсуара. Что делает его

уверенным в себе человеком, крепко стоящим на своей родной земле.

После окончание СХУ молодой художник много скитался по городу Сухум в поисках элементарного ночлега, не говоря уже о мастерской, что было жизненно важно для него. Во время студенчества он жил у своего двоюродного брата Эдуарда (Эдика) Логу в однокомнатной квартире. Но художнику нужно было найти свой уголок. Поиски были напрасны. Решено было опять вернуться в родной дом отца. Там его ждали его незаконченные картины.

Начинается второй этап Члоуского периода.

Он начинает работать преподавателем черчения и рисования в родной школе. Через несколько месяцев в Доме культуры села открывает художественную студию. Туда записались 72 человека. Ровно через год студия преобразовалась в художественную школу. Это была первая художественная сельская школа в Абхазии. Нугзар этого добивался целеустремленно, потому что он знал, как совсем недавно, будучи школьником, страдал от того, что в школе не было учителя рисования. Необходимо было восполнить этот пробел... И он не промахнулся.

Более того, в 1980 г., уже имея определенный авторитет у зав. Рено и отдела культуры, добивается открытия таких же школ в нескольких селах района, в том числе в моем селе Куттол, где он попросил, чтобы я возглавил школу. Также в селе Гуп, где он находит другого нашего друга, только что закончившего СХУ, Чхамалия Руслана. Вслед за этим – в Гудаутском районе, в селе Дурипш. Таким образом, в наших абхазских селах начали функционировать сразу четыре художественных школ. Это было сенсацией того времени. Тогда уже было видно, какими организаторскими способностями обладает Нугзар Логу.

Но Нугзар на этом не останавливается. При Доме культуры села Члоу по его инициативе начинает работать самодеятельная детская театральная группа, детская хореографическая студия. Организовал через специалистов этнографический ансамбль долгожителей «Шъардаамта», руководитель – близкий друг Нугзара, выпускник Культпросветучилища Давид Цвижба.

Село зажило другой жизнью. Благодарные односельчане боготворили молодого талантливого художника.

Несмотря на все организаторские дела, для Нугзара было главным его творчество. Он ее никогда не предавал. Работал, можно сказать, до потери пульса.

При Доме культуры он со своими детьми занимает несколько комнат.

Творческая работа набирает обороты. Постоянно пишет с натуры и делает композиции.

С 1980 г. начинает активно участвовать в республиканских и зональных выставках, организованных Союзом художников Абхазии. Так, в осенней выставке 1980 г. Нугзар выставил две работы. Одна из них сразу произвела впечатление на мэтров и зрителей. Это была картина, написанная с натуры, «Мой маленький вождь». Картина размером 100x80 см была написана маслом на прессованном картоне.

Яркий экспрессивный колорит фактура мастихинной техники, выразительность портрета, останавливало взгляд зрителя. Успех был несомненный.

В это время, когда художник еще работает над большим полотном «Похороны героя», и рядом других работ, начинает понимать, что без глубоких профессиональных знаний ему будет сложно создавать масштабные вещи, на что он претендовал. Необходимо было продолжить учебу...

В 1981 г. Нугзар поступает в Академию художеств, факультет живописи. В стенах Академии начинается совершенно другая творческая жизнь. Когда-то студентом СХУ Нугзар, если осваивал технику и палитру импрессионистов, то уже с первого курса начинает работать более экспрессивно, жестко, смело мастихинной техникой. Видно было, что он вырабатывает постепенно свою манеру и технику письма. В Академии его первым руководителем становится профессор Г.К. Тотибадзе.

Г.К. Тотибадзе был прекрасным мастером советского реализма, а это шло вразрез с творческой установкой Нугзара Логуа. Он начинает писать натурные постановки в своем экспрессионистическом стиле. Профессор настораживается, но не вмешивается. Как видно, появляется скрытый конфликт...

В конце первого семестра просмотр курсовой выставки прошел с некоторым скандалом. Но член комиссии скульптор, профессор Георгий Очиаури, с кем тогда еще не был знаком Нугзар, заступился за его работы. «Надо быть слепым, чтобы не заметить талант этого студента», – сказал членам комиссии Очиаури со свойственной его мужественной натуре прямотой. Не считаться с его мнением было невозможно. И все вопросы сразу отошли на задний план. Работы были оценены на отлично. После такого «намека» на открытый конфликт, Нугзар используя заложенный в нем дипломатически дар, договаривается с профессором Тотибадзе о свободном выборе преподавателя. Профессор дает ему разрешение заниматься с другими мастерами. Для студента Логуа появляется свободный график. Надо сказать о том, что в советское время такое решение могла принимать только Тбилисская академия художеств. Если учесть еще, что Г.К. Тотибадзе являлся ректором данного учебного заведения.

Через год ректора Г.К. Тотибадзе сменил талантливый художник-авангардист, прекрасный живописец-новатор Зураб Никарадзе.

Знакомство с новым ректором произошло только через полгода, на курсовой выставке. Никарадзе сразу заметил работы Нугзара. Когда он узнал, что студент Логуа из Абхазии, сказал: «Сухумская школа всегда отличается особым стилем, этот Логуа очень талантлив...» И через некоторое время позвал его к себе в кабинет, где они долго говорили об искусстве. С этого момента у Нугзара появляется возможность общения с большим мастером. Никарадзе также сводит студента с другим, не менее известным новатором-живописцем, «скандалистом» Эдмундом Каландадзе. Это была мечта Нугзара... Два больших художника, два самых ярких людей того времени сыграли немаловажную роль в формировании будущего живописца Логуа. На третьем курсе, когда он уже по распределению был зачислен в мастерскую Кокия Махарадзе, он уже был сформировавшимся художником.

Кроме этого, Махарадзе, будучи тяжело больным, не мог посещать лекции, за исключением нескольких часов, к сожалению.

Нугзар не отчаялся. Он продолжал упорно работать. Махарадзе нравилось, как работал Нугзар, и говорил: «Если будешь так работать, у тебя большое будущее», и в примерставил его работы другим студентам.

Здесь необходимо отметить, с каким уважением к молодому художнику относились студенты и преподаватели академии. Причиной тому были его рыцарское воспитание, интеллигентность и высокий интеллектуальный уровень подготовки. Удивительно, но он в то же время умело, принципиально, доводил до той аудитории свою позицию, даже по национальному вопросу, которое имело место, безусловно, в грузинском обществе. Несмотря на превосходные отношения с вышенызванными преподавателями академии, уже с третьего курса Нугзар, поциальному ему характеру, начинает разрабатывать новые поиски, все глубже разрушая устоявшие каноны в живописи. Он все больше начинает привносить в свою живопись философское начало. Параллельно с традиционной и пастозной, Эдумдовской экспрессивной живописью, начинает разрабатывать новые плоскостные композиции.

Это ускорило выбор направления в искусстве. На последних курсах творчество Нугзара Логуа, можно считать, больше приблизилось к модернистскому течению. Хотя его дипломная работа была выполнена в пастозно-колористической манере, решение композиции уже говорило о начале новой эры в творчестве художника. Кстати, композиция так и называется «Начало», где главным персонажем выступает образ начидающего художника на фоне библейского сюжета изгнания из Рая.

В этой картине три сюжета, как интерпретирует сам автор «Начала». «Молодой художник» сидит на поляне перед мольбертом с белым холстом. Это первое начало. На белом холсте изображено ракурсом в три четверти «Рождение ребенка» – это второе начало, далее на дальней глубине картины мы видим бегство Адама и Евы из Рая, – это третье начало. Мистическая цифра три здесь имеет значение, наталкивает на мысль о святой троице. В принципе, третье начало подтекстом является первым, отсюда и философское начало бытия в понимании ху-

дожника. Такие закрученные сюжеты художник будет применять и в зрелом возрасте. Впрочем, подобные приемы делали и великие живописцы классицизма. Картина хранится в фонде Академии художеств. Для художника этот период стал новой точкой отсчета.

Защита прошла в 1988 г. с легким скандалом, но в итоге успешно благодаря ректору, профессору Зурабу Никарадзе и профессору Парнаозу Лапиашвили.

По возвращении на родину, в Абхазию, художник вначале живет у своего старшего брата Нодара в Сухуме. Начинает преподавательскую деятельность в Сухумском художественном училище, где сам когда-то получал первые профессиональные навыки. В своих постоянных поисках он обращает внимание на творчество западноевропейских мастеров XX в. Особенно на Пабло Пикассо, Анри Матисса, Джорджа Брока и др.

Аналитик Нугзар Логуа не просто вдохновляется творчеством этих выдающихся мастеров, но и творчески переосмысливает, можно сказать, синтезирует их работы, совмещая несовместимое, создает свой собственный колорит с чистыми красками, яркими цветами, звонкими контрастами.

В этот предвоенный период Нугзар в 1988 г. пишет живописное полотно «Аквариум», в 1989 г. продолжил эту тему – пишет картину «Умирающие рыбы». Социальная тема, как и у Пикассо, для художника начинает занимать главное место. Эта тема отныне становится для него некой программой. В тот период у него мазки становятся шире. Он мог по целому холсту пройти одним махом широкой кистью или мастихином вдоль, от начала до конца. Увлечение художественными революционными течениями ярко отразилось на его произведениях. Могу с уверенностью сказать, что, несмотря на яркость художника Нугзара Логуа, сухумская публика не восприняла его самобытный дар. Он никогда не шел на поводу и не сгибался, мужественно отстаивая свои главные принципы. Среди коллег он все больше становился опасным «конкурентом», за что неизменно начались интриги против талантливого реформатора. Он это чувствовал, но шел своей дорогой. Однако нервозное

состояние сказывается на здоровье художника.

Происходит переоценка своего творчества. Все работы, сделанные им во время учебы в училище и Академии художеств, их десятки, в том числе уникальные композиции раннегоТворчества, как «Похороны героя», «Абраскил» и т. д., были сожжены во дворе отцовского дома на глазах у всех. Он это делал со слезами на глазах, но решительно пошел на крайнюю меру, чтобы расстаться с прошлым, которое, как ему казалось тогда, не давало развиваться в более прогрессивном направлении. Редко кто на такое способен из ныне живущих художников. Хорошо или плохо, как говорит сам автор, время покажет. Могу только лишь добавить, что мы потеряли навсегда очень ценные произведения раннего Нугзара Логуа.

Завершался 1988 г. В Абхазии все больше обороты начинает набирать национально-освободительное движение. Нугзар вместе со своими сверстниками, во главе с молодым композитором и дирижером Нодаром Чанба входит в молодежную организацию «Аидгылара». Происходят первые трагические события в июле 1989 г. Первые жертвы на национальной почве! Грузинские националисты выдвигали лозунг «Грузия для грузин!» В этих условиях чувствовалось, что над Абхазией нависла опасность. Именно в этот период Нугзар пишет свои драматические и очень глубокие, с философским подтекстом трагедийности и в некотором смысле мистические, пророческие картины, которые своим внутренним голосом кричали нам в след и предупреждали о надвигающейся опасности. Это была серия картин маслом средних размеров «Упавшая женщина», «Умирающие рыбы», «Падение ребенка», «Аквариум» «Адам и Ева» и т. д. (Кстати, все эти работы были куплены со станка московским коллекционером по фамилии Попандопуло и ни разу не были выставлены, мне довелось их увидеть в мастерской, где проживал художник.)

В этот же период Нугзар берется за монументальные полотна для Дома культуры г. Очамчыра. Тема, за которую взялся художник, была сложная, и глобальная для истории Абхазии. Эта тема была связана с репрессиями 1937 г. и перестройкой СССР в 90-е гг. Два полотна рассказывали нам о трагедиях 1937 г. и о разрушающей СССР перестройке. Первая картина

называется «Осень–37 год», вторая – «Перестройка – Разрушение». В первой автор раскрывает трагедию 37-го года как осенний листопад, символизирующий прошлое. Во втором показывает разрушение огромной страны как неминуемый процесс.

1937 г., как для всей страны Советов, так и для маленькой Абхазии стал годом большого террора, когда лучшие сыны абхазского народа без суда и следствия были репрессированы. Родной дедушка Нугзара Нестор Сейдыкович Логуа в том числе. В Абхазии это носило еще характер уничтожения абхазской нации как таковой. В этом еще больше его трагедийности.

Художник поставил перед собой сложную задачу; до него ни один художник Абхазии не брался за такие темы. В 1991 г. картины уже висели в фойе ДК г. Очамчыра.

Стоявшая перед Нугзаром задача была архисложная, но он решил ее в свойственной ему манере. В его композиции то там, то тут, то на переднем, то на заднем фоне, намеками фигуры переплетаются с предметами. Как осенний листопад, все летает, все движется, будто в невесомости. Все фигуры и предметы находятся в некоем завуалированном состоянии, как во сне передавая нам информацию из какой-то прошлой далекой истории. Фигура в очках с пистолетом, в левой створки композиции, в форме НКВД, явно напоминающего известного персонажа – Лаврентия Берия, демонстративно глумится над телом мертвого. Под осень цветастое дерево и лестница на нем говорят о конкретном времени произошедшей трагедии. Тут же за плодовым деревом распятие. Оно в ракурсе отдаленно напоминает элемент картины знаменитого художника Сальвадора Дали. В этой композиции много элементов, показывающие трагедию той эпохи. Эта коленопреклоненная фигура, взывающая к небесам образ, с опрокинутой головой молодой женщины, чей крик о помощи застывает в небесах. В ее шею вцепились смертельно опасные черные руки времени. Здесь мастер сознательно фрагментарно цитирует картину Пабло Пикассо «Гернику». В центре композиции расположен большой лист виноградной лозы, на котором видим умирающую молодую пару – сим-

волы молодой семьи, для которых первая брачная ночь становится роковой. Но над ними на самом верху сияет образ Христа – символ бессмертия.

В этой работе художник вводит некие знаки и символы по всей картине. При внимательном рассмотрении они становятся путеводителями в этой эпопее. Например: разделенные символы Советского государства, серпа и молота, предупреждающие о неизбежности краха СССР. Автор не делает никаких выводов, он просто предупреждает о грядущей трагедии сквозь призму истории.

Только настоящий художник способен на такое.

Удивляют форма и стиль, выбранные художником, будто детская наивная работа, где доминируют голубые, зеленые, оранжевые тона над мрачными темными. Настоящий листопад. В этом и суть подлинного мастера, который ведет нас от прошлого к будущему через катарсис времени. Эти замечательные работы незначительно были повреждены во время грузино-абхазской войны, значительно – во время ремонтно-восстановительных работ ДК после войны. Они были побораны автором в подвале ДК, где их ожидала участь оказаться в мусорном ящике. Как всегда, рассерженный художник подбирает эти изуродованные полотна огромных размеров и безжалостно уничтожает их. Это было не только личная трагедия художника, но и трагедия для всей нашей культуры... Это результат отношения к творчеству Логуа и в целом упадка культуры общества. И это останется для нас всех в истории бременем.

Подобные произведения в любой европейской стране сделали бы имя художника более чем известным. А мы даже не заметили их. Значит, не услышали его крик!

1992 г., до начала войны оставалось немного времени. Нугзар в поисках новых форм...

В этот период у него появляется триптих «Земля и люди». Эти работы вместе с другими произведениями Союза художников Абхазии едут на юбилейную выставку в честь 500-летия открытия Нового Света Христофором Колумбом в 1992 г. в г. Генуя (Италия). Кроме них, Нугзар выставляет еще три пейзажных

этюда. Одна из них «Сухум. Набережная», была приобретена неким коллекционером.

Однако начавшаяся Отечественная война абхазского народа несколько отодвинула задуманные творческие проекты. Военно-политическая обстановка накладывала на творчество художников особый груз. Трудиться надо было на победу. Многие взяли в руки оружие, многие готовили лозунги и монументальные плакаты. Нугзар не оказался в стороне. В начале войны он активно работает для переброски отрядов в Восточную Абхазию, и с друзьями, по его инициативе, в городе Гудаута открывается нелегальный штаб Восточного направления. Через некоторое время штаб становится более официальным, и до конца войны выполняет немаловажную роль для поддержки Восточного фронта. Одновременно он с художником Валерием Гамгия и другими в «Пресс-центре» организовывают группу из четырех художников (В.В. Гамгия, Н.Ч. Логуа, А.С. Адлейба, В.С. Хурхумал) и развертывают идеологическую борьбу с врагом. Владислав Григорьевич Ардзинба, председатель Верховного Совета Абхазии, поддерживает инициативу художников и просит, чтобы они усилили в этом направлении работу. Это был сентябрь 1992 г. Позднее группа расширяется до 18 человек. В октябре Валерия Гамгия не стало. Трудно было оправиться после такого удара, но ребята решили продолжить начатое, только в другом статусе. Уже в конце ноября 1992 г. в штабе военного комиссариата было зарегистрирована группа художников «Ажвейпшaa» по инициативе Нугзара. Руководителем был избран Виталий Джения, заместителем по идеологии – Нугзар Логуа. Ажвейпш – божество охоты у абхазов. И название придумал он сам.

Ажвейпшaa создавали плакаты и карикатуры, остро раскрывая образ врага в художественном направлении, срывая с него псевдodemократические маски. На этот период, зная его дар и талант в художественном слове, тележурналист Вячеслав Сакания приглашает Нугзара для подготовки нескольких передач в рубрике «Апсуара». Скоро зрители увидели удивительно талантливую авторскую передачу про Валерия Гамгия. Философское решение передачи и глубокое осмысление и

трактовку работ Гамгии поражали многих. Бархатный, баритонный голос Нугзара придает особый импульс передаче. Он своим голосом сопровождал свой фильм. Он проникало в душу зрителей. Это был великолепный дебют художника в искусстве телевидения. На мой взгляд, это один из лучших авторских фильмов, сделанных во время войны, который можно было номинировать на Государственную премию. Но увы...

Война подтвердила еще раз, что Нугзар обладает организаторскими способностями. Он с друзьями по кисти организовывает выставку абхазских художников в Санкт-Петербурге в начале января 1993 г. Выставка наделала много шума со стороны грузинского общества Санкт-Петербурга. Шли прямые угрозы. Но Нугзар и его друзья – Виталий Джения, Вячеслав Хурхумал и Заур Аджа – достойно давали отпор по всем вопросам. Питерские каналы освещали выставку и событие в Абхазии. Это была важнейшая задача для того, чтобы пробить информацию о сложившейся ситуации в Абхазии.

Отечественная война народа Абхазии завершилась разгромом врага 30 сентября 1993 г. Тяжелая послевоенная жизнь беспощадно ломает многих творческих людей, психологически не устоявших перед валом проблем. Нугзар продолжает работать. В 1996 г. в Сухуме, впервые после войны, в фойе Русского театра открывается выставка Нугзара Логуа и проходит его творческий вечер с участием абхазской интеллигенции, общественных и политических деятелей. Семьдесят пять живописных работ украшали стены театра. Ни один художник не был готов на такое после войны. В этих работах чувствовалась психологическая напряженность и экспрессия. Время диктовало свои условия. Некоторые картины с этой выставки были приобретены Национальной картиной галереей Абхазии: «Натюрморт с гранатами» и «Сухумский этюд с развалинами».

Не могу не отметить, что за первое десятилетие после войны мы потеряли многих талантливых людей, которые умирали от нервного перенапряжения. Так в 1997 г. скоропостижно ушел из жизни талантливый художник, руководитель Союза художников Абхазии Сергей Габелия.

Союз художников оказывается на грани развода. Группа художников на базе Союза создают Ассоциацию художников Абхазии, другие – Общество свободных художников.

Хаос и беспорядок царили везде. Возникают имущественные споры. На некоторое время художники, члены бывшего Союза, оказываются на улице. Начался процесс «демократизации» общества. Неожиданный уход председателя усиливает без того напряженную обстановку. В этих условиях необходимо было найти такого человека, который бы смог грамотно вывести профессиональное сообщество художников из кризиса. И ставка была сделана на Нугзара Логуа. Группа известных художников попросила его возглавить Союз. Это была удачная и безупречная во всех отношениях кандидатура.

Через пару лет доброе имя Союза было восстановлено, вместе с ним Центральный выставочный зал Союза художников с прилегающими помещениями для администрации Союза. В кратчайшие сроки были проведены ремонтные работы по восстановлению изуродованного войной Выставочного зала. И первая выставка Союза художников Республики Абхазия в новом качестве была открыта 30 сентября 1997 г., в День победы. Но принципиальность и последовательность Нугзара не нравились некоторым коллегам и чиновникам разного ранга. Играть с ним в открытую не имело смысла. Начались подковерные игры против талантливого руководителя СХ РА. Несмотря на прессинг со стороны властей, на выборах 2001 г. Нугзар получает больше голосов, чем его оппонент. Но он понимал, что смысла оставаться уже не было, поэтому он тут же объявляет съезду о своей добровольной отставке.

Это толкнуло его на политическую борьбу. В 2000 г. в Абхазии появляется первая оппозиционная общественно-политическая организация «Айтайра» (Возрождение) во главе с известными политическими деятелями – бывшего министра иностранных дел Леонида Лакербая и бывшего министра внутренних дел Александра Анкваб. В ее состав вошли известные абхазские писатели, ученые, художники и общественные деятели, среди которых был и Нугзар Логуа. Он пишет политиче-

ские статьи и на встречах с активистами выступает с пламенными речами. Открыто доводил до граждан свою точку зрения. В 2005 г. на первых альтернативных выборах президента Республики Абхазия общий кандидат партии ветеранов войны «Амцахара» и «Айтайра» Сергей Багапш одерживает победу. При формировании правительства Нугзар Логуа становится министром культуры. В 2010 г. опять Сергей Багапш одерживает блестящую победу на президентских выборах. Нугзар был переназначен второй раз министром культуры.

После скоропостижной кончины президента Абхазии Сергея Багапш в мае 2011 г., через три месяца прошли внеочередные выборы, на которых президентом страны избирают лидера «Айтайра» Александра Анкваб. По закону РА, правительство Сергея Багапша уходит в отставку и формируется новое правительство.

Надо отметить талант Нугзара Логуа, совмещающего общественную и политическую работу с творчеством. Даже находясь при высокой должности, он не переставал работать, хотя мы знаем, какой ценой он этого достигает. В 2010 г. его первая зарубежная выставка проходит в Республике Сан-Марино в галерее «Сан-Марино». В 2012 г. вторая выставка открывается в Италии, в городе Пезаро, где были представлены двадцать семь полотен абхазского мастера.

Кроме этого он является руководителем творческой группы и сам принимает участие как автор и соавтор в нескольких монументальных проектах страны.

В начале XXI в. у художника начинает создавать более аналитические и конструктивные вещи в живописи. Меняется его живописный колорит, хотя он по-прежнему продолжает писать свои лирические пейзажи. Не могу не отметить, что пейзажи Нугзара отличаются от всех других живописцев Абхазии тем, что они у него конструктивные, как у Сезанна, и колоритные, как у Моне. Влажные, с особым светом, как и сама природа Абхазии. Мастер точно угадывает колорит абхазской природы. Эти пейзажи никогда не надоедают, вдохновляют так, что в них хочется жить. Таковы «Море на закате» (2009 г.), «Н/Афонский пруд» (2019 г.). «Кораблики на ремонте».

Несмотря на это, он все же модернист, авангардист. Для него характерно разрушение существующих форм с целью создания новых. Такой подход мы видим у итальянского мастера XX в. Джорджа де Кирико. Но работы Нугзара более живописны и конструктивны. Они благородны, как работы великого Сезанна. Аналитик Логуа пользуется большим опытом знаний. Он прекрасно разбирается в истории мирового искусства. Для него не важны пятна на Луне, или детали космического пространства, а важна сама вселенная в целом, в которой и детали играют роль.

Цвета у Нугзара чистые, локальные, ярко звучащие. Особенно работы последних десяти лет. Чувствуется, что мастер достигает своего совершенства. Его работы невозможна спутать ни с кем. Медленно, но уверенно идет к цели. К началу нового тысячелетия он начинает работать более конструктивно. Создает абстрактные композиции. Приобретает свой стиль, стиль живописца Нугзара Логуа.

До 2010 г. он пока создает образные вещи, тогда же и создает ряд интересных работ: «Жеребенок», «Клоун, танцующий со своей тенью», «Хайт и Дзызлан», «Поцелуй», «Арес и свобода» и мн. др.

Композиция «Жеребенок» и еще шесть работ Нугзара были выставлены в Лондоне в 1997 г., и все работы были приобретены частными коллекционерами. Насколько мне известно, несколько работ приобрел известный коллекционер Никита Лобанов-Ростовский.

К этому периоду относится и «Портрет бабушки Камачич» (2003 г.). Работа была выставлена на выставке, организованной Юнеско в Париже, в 2009 г. Она исполнена с такой любовью к столетней бабушке, что зрителя охватывает благородство умудренной женщины. Этот профильный портрет, как и сама природа, будет вечно дарить нам свое тепло.

Здесь совершенно по-другому звучат цвета живописи Нугзара Логуа. Резкие контрасты светлого и темного мощным аккордом проходят от макушки портрета донизу, как молния во время грозы. Эквилибристика цветовой гаммы в свободной манере заставляет зрителя почувствовать теплоту и энергию

данного портрета. В этой живописно-экспрессивной работе художник достигает высокого мастерства. Но это еще не апогей, хотя эта работа может украсить любую современную галерею мира.

Говоря о творчестве Логуа, мы не можем обойти стороной его скульптурные композиции. Малое количество этих работ еще ни о чем не говорит. На высоком пластическом языке они сегодня уже вошли в историю современного искусства Абхазии. Особенно его монументальные вещи. Два монументальных произведения, которые созданы в дуэте с его супругой, скульптором Ахба Цирой (ученицы Очиаури Г. А.) являются одними из лучших в Абхазии. Это «Мать Свободы Абхазии», возведенная в 2008 г. в с. Тамыш Очамчырского района, и многофигурная композиция «Победитель» в городе-герое Ткуарчал, 2012 г. Обе композиции выполнены из бронзы. «Мать Свободы Абхазии» высотой 560 см, «Победитель» – 510 см. Прорывом в Европу был еще один смелый шаг авторов – это открытие бронзового бюста Б.В. Шинкуба в Венгрии, в сквере Дома-музея Шандора Петефи, 2010 г. Это было первое признание в Европе абхазских скульпторов в начале третьего тысячелетия.

Также Нугзар является автором первого модернистского памятника 2002 г. в с. Члоу, который, к великому сожалению, через восемь лет был заменен на реалистическую фигуру «Скорбной матери». На мой взгляд, профессиональное сообщество своим молчанием и здесь допустило серьезную ошибку. Потому что эта работа была сделана на высоком художественном уровне, в современной модернистской манере.

Скульптурные портреты отца в малой и натуральной форме говорят о многом. Ранний портрет 1985 г. с натуры удивляет не только сходством, но и полнотой скульптурной пластики. Это настоящий шедевр. Другой портрет, сделанный спустя 35 лет, безусловно, не отстает от первого. Здесь мы видим еще более усовершенствованный по всем принципам скульптурного канона портрет, по стилю напоминающий римские портреты. Образ отца это образ задумчивого человека с его психологическими оттенками, ветерана ВОВ и учителя по призванию,

традиционного оратора и крестьянина, уважаемого человека и прекрасного отца, семьянина. Все эти черты собраны в этом удивительном портрете. Чувствуется, что мастер долгие годы шел к созданию этого образа. Он создан с огромной любовью и благодарностью, спустя 25 лет после его смерти. Таким образом отдавая дань памяти отца, воспитателя.

Говоря о скульптуре Нугзара Логуа, мы не можем обойти его монументальные работы, как я уже говорил выше. Хотелось бы остановиться на одном из них – скульптурная групповая композиция «Победитель», посвященная памяти погибших в грузино-абхазской войне.

Памятник овеян героическим пафосом абхазского народа в борьбе за свою свободу и независимость. Главный герой – воин-ополченец, стремительно идущий смело вперед с флагом – является символом Победы. Он победитель! Особенno характерен портрет героя, отдаленно напоминающего героя «Марсельезы» из Арки Звезды французского скульптора XIX в. Франсуа Рюда. Нугзар применяет этот прием сознательно. Потому что он вкладывает в композицию образ Свободы как смысл жизни абхазского народа, как и собственно для французского народа, спетую в гимне «Марсельеза». Традиции мировой культуры, привнесенные в абхазскую скульптурную пластику, только обогащает ее смысл и содержание. В то же время мы видим, как автор убедительно придает этому образу черты характера абхазского воина. Удивляет, как точно он проникает в психологию и философию народа, отраженные в этом образе. Момент Победы в этой композиции дополняют и другие фигуры, включенные в группу. Позади фигуры победителя мы видим падающего смертельно раненого воина. Это фигура, которая усиливает драму войны. Когда мы смотрим на эту фигуру, наш взгляд невольно останавливается на трех точках: на портрете, на правой руке с автоматом, и на левой руке, которая устремлена в пространство.

Правая рука, несмотря на то, что она обессилена, пока еще держит автомат – атрибут защиты. На кисти левой руки как бы собраны все нервы погибающего воина. Воина, который не сдается до последней минуты. И наконец, вся философия

умирающего воина, защищающего свое отечество, отражается в портрете. Портрет – образ верующего человека. Он обращается к Богу с молитвой при последнем вздохе. В скульптуре отражен момент воссоединение духа с вечностью. Его лицо обращено к небу. Через мгновение оно его примет. Высшая точка художественной философии Нугзара в этой композиции, на мой взгляд, кроется именно в этом образе. Подобные приемы, пожалуй, я не помню в мировой практике, тем более в Абхазии...

Композиция выстроена таким образом, что, с какой бы точки мы не смотрели, она смотрится оригинально и все время возвращает нас к точке фигуры «Победителя» как главного персонажа.

За фигурой победителя слева, с задней стороны выглядывает образ женщины, которая оберегает своим телом ребенка в опасные минуты. Женщина с определенным страхом на лице стремительно смотрящая вдаль, так выставлен ее портрет, будто через нее мы смотрим на все происходящее вокруг. В этом психологическом портрете матери собраны стойкость и мудрость абхазской женщины, которая всегда являлась олицетворением героического народа. Народа, у которого историческое прошлое воспета Нартским эпосом, где центральное место занимает мать наров Сатаней-Гуша. Здесь композиция перекликается с другим персонажем ранее сделанной работы с участием Нугзара в тамышском памятнике «Мать Свободы Абхазии».

Ткуарчалский памятник по сути является поэмой о героическом подвиге абхазского народа в конце XX столетия.

Учитывая колossalное значение творчества Нугзара Логуа, он в 2017 г. был номинирован на Государственную премию им. Д.И. Гулиа в области литературы, искусства и архитектуры от организации независимых художников «Апсны-Арт». Но, к великому сожалению, комиссия не смогла определить значение творчества талантливого художника... Я, как искусствовед, уверен: сколько бы ни прошло времени, работы художника Логуа все больше будут обретать ценность как для народа, так и для истории искусства. А их игнорирование останется боль-

шой пробелом не только для изобразительного искусства, но и для всей современной истории Абхазии.

Творчество Нугзара Логуа невозможно характеризовать в одной статье, он, как и Пикассо, срывает покров с реального мира и входит в атмосферу порой загадочного, призрачного художественного мира. Следует урокам Сезанна, родоначальника кубических форм. Пользуется опытом футуристов, материализуя формы в пространстве. В пейзажном искусстве пользуется палитрой импрессионистов и постимпрессионистов, иногда даже в живописи применяет формы Генри Мура. Сознательно допускает наивно примитивные формы, подчеркивая близость человека с природой. В отличие от футуристов и кубистов он сохраняет удивительным образом связь с со-зидящим миром. Если выражаться литературным языком, он драматург нашего времени и джазмен в живописи. Нугзар смело использует формулы кубистического направления и супрематизма. Активно развивая эти формы, более изощренно, переводя их на собственную эстетическую плоскость. Как он это делает в картине «Песня в унисон». Пользуется приемами В. Кандинского, только в геометризированной абстракции, что видим в картинах «Преодоление векторного пространства» (2020 г.), «Экзотерический натюрморт» (2020 г.).

Мне сложно описать всю содержательную часть этих работ. Этому необходимо посвятить отдельную монографию. На-столько они пронзительны и изобретательны.

Характеризуя искусство Нугзара Логуа, профессор Болонского университета, теоретик современного искусства Сара Чекинни говорить: «...Если в период кубизма, рассматривавшего суть формы, оставалось неподвижным и безмолвным, на полотнах Нугзара Логуа становится универсумом, населенным живыми, пульсирующими организмами, благодаря противопоставлению плана и цвета... первая, что бросается в глаза на полотнах художника, это смысл жизни, который вам передается, рассказывается и вас вдохновляет. Это счастливый и взвешенный рассказ, где на первом плане люди, на фоне старинных безмятежных пейзажей, в атмосфере общего и всеобъемлю-

щего ощущения безвременья, которое и умиротворяет душу, и заставляет ее волноваться в самой ее глубине»...

Еще один обзор с отступлением.

Среди работ реалистического направления особо выделяется портрет любимой столетней бабушки «Камачич» (2020 г.) Работа этюдного характера, но при этом художник сумел передать не просто узнаваемые черты, но и все грани ее жизни. Художник создает атмосферу быта старого абхазского дома. Сама фигура, сидящая в профиль, выходит из глубокой темноты и озаряет зрителя, как свеча. Передает свет и энергию овеянной теплотой старой доброй жизни. Женщина сидит на стуле, облокотившись на правую руку, уставшая и задумчивая. Вся нелегкая жизнь позади. Она сидит задумчиво, просто, в крестьянской позе, и смотрит куда-то вдаль. Оригинален и фон картины, оформленный предметами быта, которыми пользовалась эта старая женщина. Спереди, на левой верхней створке виднеются две свечи (абх. акуачаб) в старой деревянной подставке, которыми пользовались в старину. Сзади фигуры мы видим нанизанный на шнурок красный перец, главной специи абхазской кухни. Внизу на деревянной подставке стоит старый керамический сосуд (абх. абкул), в котором держать соления. Как мы видим, художник из этих скромных средств сумел произвести впечатление целого мира абхазской женщины. Безусловно, это картина музеиного характера, я думаю, что она найдет в скором будущем свое достойное место в Национальной картинной галерее Абхазии, наряду с такими портретными-шедеврами, как «Портрет Пиамбы» и портрет «Кастей Арстaa» Сергея Михайловича Габелия.

Вот как отзывается другой искусствовед, Ирма Гублия-Загерат, в своей статье о НугзареЛогуа в альбоме художника 2016 года;

«Нугзар Логуа – художник монолога. Его символы загадочны. Знаки в его работах возвращают нас к культовому искусству. Сквозь призму национальной культуры он трансформирует традиции мирового искусства в загадочный мир своих полотен, апеллируя к «вечности» через «мгновений», талантливо отраженных в его работах... Математически выверенное

композиционное решение его картин олицетворяет центр и начало жизни...».

В новых своих поисках художник жонглирует несколькими приемами одновременно. Он создает «джазовые» произведения в живописи, описать которые очень сложно, сложно приходится и зрителю.

Его метафизическая живопись вплетается в сюрреализм. В то же время, абстрагируя разные формы, головокружительно собирает в одном колорите. Причем эти картины выполнены в динамической экспрессии.

Иногда, а может и часто, трудно проследить содержательную нить композиции, но здесь на помощь приходят элементы символизма. Но без определенной подготовки вряд ли можно что-либо угадать в произведениях Нугзара.

Художник может в одной картине передать несколько настроений, но при этом композиционный колорит в целом работает настолько согласованно, будто выполнено на одном дыхании.

К таким работам относятся «Абазг и Химера» или «Царица Иокаста после трагедий», философская картина на тему «Царя Эдипа» Софокла.

Все перечисленные работы Нугзара Логуа, а еще больше не названных, но не менее значимых, занимают достойную нишу в современном искусстве Абхазии. Художник, безусловно, один из ярких представителей, которые работают в стиле авангард.

Он пока еще полон сил и энергий для того чтобы радовать нас новыми и новыми произведениями.

Нугзар Логуа многогранен. Живописец, скульптор, иллюстратор, теоретик, поэт, государственный и общественный деятель, преподаватель, руководитель отделения искусство АГУ. Нугзар работает, совмещая несовместимое. При этом оставаясь уверенным в себе как творческая личность. Он настоящий реформатор, который выдвигает новые идеи и реализует их. Помогает молодым талантам, активно продвигая их в творческом направлении. Руководитель Отделения искусств в Абхазском государственном университете. Также возглавляет Меж-

дународное объединение художников «Апсны-Арт». Является председателем «Международного арт-пленэр-а «Краски Осетии Абхазии». Он же и председатель Республиканской общественной организации «Апсадгыл» («Родина»).

Особое место в его творчестве занимает поэзия. Его сборник стихов, который вышел в 2011 г., на абхазском языке, оригинален своим философским содержанием. Стихи Нугзара также непросты, как и его живопись. На мой взгляд, они дополняют друг друга.

В одном из стихотворений автор говорит, как он «омывает русло гениев, как река», преклоняясь перед именами великих его предшественников. Что делает личность художника еще богаче и краше.

Открываю лист мгновенье,
на века!
Омываю русло гениев,
как река!
Устья – день, короче жизни,
берега!
Палитра – ночь, я сон предвижу,
Цвета!.. Цвета!..
Открываю лист мгновенья,
как заря!
Линия, форма – штрих желания,
Растет – Луна!»

ХРОНИКА

ПАМЯТИ Т.Ш. ГИЦБА

Исполняется 90 лет со дня рождения известного ученого, историку, бывшего заместителя директора по научной работе Абхазского государственного музея Тача Шабановича Гицба.

Родился Т. Ш. Гицба 20 ноября 1933 г. в с. Джирхуа Гудаутского района. После окончания сельской неполной средней школы в 1952 г. он был призван в ряды Советской армии, служил в Польше и Германии.

Демобилизовавшись из рядов Вооруженных сил СССР, в 1957 г. Т. Гицба окончил Дурипшскую среднюю школу, и в том же году поступил в Сухумский государственный педагогический институт на филологический факультет и окончил его по специальности «абхазский язык и литература, русский язык и литература».

Учебу совмещал с работой в Государственном ансамбле песни и танца Абхазии. Одновременно учился в Сухумском музыкальном училище по классу композиции и теории музыки, но после двух курсов вынужден был прервать учебу за неимением музыкального инструмента. В течение года Тач Гицба работал преподавателем в Сухумском культпросветучилище.

С 1963–1971 гг. был методистом, заведующим отделом и заместителем директора Абхазского областного совета по туризму и экскурсиям. За это время были подготовлены свыше 30 экскурсоводов, написаны десятки маршрутных экскурсионных текстов, издан путеводитель «Сухум-Рица», куда вошли собранные и обработанные Тачем Шабановичем топонимы и другие сведения об Абхазии.

В последующие четыре года Т. Гицба работал заместителем директора Литературно-мемориального музея Д.И. Гулиа, где было собрано около 2 000 книг, фотографий, воспоминаний и других документов из многих государственных и личных

архивов, связанных с именем основоположника абхазской литературы, других писателей и поэтов Абхазии.

С 1974 г. Т.Ш. Гицба занимал пост заместителя директора по научной работе Абхазского государственного музея, где им, помимо повседневной музейной работы, была развернута собирательская деятельность как по всей Абхазии, так и по абазинским аулам Северного Кавказа и в местах проживания абхазов в Аджарии. В результате долгих лет совместной работы с историком Ермолаем Аджинджал Тачем Шабановичем было собрано около 3 000 предметов музейного значения.

В 1975 г. наш юбиляр написал книгу «Памятники и памятные места Абхазии» и методическое пособие для экскурсантов, изданные на средства Абхазского областного совета по туризму и экскурсиям. Но после выхода этих изданий последовало указание полностью уничтожить их «за стремление автора оторвать историю и культуру Абхазии от общегрузинской истории и культуры».

С 1965 года по 1992 г. Т. Гицба являлся активным участником национально-освободительного движения абхазского народа. Был членом президиума НФА «Аидгылара», принимал участие в сборе фактов, подготовке подписанных им затем писем в адрес центральных органов СССР. Он занимался сбором подписей, организацией собраний и митингов, на которых доводилось выступать и ему самому.

В 1978 г. Т.Ш. Гицба ездил с «Абхазским письмом» в Москву, где был принят заместителем заведующего отделом ЦК КПСС Бровиковым. Заметим, что к этому письму был приложен перечень памятников истории и культуры Абхазии, вывезенных в разное время в Тбилиси, Москву, Ленинград и в другие места и подлежащих возвращению.

Долгие годы Т. Ш. Гицба занимался сбором материалов по топонимике гор и горных троп Абхазии, непосредственно побывав в горах, ставших предметом его описания. Он работал в архивах и библиотеках Москвы, Еревана, Черкесска, Краснодара. Им были изыскано свыше 60 историко-географических трудов ученых-исследователей и 60 географических карт, а также опрошено около 150 знатоков гор из всех

регионов исторической Абхазии. К 1990 г. исследователем в основном были завершены работы по сбору топонимов и их систематизации. Однако в период грузино-абхазской войны и оккупации Сухума эти материалы были потеряны. С 1995 г. Т. Гицба приступил к восстановлению этой работы, и на основе вновь собранных им материалов в 2002 г. была издана его книга на абхазском языке под названием «Абхазские топонимы Кавказских гор и горных троп». В этой фундаментальной работе охвачены обе части Западного Кавказа до Таманского полуострова.

В 2012 г. ученый порадовал нас новым сборником под названием «Страна древних абазгов».

Т. Гицба также являлся председателем фондовoy и закупочной комиссии, членом Ученого совета Абгосмузея. Принимал активное участие во всех мероприятиях, проходивших в нашем учреждении, проводил большую работу по подготовке музеиных экскурсоводов, а также по разработке научных проектов экспедиций.

В 1970 г. Т. Гицба был награжден Ленинской юбилейной медалью «За доблестный труд».

В 2005 г. Указом Президента РА В. Г. Ардзинба за составление и редактирование «Карты Абхазии», вышедшей в 1997 г., и исследование топонимов Абхазии Т. Ш. Гицба был награжден орденом «Ахъдз-Апша» III степени.

А.И.Джопуа

В.А. НИУШКОВ ИГӘАЛАШӘАРА ИАЗКНЫ

Даараңа ихъаауп, игәалсра дууп атарауағ-атоурыхтцағ, кавказтцаағ, атоурыхтә тұсаарадыррақә аркандидат, ААР Д.И. Гәлия ихъз зху Аңсуаттааратә институти Аңснытәи ақынтықарратә музейи рытцаарадырратә усзуғ еиҳабы Валентин Александр-ипа Ниушков иахъ дахъхавагылам. Здырреи зыуафреи ҳаракыз атарауағ қәыпш иаалырқыданы ипстандаара алтца иуадағуп адқылара, азхәыцра...

В.А. Ниушков динит қызынчкәынмза 26, 1974 шықәсазы Гәйлрыпш араион Ағәйзера ахаблағы. Валентин Александр-ипа Ниушков итаацәа здырра ҳаракыз қараудаан. Иаб Александр Уасил-ипа Ниушков афизикаттаара инапы алакын, аус иуан Ақеатәи афизика-техникатә институт ақны. В.А. Ниушков иан Алевтина Леонид-ипхә Евгениева аурыс бызшәеи алитеттуреи дрыртцағын, акыр шықәса аус лухъан аңсу қытә школқәа рөы, убасгы Ақеатәи 14-тәи ашқол ақны.

В.А. Ниушков 1992 шықәсазы қәғиара дула далгоит Гәйлрыпштәи аbjъаратә школ. 2004 шықәсазы диплом қапшыла итара хиркәшоит Аңснытәи ақынтықарратә университет ағы. 2011 шықәсазы ААР Д.И. Гәлия ихъз зху Аңсуаттааратә институт ақны еиғекааз атарауағ ғарацәа Рхеилак напхтара азиуан. 2012 шықәсазы атоурыхтә тұсаарадыррақәа рдоктор, академик О.Хә. Бәжәба инапхгарала В.А. Ниушков ихъчоит акандидаттә диссертация.

2013 шықәсазы В.А. Ниушков аусура далагоит Аңснытәи ақынтықарратә музей Ажәйтәзатәни аbjъарашәышықәсақәеи ртоурых ақеша ақны. Амузеи ағы иусура аамтазы В.А. Ниушков қазара ҳаракыла, тәкпхықәра дула инаигзон инапы злакыз аусқәа.

В.А. Ниушков аңса тұцаарадырра аизырхарағы илагала акырза ирақоуп. Атқарауағ дравторуп ә-монографиақ, 50 инареиханы атқаарадырратә усумтақәа. В.А. Ниушков итқаарадырратә зөлымхарақәа иреиуан: ихьшәоу антикатәии, заатәии, абжъарашәышықәсазтәии Аңсны атоурыхи, археогиеси, асоциал-економикатәи, аполитикатәи, аетнокультуратәи азтәаатқәа ирыдхәалоу Аңсны атоурых; Антика аамта иатәу Аңсны атоурых; асоциалтәи аполитикатәи антропология, археология, ухәа ирыттаркуа ахырхартқәа.

В.А. Ниушков иерылаирхәхъян хыпхызара рацәала Аңсни уи антығы имфапысуаз атоурых, археология ирыдхәалаз Жәларбжъаратәи атқаарадырратә конференциақәеи, афорумқәеи. Убасгыы В.А. Ниушков акыр атқаарадырратә ұйыктымтақәа атакзыпхықәү мағанықәгағыс даман. В.А. Ниушков иусуреи итқаарадырреи ұакпхықәрала рынагзара ахъзала ениеипшым аамтақәа рзын ианаршъахъян аұышшаратә шәкәкәеи, апремиақәеи. В. А. Ниушков еснагъ ажәахәкәа рыла дыққетылған ААР Д. И. Гәлия ихъз зху Аңсугаатқааратә институт имфапнагоз есышықәсатәи аихшъаала-тұцаарадырратә сессиақәа рықны. В.А. Ниушков инапы злакыз аус даара бзия ибон, дазғелымхан. Атқаарадыррағы адагы аикөззарағы дыгәраган, дуағы аамсташәан.

Иагъа аамта рацәа мәсасыргыы, ауағы лаша, атқарауағ, ағыза В.А. Ниушков игәалашәара ҳаңзаауент еснагъ...

А.И. Цыонуа

СПИСОК АВТОРОВ СТАТЕЙ И ДОКЛАДОВ

1. Джопуа Аркадий Иванович (Сухум) – директор Абхазского Государственного музея.
2. Авидзба Аслан Фазльбесевич (Сухум) – зав. отделом Истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.
3. Эрлих Владимир Роальдович (Москва) – глав. науч. сотр. Государственного музея Востока.
4. Хотелашивили-Инал-Ипа Мирра Константиновна (Сухум) – зав. отделом Древней истории и средних веков Абхазского Государственного музея.
5. Саков Александр Юрьевич (Москва) – науч. сотр. Института Археологии РАН.
6. Дбар Дорофей, архимандрит (Сухум) – вед. науч. сотр. Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.
7. Схатум Руслан Баричевич (Краснодар) – ст. науч. сотр. археологических фондов КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицина.
8. Ахба Диана Владимировна (Сухум) – зав. отделом Древней истории и средних веков Абхазского Государственного музея.
9. Счастный Дмитрий Алексеевич (Сухум) – мл. науч. сотр. отдела Древней истории и средних веков Абхазского Государственного музея.
10. Гумба Гурам Джотович (Сухум) – ст. науч. сотр. отдела Древней истории и средних веков Абхазского Государственного музея.
11. Нишков Валентин Александрович (Сухум) – ст. науч. сотр. Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.
12. Гопия Денис Карлович (Сухум) – аспирант Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.
13. Гожба Руслан Хаджаратович (Сухум) – ст. науч. сотр. отдела современной истории Абхазского Государственного музея.
14. Лакоба Станислав Зосимович (Сухум) – вед. науч. сотр. отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.
15. Медвенский Николай Игоревич – науч. сотр. отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.
16. Аргун Натела Хутовна (Сухум) – ст. науч. сотр. отдела современной истории Абхазского Государственного музея.
17. Пилия Мадонна Фрикановна (Сухум) – науч. сотр. Центра Нартоведения и полевой фольклористики Абхазского Государственного университета.
18. Гергия Альбина Федоровна (Сухум) – ст. науч. сотр. отдела естественной истории Абхазского Государственного музея.
19. Смыр Астанда Леонтиевна (Сухум) – мл. науч. сотр. отдела естественной истории Абхазского Государственного музея.
20. Гучетель Зухра Хачмафовна (Майкоп) – вед. науч. сотр. отдела философии и социологии Адыгейского республиканского научно-исследовательского института им. Т.М. Керашева.
21. Шамба Инга Владимировна (Сухум) – ст. науч. сотр. отдела этнографии Абхазского Государственного музея.
22. Сакания Сурям Михайлович (Сухум) – ст. науч. сотр. отдела искусствоведения Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.

АПСУА ҲӘЫНТҚАРРАТӘ
МУЗЕИ АУСУМТАҚӘА

ТРУДЫ АБХАЗСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ

АТЫЖЬРА
VIII
ВЫПУСК

Редактор С. Аргун
Верстка Л. Малхасян

Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 14.
Заказ №